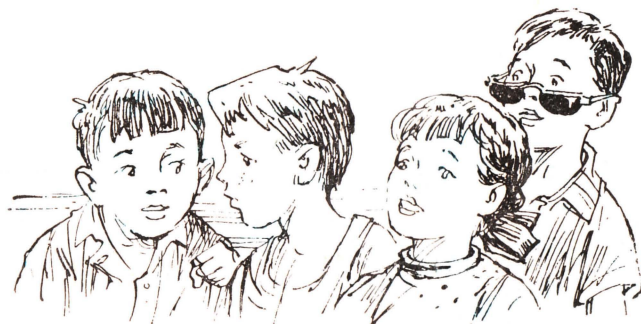

МАРГА
ФОМИНА

**САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ
ЛЮДИ**

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ

ЛЮДИ •

МАРТА
ФОМИНА

ПОВЕСТИ

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ
1969

Случалось ли вам, ребята, провести лето в городе? Наверно, многие в ответ на это удивлённо спросят: а что интересного летом в городе? Жарко, пыльно, скучно... Вот так же думали сначала и герои повести «Летопись нашего двора» — четверо мальчишек. Целыми днями они сидели на лавочке и ждали, не случится ли с ними само собой что-нибудь необыкновенное. А потом им надоело ждать, и они решили навести порядок на своём дворе. И сколько же забавных историй приключилось с ними, сколько интересных дел они переделали! А как стать самостоятельными людьми? Егор и его младшая сестра Юлька из повести Марты Фоминой «Самостоятельные люди» отправились во Вьетнам, чтобы бороться за его освобождение. Много приключений случилось с ними в дороге, пока они не приехали... в подмосковную деревню. Там они подружились с пионерами, помогали им собирать колхозный урожай, вместе с ними ходили в Музей Владимира Ильича Ленина. За это время ребята очень повзрослели и решили, что в первую очередь им нужно учиться. Много нового и увлекательного узнали и герои повести «Работнички» — Ириха-Врачиха, Митяй-Починяй и Мишука-Почемука. Прочтите повесть Марты Фоминой, и вы познакомитесь с весёлыми мальчишками и девчонками, которые порой попадают впросак, но никогда не унывают и горячо берутся за хорошее и нужное дело.

ЛЕТОПИСЬ НАШЕГО ДВОРА

ГЛАВА 1

ВОЛШЕБНЫЕ ОЧКИ И МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

— Не путайся ты под ногами! — прикрикнула на меня мать.

— Дай денег на мороженое, тогда не буду путаться!

Странные эти взрослые! Им кажется, что мы путаемся у них под ногами. А попросись куда-нибудь — не пустят.

— Я вот тебе дам! — пригрозила мне мать. — Вынеси лучше ведро.

От мыла и соды руки у матери белые-белые. На кухонном столе целая гора мокрого белья. В корыте пухлая пена. Пузырей надулось очень много. Они постепенно лопаются.

В углу окна давно гудит большая синяя муха.
Скучно!

Мать медленно распрямляет спину и рукавом вытирает мокрый лоб.

Жарко.

Мать наклонила корыто, и поток мутной воды побежал в ведро. Пена вздулась высокой шапкой. В каждом пузырьке — разноцветные огоньки. Я потащил ведро на веранду, окна которой выходят во двор. Со второго этажа наш двор как на ладони. Сверху он очень похож на школьную доску: такой же чёрный и весь исчерчен на квадраты — это девчонки в классы играют.

У крыльца на лавочке сидят мои приятели: Санька Звягинцев, Петька Ежов и Димка Тимошенко. Я им свистнул, и они подняли головы.

На Димкином носу — красивые тёмные очки. Это очки от солнца. Сначала их носила Димкина мать, но потом у них расшатались дужки, и она отдала очки сыну. Теперь это Димкина собственность, и он то и дело нацепляет их на свой нос, а другим не даёт. Вот и сейчас: фасонит, а Санька и Петька сидят по бокам — ждут, когда же он даст им поносить очки. Но Димка не торопится их осчастливить. Даром он никогда ничего не даёт, только в обмен. Мне он тоже пока не давал.

— Вот пейзаж так пейзаж! Красота! — щёлкает он языком. — Как на курорте! Небо — просто море... А волны на нём какие гуляют! С наш дом! Вот-вот захлестнут корабль!

Любит заливать этот Димка! На курорте никогда не был, море и вполглаза не видел, а хвастается. Я взглянул на небо. На горизонте, будто клочья пены, белели маленькие облачка, да и те под лучами солнца по-

степенно таяли. А о корабле и подавно говорить нечего! Димка просто всё выдумал! Но мне почему-то нестерпимо захотелось хоть разок посмотреть в его очки.

— Дай поносить! — попросил я из окна.

— А что дашь?

Так я и знал, что он это скажет. Вот жадина!

— Оплеуху! — ответил я со злостью, но тут случайно заглянул в ведро и обрадовался: осевшая пена искрилась в лучах солнца тысячами крошечных разноцветных пузырьков.

Я схватил валявшийся на ступеньках тетрадный листок, свернул его в трубку и, опустив один конец в воду, подул в другой. Пузырьки выросли, заиграли красками. Я выдул один большой мыльный пузырь и пустил из окна. Ветром его чуть отнесло в сторону. Он медленно плыл в воздухе, играя на солнце мокрыми переливчатыми боками, и лопнул почти у крыльца, перед самым носом Димки.

Моих приятелей будто ветром сдуло со скамейки.

Димку я подпустил к ведру не сразу, только когда в моих руках оказались его очки. Я поскорее нацепил их на свой нос. Природа сразу изменилась, как будто наступил вечер. Зелёные деревья в соседнем саду посветлели, будто их припорошили снежком, а ясное небо, наоборот, потемнело и стало совсем как море. Но волн и корабля не было. Вместо них посреди зелёного неба плавало маленькое, сразу присмирившее солнце, похожее на яичный желток.

Всё-таки смотреть в Димкины очки было приятно. Рыжая, утрамбованная ногами земля стала тёмно-зелёной, будто на ней вырос мох. Так и потянуло на нём поваляться! Даже кирпичная дорожка и та позеленела, словно между кирпичами вдруг выросла трава.

Не зря Димка то и дело нацепляет на нос свои очки. Они будто волшебные! Я предложил поменять очки на полное ведро мыльной пены. Но Димка отказался. Я со вздохом отдал ему очки и начал пускать мыльные пузыри.

Мы стали соревноваться, чей пузырь продержится дольше в воздухе. Мне повезло. Мой долетел до самой земли и лопнул, оставив мокрое пятно на сухой, потрепавшейся дорожке. Малыши бросили песочницу и столпились внизу под окном. Среди них тоже началось соревнование: кто скорее поймает пузырь и прихлопнет его ладошкой. Братишка Саньки Звягинцева, Василёк, который этой осенью пойдёт в школу, вытягивал губы трубочкой, подставлял лицо под пузырь или бодал его лбом, как футбольный мяч. Но потом мыльные брызги попали ему в глаза. Он завыл и затопал ногами. Прибежала тётя Катя, мать Звягинцевых, и, увидев грязное лицо Василька, всплеснула руками.

— Ах ты, оболтус! — напустилась она на Саньку. — Тебе мать ребёнка доверила, а ты как поступаешь? Ты что, хочешь его без глаз оставить?

Что тут шуму было — не описать! Первым делом тётя Катя поднялась на второй этаж и дала Саньке подзатыльник. Голос у тёти Кати зычный. Моя мать сразу его слышала, выбежала из кухни, посмотрела на ведро и, ни слова не говоря, выбила мокрой тряпкой у меня из пальцев трубку.

Петьке и Димке удалось бежать. А нас с Санькой целый час ругали! Особенно Саньку. Он вроде воспитатель Василька и отвечает за него. А Василёк пользуется этим и ни на шаг от него не отходит — прямо как пришитый!

ЧЕТВЕРО «ЗА БОРТОМ»

Мы долго оправдывались — напрасные усилия! Из тёти Кати сыпалось столько обвинений, что словечка некуда было вставить. В конце концов мы поняли, что защищаться бесполезно, и поплелись во двор. Петька, Василёк и Димка уже сидели на лавке и, увидев нас, молча потеснились. Настроение у нас было прескверное, и не потому, что попало. Просто обидно, что нам не повезло и мы вчетвером оказались «за бортом». Ведь все ребята с нашего двора на лето разъехались в разные концы света — кто в деревню, кто в пионерские лагеря, — только мы остались и теперь места себе не находим от скуки. Я, например, пострадал больше всех. Мой отец геолог и этим летом собирался вместе с мамой и со мной поехать в отпуск на Чёрное море. Мы мечтали нырять там в подводной маске и охотиться на рыбу. Но вдруг отца послали в срочную командировку на острова Северного Ледовитого океана, и взять меня с собой он категорически отказался. «Задание очень ответственное, — сказал он, — ты мне только мешаешь. Да и холод там собачий, ещё замёрзнешь!» Как будто взрослые не замерзают!

Я давно решил стать героем, но пока это моя тайна. Если бы отец взял меня в экспедицию, я бы себя показал! Я бы что-нибудь открыл, нашёл или, по крайней мере, кого-нибудь спас. Придёт время — отец и все его геологи будут кусать локти, когда я стану героем без них. Скажут потом:

«Знали бы мы, что он такой, взяли бы его обязательно. Смелые и умные люди просто необходимы в экспедиции!»

Ну ничего, всё впереди! У героев всегда так бывает:

сначала им не везёт, а потом вдруг неожиданно повезёт.

Санька не поехал в лагерь потому, что у Звягинцевых большая семья: кроме дяди Стёпы и тёти Кати, шестеро детей, и на всех путёвок не хватает. В это лето была Санькина очередь ехать в лагерь, но ему пришлось уступить место младшей сестре Лиде, которая зимой долго болела. Конечно, это справедливо, но всё же обидно: Санька не виноват, что такой здоровый! Он говорит, что ему иногда тоже хочется заболеть.

У Пети получилось наоборот: он остался в городе как раз из-за болезни. Недавно ему вырезали «аппендикс», и родители никуда его не отпускают: боятся, что он будет в лагере поднимать тяжёлое и у него разойдётся шов.

А Димку мать оставила в городе за то, что он учился кое-как. У Димки отца нет, а мать артистка. Она уехала на гастроли в Крым, а Димке строго-настрого велела заниматься. Но он не занимается, заниматься ему мешают мечты, которые просто не дают Димке покоя. Посмотрит Димка кинофильм про полярников — мечтает завоевать Антарктиду, посмотрит про сталеваров — мечтает варить сталь. А недавно Димка побывал в цирке и теперь мечтает стать дрессировщиком.

Но пока что животные его не любят, даже самые ласковые кошки обходят за несколько шагов. А Димка говорит, что животные бывают одарённые от природы и бездарные. Одарённые сами радуются, когда их дрессируют. Например, знаменитый дрессировщик Дуров из сотни собак выбирал одну и уж с ней только и работал. Так вот, Димке ещё не посчастливилось найти такую собаку или кошку, потому что выбор у него небольшой. Все кошки и собаки, которые попадали в его руки, оказывались бездарными. Но Димка надеется,

что ему ещё встретится одарённая собака или кошка, и на улице не дает им проходу: все определяет их способности.

В общем-то, никто из нас четверых не падает духом, хотя мы и оказались «за бортом».

Это морское выражение мы не сами придумали. Так сказал про нас сам управдом дядя Лев, а такой человек зря говорить не будет.

ГЛАВА 3

МОЕ МНЕНИЕ ОБ УПРАВДОМЕ И ВОООЩЕ ОБ ИМЕНАХ И ФАМИЛИЯХ

Дядя Лев человек замечательный. Он моряк. Во время войны его ранило в ногу, и с тех пор он хромает.

Дядя Лев — душа-человек, на нём весь дом держится. Наш дом старый, деревянный и чем-то похож на корабль. Антенны на крыше торчат, как мачты. Дядя Лев нужен нашему дому, как кораблю капитан. Без него квартиры зимой не топились бы, водопровод не работал и всё вокруг заросло бы грязью. Правда, жильцы часто жалуются на дядю Льва, но он говорит, что это закон природы и ничего тут не поделаешь.

Мы ещё этого закона природы в школе не проходили.

Вообще-то дядя Лев разговаривает с нами мало, но мы понимаем друг друга с полуслова. Иной раз, когда у нас на душе кошки скребут, он только мигнёт глазом: мол, ничего, браток, выше голову! всё уладится! — и сразу устыдишься своей слабости.

Вот это какой человек!

У него даже фамилия необыкновенная — Штык. Везёт же людям! Такой фамилии любой позавидует. Она к нему очень подходит: управдом длинный и ху-

дой. И имя у него сильное: Лев! Мы его так и зовём: дядя Лев.

Вот мне явно не повезло: фамилия у меня самая обыкновенная — Корнилов.

А с именем у меня дело дрянь! У всех имена как имена. У Звягинцева — Александр, сразу подумаешь о великих русских полководцах Александре Суворове и Александре Невском; у Ежова — Пётр, сразу вспоминается основатель русского флота Пётр Первый; у Тимошенко — Дмитрий, сразу встаёт перед глазами Дмитрий Донской. А меня называли Алькой, и ещё не установлено, мужское это имя или женское!

У нас в классе есть одна девчонка, Алька Дешеулина. Иной раз девочки кричат: «Аля, Аля!» Я обернусь, а они гогочут: «У тебя коса расплелась, заплети!» Оказывается, они кричали мне нарочно, а потом смеялись и не смотрели в мою сторону, будто звали не меня, а Дешеулину. И угораздило же этой девчонке попасть в наш класс! А главное, у меня с ней никакого сходства! Она маленькая и белобрысая, а я высокий и ещё вырасту, как мой отец. Волосы у меня чёрные, даже летом ни капельки не рыжеют. Кожа смуглая, а брови густые и на переносице сурово срослись. Это счастливая примета. У многих великих людей брови именно так срастались.

У одного знакомого десятиклассника я выпросил «Историю СССР» и прочитал её от корки до корки. Но ни одного лётчика, полярника, физкультурника, тракториста или вообще кого-нибудь с именем Альберт не нашёл. И угораздило же маму назвать меня так! Я говорю «маму» потому, что отец, когда я родился, позволил ей выбрать имя. Бабушка, которая живёт в Свердловске, сказала мне по секрету, что папа был тогда влюблён в маму по уши. Ну и пусть бы влюб-

лялся, это его личное дело! Но как он мог позволить одному человеку решать такой важный вопрос? Вот и получилось, что меня называли женским именем.

Я, конечно, сейчас отцу этого не говорю, он, наверно, сам уже давно осознал свою ошибку. Да и что зря человека расстраивать — всё равно тут уж ничего не изменишь!

Но я не падаю духом. В конце концов, это очень здорово — прославить самое обыкновенное имя.

А я постараюсь его прославить!

ГЛАВА 4

НАШ ДВОР И НАШ САД

Вдруг кухонное окно над нами распахнулось, и тётя Катя выплеснула нам на голову тёплую воду из детской ванночки.

Нет чтобы извиниться, так она ещё нас и выругала:

— Вечно вы вертитесь под ногами! Кто вас просил сидеть под окном? Ну, да ладно, вода чистая, я в ней Васюткино бельё сполоснула.

Ничего себе утешение!

— Сразу легче стало дышать! — сказал Петька и притворился, что доволен, хотя ему досталось больше всех: волосы у него на голове слиплись и напоминали ежовые иголки.

— Айда, ребята, на улицу! — сказал Димка, и мы вышли за ворота.

Наш дом стоит на углу. Одной стороной он выходит в тихий переулок, который ведёт к реке и огородам, а другой — на улицу, широкую, солнечную.

Нам очень нравится наша улица. Она вся заасфальтирована, только кое-где около тротуаров зачем-то оставлены голые квадраты земли. Нагретый солнцем

асфальт блестит так, что невольно жмуришься. Но лучи проникают даже сквозь веки. Перед глазами плавают алые круги, а чуть разомкнёшь ресницы — кажется, от них разбегаются золотистые лучи.

Посреди улицы поблёскивают на солнце трамвайные рельсы. Они такие ровные, будто их вычертили по линейке. На улице, как всегда, весело и шумно. Звонко тренькают трамваи, с тихим шуршанием проносятся легковые автомобили. Здесь никогда не бывает скучно: кругом все суетятся, куда-то спешат, так что поневоле начинает казаться, будто и ты очень занят. К тому же прохожим не до мальчишек, у них своих дел хоть отбавляй, и они редко обращают на нас внимание. А нам только это и нужно!

Санька на минуту куда-то исчез, но скоро вылетел из ворот и пронзительно закричал:

— Чур, первый!

В руках у Саньки его заветное сокровище — чугунок колёсико и железный прут с крюком.

— Чур, второй! — торопливо сказал я.

— Чур, третий! — взвизнул Петька.

— Четвёртый, — недовольным голосом протянул Димка.

Санька подтолкнул колёсико, ловко подхватил его прутом и покатил вперёд. Со стороны может показаться, что это легко. Но это только со стороны. Если бы тротуар был пустой, тогда другое дело. А тут приходится всё время лавировать между прохожими. Мы шли рядом с Санькой и глаз не сводили с колёсика.

— Раз, два, три... десять... пятнадцать... — считал Петька.

На тридцатом шаге колёсико накатилося на какую-то собачку, отлетело в сторону и упало. Раздосадован-

ный Санька в сердцах ткнул собачонку ногой, и она с визгом кинулась прочь.

Наступила моя очередь. Я покати колёсико обратно к воротам. Мимо проскрипели чьи-то новые ботинки, промелькнули белые босоножки, простучали тоненькие каблочки.

— ...двадцать... двадцать восемь...— считал за моей спиной Петька.

Я с замиранием сердца следил за колесом: еще два-три шага, и я побью Санькин рекорд! Вдруг передо мной, как из-под земли, выросла нога в коричневой сандали. Колёсико, ткнувшись в большой палец этой ноги, со звоном упало на тротуар.

— Чтоб тебе пусто стало! Любимую мозоль отдал! — простонал кто-то надо мной. — Бездельник, мало тебе своего двора!

Я поднял голову — сверкают тёмно-карие глаза. Веером топорщится борода, ходуном ходят усы, такие длинные, что совсем закрывают рот. Кажется, будто старик говорит бородой и усами.

— А вы бы не лезли под ноги! — сгоряча сказал я и на всякий случай отступил во двор.

— Что-о-о? — Мохнатые брови старика подпрыгнули вверх. — Кто это научил тебя дерзить взрослым?

Он хотел схватить меня за плечо, но я увернулся и со всех ног бросился в сарай: ещё поведёт к матери! Ребята тоже разбежались. Василёк споткнулся, растянулся во весь рост и заревел.

— Ладно, вставай, — сказал старик, — не надо было от меня убежать. Уж не такой я страшный.

— Нет, страшный! — всхлипывал Василёк. — Вы, наверно, Бармалей.

— И как это ты догадался? — удивился старик.

— Я про вас в книжке читал.

— А тебя как зовут?

— Василёк.

— Так вот, Василёк, передай своим приятелям, чтоб они свой двор привели в порядок. Сколько земли зря пропадает! Срамота!

Старик с негодованием топнул и побрёл к воротам, чуть припадая на ушибленную ногу.

— Хорошо, дядя Бармалей, передам!

Из парадного выбежал Петька и лихо свистнул:

— Отбой, ребята!

Мы вышли из укрытия.

— Чудной старик! — сказал я.

— Да, странный, — подтвердил Димка. — А в общем, ничего старикан. Не ябеда.

— Чур, моя очередь! — закричал Петька.

И мы опять стали катать колёсико.

Весь день у меня не выходил из головы этот старик и его странные слова. И чем ему у нас не понравилось?

Наш двор не хуже других: просторный и очень интересный. Тут много сараев, на их крышах можно загорать. Правда, Димка раз загорал, загорал да и провалился: старая фанера не выдержала.

Или можно взять толстое полено из поленицы тёти Кати, положить на него тёти Машину доску, а потом скакать с кем-нибудь на пару так высоко, что дух замирает в груди. Мать увидит — будет кричать:

«Ногу ломаешь!»

А мы будем кричать:

«Не ломаем!»

Или можно спуститься в подвал, наловить жирных пауков-косилапок и пугать ими девчонок. Девчонки будут дико визжать и просить пощады.

Можно играть в мяч — кидать его в стену меж двух окон.

Да мало ли ещё что можно придумать! Но взрослые не любят выдумок. Они любят, чтоб вокруг было тихо.

Дядя Лев как-то раз проговорился, что в детстве загорал на крыше. После этого мы стали уважать его ещё больше. Видно, раньше он был весёлым парнем. А теперь стал сердитым, оттого что все наши жильцы без конца что-нибудь требуют от него, и часто такое, чего он не может дать. Как-то раз пришла к нему какая-то строгая женщина. Вдвоём они долго о чём-то говорили, ходили по двору, смотрели. Потом дядя Лев созвал жильцов и сказал:

— Вы все, товарищи жильцы, знаете, что город наш отстраивается. Дома растут как грибы. По улице пройдёшь — смотреть любо-дорого, а во двор заглянешь — хоть слёзы лей: ни детской площадки, ни двора.

— Правильно! — сказала тётя Катя. — Никакой заботы о детях. И что только домоуправление думает!

Тут все жильцы зашумели и начали ругать домоуправление. Дядя Лев всех выслушал, а потом и говорит:

— Один в поле не воин. Надо вместе за дело браться, тогда будет толк. Начнём хотя бы с детской площадки. Для неё нужны доски, а досок нет. Давайте искать выход...

Разговор этот происходил во дворе, а мы рядом играли в классы и делали вид, что ничего не слышим. При слове «выход» дядя Лев покосился на доски тёти Маши. А доски эти очень красивые: ровненькие, гладкие, белые, с разводами от сучьев. Очень жалко, если осенью их распилят и сожгут в печке.

Дядя Лев только посмотрел на эти доски, а тётя Маша, которая сидела на лавочке и вязала чулок (она

всё время что-нибудь вяжет!), почему-то стала жаловаться:

— Я женщина одинокая, некому позаботиться обо мне. Детишки мне стёкла мячом разбили — небось никто не помог вставить. А доски зимой мне самой сгодятся.

Выяснилось, что эти доски ей подарили за хорошую работу. Мы-то думали, что тётя Маша только и умеет, что вязать чулки, а оказалось, что она всю жизнь работала на лесопильной фабрике и чуть ли не половина мебели в нашем городе сделана из досок, которые она на машине обстругала. Наверно, и наши парты сколочены тоже из её досок. А мы и не знали!

Нам сразу же стало не по себе. Но что мы могли сделать? Выбивать стёкла мы умеем, а вставлять — нет! Мы притворились, что ничего не видим и не слышим.

Наши родители долго успокаивали тётю Машу, а о нас опять забыли. Тётя Маша здесь, конечно, ни при чём. На её досках свет клином не сошёлся, как говорит моя мать. Но надо было собирать деньги со всех жильцов, а половина из них сейчас разъехалась в отпуск. Потом надо было где-то занимать очередь за этими досками. В общем, наши родители поговорили, поговорили и разошлись.

А управдом пожал плечами и сказал:

— Ну вот, отвели душу, и по домам! Эх, люди! Совесть свою успокоили, и ладно!

Я прекрасно его понял, потому что сам пробовал успокаивать свою совесть. Помню, когда мне не хотелось учить уроки, чего я только не придумывал, чтобы вырваться на улицу! Я говорил матери, что слушал уроки внимательно и повторять их дома для меня совсем даже лишнее; что до вечера уйма времени и сесть

за стол я ещё успею; что у меня болит голова; что память ослабела и пора сделать передышку; что надо выпустить кошку; что я обещал одолжить учебник товарищу, который живёт на другом конце улицы,— в общем, чего только не придумывал!

Мать сердилась и строго говорила, что обмануть её мне не удастся. Очень может быть. Но себя мне всегда удавалось обмануть. Потому что мне действительно казалось, что у меня болит голова, или я вспоминал об обещанном учебнике, а кошка вдруг начинала жалобно мяукать и царапаться в дверь.

Я рассказал о нашем дворе, а о саде позабыл. Наш сад — это только одно название, или, как говорят жильцы, «остатки былой роскоши». Ведь трудно представить себе сад без деревьев. А наш сад теперь превратился в огород. Зимой он покрыт снегом, весной чернеет свежевскопанными грядками, а летом на нём жёлтыми и фиолетовыми глазками цветёт картошка. Границей между огородом и соседним двором, который как две капли воды похож на наш, служит канава. Зимой под снегом её почти не видно, но с первыми тёплыми деньками она превращается в настоящую речку, и мы пускаем по этой речке бумажные кораблики и катаемся на половинке бывших садовых ворот, как на настоящем плоту «Кон-Тики».

Когда-то росли тут липы, тополя, фруктовые деревья, но теперь остались от них только пни. Мама мне рассказывала, что во время войны немцы вырубili наши сады и сожгли их вместе с заборами. Многие дома сгорели. А когда немцев прогнали, бывшие сады разделили на участки и засадили картошкой.

Когда мама рассказывает о том, каким наш сад был до войны, у неё в глазах будто зажигаются огоньки. Осенью собирали богатый урожай. Белый налив был

с отцовский кулак величиной. А райские яблочки, из которых варили особое, вкусное варенье, так и таяли во рту. Все жильцы нашего дома справляли праздник урожая: варили варенье, приглашали друг друга в гости.

«Если бы я тогда жил, — как-то сказал я, — то ни за что не позволил бы рубить такой чудесный сад!»

Но мать рассердилась, назвала меня хвастунишкой и сказала, что надо благодарить судьбу за то, что я не родился в войну, когда людям пришлось столько пережить, голодать и холодать.

ГЛАВА 5

ЗЕЛЁНЫЙ ДОМИК

Утром Петька ворвался ко мне в комнату и закричал:

— Ура-а-а! Дядя Егор уехал!

У меня даже в ушах зазвенело.

— Чего ты кукарекаешь? — говорю. — Уехал и уехал, а нам-то что?

— Ну и глупый ты, Алик! — возмутился Петька. — А зелёный домик? Он же теперь пустой!

— Ура-а! — закричал я и вслед за Петькой кубарем скатился с лестницы.

В одну минуту мы подняли с постелей Саньку и Димку и все вместе помчались на улицу. В воротах мы столкнулись с управдомом и посторонились. Но, видно, наши лица были какие-то особенные, потому что дядя Лев собрал лоб в гармошку и подозрительно спросил:

— Здорово, хлопцы! Что это вы задумали? Куда курс держите?

Мы пожали плечами и прошли мимо — мы умеем хранить свои тайны.

Зелёный домик — это старый ларёк, который сбоку прилепился к нашему дому. Он напоминает избушку на курьих ножках. Над домиком — облупившаяся вывеска:

РЕМОНТ МЕТАЛЛОИЗДЕЛИЙ

Прилавок закрыт ставнями. А ещё вчера они были распахнуты. За прилавком сидел дядя Егор и чинил кастрюли и вёдра. Дядя Егор сердитый, на ребят кричит: «Пошёл вон! Не лезь под горячую руку!»

Рука у него не горячая, но тяжёлая и сильная, пальцы будто железные. Схватит за плечо — синяк останется. В его ларьке с утра до вечера раздаётся стук. Кажется, будто дядя Егор так и родился на свет с молотком в руке. Стучит и стучит, как дятел. Если целый день простоять рядом — оглохнуть можно. Но зато увидишь, как кусок жести на глазах превращается сначала в короткую толстую трубу, потом — в ведро. Кастрюли, чайники, примусы так и летают в корявых руках дяди Егора. Самое трудное для него — отыскать в посудине все дырочки до одной. Сощутив глаза и повернув какой-нибудь бидон днищем к солнцу, дядя Егор долго вертит его так и сяк, будто небо в телескоп разглядывает.

Мы все чуточку побаиваемся дядю Егора. Но раз он уехал, чего же бояться?

Димка отодвинул одну доску в заборе и пролез в образовавшуюся щель. За ним последовал я. Санька, самый рослый из нас, протиснулся с трудом. А Петька нырнул в щель, как в норку, — такой он шуплый.

Дворик у ларька крохотный, всего в несколько шагов, и половину его занимают две сосны. Они такие высокие, что снизу кажется, будто облака цепляются

за них: залезь на макушку, ухватись за край облака и плыви на нём, как на перине, в далёкие незнакомые страны.

На двери ларька висит большой замок, но мы знаем: это только так, для отвода глаз.

Димка дёрнул за дужку, и замок послушно открылся. Дверь протяжно и жалобно пискнула, будто боялась нас впускать. Внутри было тихо, сумрачно. Солнечные лучи пробивались сквозь щели, светлыми полосами решетили полумрак. Но скоро глаза привыкли к темноте. Мы увидели грязные бутылки и пустые ящики. Оказывается, дядя Егор забрал с собой все железки — видно, насовсем переехал отсюда. На полу, на ящиках, по углам лежал слой серой бархатистой пыли. В кружевной паутине сидели в засаде жирные пузатые пауки — подстерегали мух. Настоящее паучье царство!

Теперь это был наш дом!

Вне себя от радости мы запрыгали, распахнули ставни и наполнили наш дом светом и криками «ура». Мы бесновались, словно дикари: никто на свете сейчас не мог сказать, что мы путаемся под ногами!

Петька смотрел, смотрел на нас да как гаркнет:

— Хватит вам прыгать! Не маленькие. Пора за дело ввязаться!

Мы с удивлением взглянули на Петьку. Уж очень решительный у него был вид. С таким видом человек на что угодно способен!

Петьку мы все уважаем и иногда зовём Ёжиком. И не потому, что у него фамилия Ежов, а главным образом потому, что он весь будто из колючек состоит: волосы у него щёткой и торчат, как иголки. Кулаки не сильные, зато острые. Дерётся он ещё локтями и коленками: они у него тоже острые.

Но главное — у Петьки острый математический ум. Любая задачка для него пустяк. Наверно, он будет математиком и откроет какие-нибудь еще неизвестные законы. С таким твёрдым характером обязательно откроет!

Так вот, когда Петька сказал о каком-то деле, за которое нам пора взяться, мы сразу поняли, что это не пустые слова.

— Пора за ум взяться! — проворчал Петька, точь-в-точь как говорил его отец, когда отчитывал Петьку за что-нибудь. — Сколько можно баклуши бить? Болтаемся по двору без дела! В конце концов, мы уже не дети!

— А что ты предлагаешь? — спросил Димка.

— Давайте организуем тайное общество Справедливых! — Петька вдруг перешёл на шёпот и осмотрелся.

Мы тоже осмотрелись и понизили голос: ведь заговорщики всегда разговаривают шёпотом и оглядываются. Петькина мысль всем понравилась.

Обсудили ещё несколько названий для тайного общества — «Отряд Мстителей», «Отряд Завоевателей», «Отряд Героев», — но всё забраковали: в мирное время мстить некому, завоёвывать нечего, а героями мы ещё не стали.

— Что же мы будем делать? — спросил Димка.

— Вот недотёпа! — зашипел на него Петька. — Неужели не ясно? Будем бороться за справедливость!

— А как? — поинтересовался Санька.

— «Как, как»! Надо подумать — как! — Петька уставился в потолок и стал думать.

Мы тоже стали смотреть в потолок. В зелёном домике стало тихо-тихо. Лишь в углу в паутине билась большая сизая муха.

ЧТО МЫ БУДЕМ ДЕЛАТЬ!

Наконец Петька вскарабкался на самый высокий ящик и покашлял. Через несколько минут ему, видно, пришла в голову какая-то интересная мысль, он перестал кашлять и сказал:

— Ну, давайте высказываться.

Я высказался за геологическую разведку нашего двора и огорода. Вполне возможно, что здесь есть редкие ископаемые, а в подвале закопан клад контрреволюционеров. На добытые сокровища мы воздвигнем памятник героям Отечественной войны. Потом я предложил вставить окно тёте Маше и совершить другие справедливые дела. Какие — я не мог сразу придумать, и мне пришлось замолчать.

Когда я говорил, то Петька всё время насмешливо поджимал губы. Я сразу понял, что сейчас он начнёт перечислять свои «во-первых, во-вторых, в-третьих...» Ничего не поделаешь, он прирождённый математик, и даже свои «за» и «против» всегда подсчитывает.

Так оно и вышло!

— Пустое дело! — сказал Петька. — Во-первых, тебе не позволят копать во дворе ямы. А во-вторых, тётя Катя такой крик поднимет, когда ты её грядки будешь перекапывать!

Конечно, он был прав: из-за этих взрослых никогда ничего не сделаешь! Что лучше — изрытый ямами двор и сокровища или двор без ям, но и без сокровищ? Любый мальчишка скажет: «Сокровища и ямы!» Но взрослые этого не понимают.

Меня Петька критиковал, а сам тоже не мог придумать ничего дельного.

— Значит, так, — сказал он, — проведём шахматный

турнир с соседним двором и защитим нашу честь. Или математический турнир,— тут Петькины глаза разгорелись,— а когда одержим победу, нас пригласят участвовать во взрослом городском шахматном турнире, который состоится осенью, потом в областном... И так постепенно мы станем чемпионами мира.

Когда я говорю чепуху, мама уверяет, что у неё вянут уши. По правде сказать, снаружи это совсем не заметно. Но теперь я сам почувствовал, как у меня вянут уши.

— Конечно, шахматы и математика — твой конёк,— сказал я,— но учти, не все умеют скакать на этом коньке. А один, как говорит дядя Лев, в поле не воин!

Я говорил очень красиво. Василёк, который и на этот раз увязался за нами, смотрел на меня, засунув палец в рот.

Тогда Петька предложил закалять наши организмы. Стали думать: как закалять?

Речка от нашего дома далеко. Решили купаться по утрам в бочке с ледяной водой, а ледяной её делать с помощью искусственного льда, а искусственный лёд брать у тётенки, которая продаёт мороженое на углу нашей улицы.

Санька посоветовал разбить окно в квартире Михея из соседнего двора за то, что тот прищемил хвост кошке из нашего двора. Но и тут Ёжик разгромил его с математической точностью.

— Во-первых,— сказал он,— ещё неизвестно, может, он прищемил ей хвост нечаянно. Во-вторых, кулаками ничего не докажешь, а в-третьих, Михей четырехклассник и намылит тебе шею так, что не рад будешь.

А Димка предложил ставить спектакли.

— Вот увидите, как здорово получится! Я стану режиссёром. А в антрактах буду показывать фокусы и дрессированных зверей. Ну, и главную роль мне придётся сыграть. Для главной роли талант нужен.

Удивительное самомнение у этого Димки! Думает, стоит ему открыть на сцене рот, и зрители оглушат его аплодисментами. Правда, у Димки мать — артистка драматического театра, но это ещё ничего не значит. Если бы все профессии передавались по наследству, тогда бы не надо было и учиться.

Пока Димка рассказывал о том, какой необыкновенный спектакль у нас может получиться, Петька сидел и думал какую-то тяжёлую думу. Потом глубоко вздохнул и сказал:

— Знаете что, ребята? По-моему, пора нам уже готовиться к межпланетным путешествиям.

От неожиданности мы чуть языка не лишились: вечно этот Ёжик что-нибудь придумает!

Димке стало обидно, и он ехидно сказал:

— Не понимаю, при чём здесь межпланетные путешествия? Я буду артистом, а для кого в космосе спектакли ставить? Для метеоритов, что ли? — И он засмеялся: так ему понравились собственные слова.

Но Петька стоял на своём:

— Не для метеоритов, а для людей...

Тут Димка не дал ему договорить и дико захохотал:

— Нет, вы только послушайте этого математика: «для людей»! Да где же ты людей найдёшь в космосе? Там не только людей — даже насекомых не водится, чудак-человек!

Но на лице Петьки ни один мускул не дрогнул.

— Я говорю о планетах, — спокойно сказал он, — ведь некоторые учёные предполагают, что на Марсе живут марсиане. И на других планетах, может быть,

какие-нибудь люди обитают. Вот им и нужно будет показать, какой на Земле театр. Пусть посмотрят.

Димка хотел что-то сказать, но потом раздумал.

— А чтобы показать, надо сначала долететь до них. А чтобы долететь, надо тренироваться. Ясно?

Петька так раскричался, будто ему возражали, а ему никто и не думал возражать. У меня, например, сразу появилась мысль: вот где я буду делать открытия — на неизвестных планетах! И уж тогда-то я наверняка прославлюсь!

Санька сидел раскрыв рот — тоже, наверно, раз мечтался.

Итак, решено: мы будем готовиться к межпланетным путешествиям! Пете Ёжику мы дали важное поручение: порыться в библиотеке и перечитать всё, что написано о космосе и о подготовке будущих космонавтов.

ГЛАВА 7

КАК Я СТАЛ ЛЕТОПИСЦЕМ

Меня избрали летописцем. Петька так и сказал:

— Пусть Алик будет у нас летописцем. Он всегда самые лучшие изложения пишет.

— Вот ещё! — возмутился я. — Вы будете совершать подвиги, а я — писать изложения?

— Чудак-человек! — ухмыльнулся Димка. — Тебя же просят писать героическую историю нашего двора за одно лето. Это же будет летопись... понимаешь?

Я стал объяснять Димке, что летопись — это запись всех главных событий не за одно лето, а за многие годы. Но он тут же вывернулся.

— Что же, дневник вести прикажешь? — закричал он. — Дневник — это запись вовсе не выдающихся собы-

тий, а самых обыкновенных дел. А мы будем записывать только самые выдающиеся. Дневник нам не подходит. А летопись — это да! Её будут читать многие годы, а может, и века.

— Чем же я буду писать? — спросил я. — Ведь древние люди писали летопись на пергаменте и гусиными перьями, а не авторучкой.

— Подумаешь, нашёл над чем голову ломать! — завопил Димка. — Перьев я тебе сколько угодно из куриных хвостов надёргаю, а пергамент в любом магазине можно достать — в него масло заворачивают.

Горе с этим Димкой: пергаментную бумагу с пергаментом перепутал! Когда я ему это втолковал, он только рукой махнул:

— А кто тебя знает, какой тебе пергамент нужен! Уж очень ты капризный! То такой тебе подавай, то этакий! Ну ладно, пошли ко мне домой. У нас в кладовке много старой кожаной обуви, можно из неё лоскутьев нарезать для летописи.

И мы отправились к Димке. Он сейчас в своём доме полный хозяин. Раза два в день к нему приходит какая-то «приходящая женщина» — так называет её тётя Катя, — готовит Димке еду и стирает ему бельё. Тётя Катя почему-то жалеет Димку и называет его «сиротой при живой матери». А мы ему завидуем, потому что «приходящая женщина» не обращает на него никакого внимания и он живёт в полное своё удовольствие.

Сегодня «приходящая женщина» вообще не приходила, и поэтому мы свободно разгуливали по Димкиной квартире. В ней очень много вещей и ковров, в серванте за стеклом сверкает хрустальная посуда. Но ещё больше мы удивились, когда Димка привёл нас в кладовку. Это была не кладовка, а настоящий музей! По стенам висели удивительные костюмы из бархата, кру-

жев и каких-то незнакомых шуршащих тканей. От ярких красок у меня даже в глазах зарябило. Но всего страшнее показались мне головы, которые тоже висели на стене. У них были размалёванные лица, а вместо глаз и ртов чернели отверстия. Василёк испугался и спрятался за Санькину спину.

— Не бойся! — засмеялся Димка. — Это театральные маски. Вот смотри, кем я сейчас буду.

Димка надел на голову маску с бородой, усами и грозными бровями — маска сразу ожила. В пустых глазницах засверкали хитрые Димкины глаза.

— Это Синяя Борода!

Потом Димка ткнул ногой в кучу старой обуви и сказал мне:

— А вот тебе, Алик, и пергамент.

Мы стали рассматривать старую обувь — кожа на ней сохлась, сморщилась и потрескалась.

— Не годится! — сказал Петька. — Давай кожу поновее. Вон у тебя сколько богатства.

— Ишь ты, какой приткий на чужое добро! — разозлился Димка.

— Ну и оставайся со своим добром, буржуй! — сказал Санька. — Пошли, ребята, к моему отцу, у него скорее раздобудем!

Димка даже не обиделся на его слова. Ему всё как с гуся вода. Запер на замок свой склад и побежал за нами, будто и не его буржуем назвали.

У Саньки дома совсем иначе. Вещей мало, зато свету много, а по стенам развешаны картины. А на картинах — то лес, то поле, то речка. Эти картины рисовал Санькин отец, дядя Степан. Но дядя Степан не художник. Он работает закройщиком на обувной фабрике. Сейчас дядя Степан сидит у окна на скамеечке и натирает воском толстую нитку — дратву. Солнце светит

во всё окошко, и от солнца затылок у Санькиного отца будто вспыхивает искорками. У всех Звягинцевых головы рыжие и круглые, как подсолнухи. И у Саньки тоже.

— Здорово, хлопцы! — сказал дядя Степан. — А ну, Василёк, примерь валенок, не жмёт ли.

Василёк, сопя, обулся, постучал ногой об ногу:

— Не жмут. Только жарко.

— Ничего. Летом не вспотеешь — зимой не согреешься.

Рядом с дядей Степаном стоит ящик, а в нём много разноцветных лоскутков, только не матерчатых, а кожаных.

Санька начал рыться в ящике и показывать мне эти лоскутки.

— Не балуй! — прикрикнул на него отец.

— А нам для дела, дядя Степан, — сказал Димка, — нам для летописи. Знаете, что такое летопись?

И пошёл расписывать. С его слов получилось, что нам без летописи нельзя и дня прожить! Дядя Степан слушал Димкины рассказы, а сам натирал воском дратву, — вскоре она заблестела, как лакированная.

— Лоскутков мне не жалко, — сказал дядя Степан, — только вот вас жалко! Живёте в век космоса, коммунизм собираетесь строить, а писать об этом хотите гусиными перьями, да ещё на телячьей коже. Совсем как дикари! А я бы иначе сделал. Взял бы самую наилучшую бумагу и писал бы на ней самым наинovelшим пером. Вот это была бы настоящая летопись! Ну-ка, Василёк, принеси альбом, который я тебе подарил.

Василёк ушёл в другую комнату и принёс альбом. Это и правда был всем альбомам альбом: бумага глад-

кая, блестящая, а обложка голубая, с тиснёным спутником на уголке.

— Вот это была бы летопись! Как ты думаешь, Василёк?

Василёк засопел и жалобно заморгал глазами.

— Ну конечно, мы этот альбом не имеем права брать,— добавил дядя Степан,— но для летописи он очень подошёл бы. А Василёк нарисовал бы на первой странице, каким будет наш двор при коммунизме.

— Ладно, я нарисую! — пообещал Василёк.

— Ну, вот и договорились. А теперь тащи, Санька, краски. Надо, чтобы всем было ясно, что это не просто альбом, а документ. Летопись!

Дядя Степан обмакнул кисточку в синюю краску и крупными буквами написал:

ЛЕТОПИСЬ НАШЕГО ДВОРА

А потом спросил:

— Кто же из вас летописец?

— Алик! — в один голос сказали ребята.

И дядя Степан протянул альбом мне.

Значит, с сегодняшнего дня я уже летописец!

ГЛАВА 8

БЕЗ ДЕВЧОНОК НЕ ОБОЙТИСЬ

Сегодня у нас санитарный день.

Санька вызвался раздобыть всё для уборки. Он притащил метлу, совок и старую рубаху, которую мы тут же превратили в тряпку.

Работа закипела.

Паукам пришёл конец. Срываясь с паутины, они падали на пол и уползали в щели. В лучах солнца искрящимися столбами поднялась пыль. От неё даже мои

чёрные волосы сделались пепельными. Правда, в этот момент нас ещё можно было узнать. Но, когда мы принялись за уборку нашего штаба, мы потеряли всякое сходство с самими собой. Мы трудились часа два, но лишь разукрасили себя, стены и пол грязными подтёками. Жалким выглядел наш штаб. Димка не умел обращаться с тряпкой, он долго тёр пол, но, убедившись, что от этого нет никакого толку, швырнул тряпку в угол и заявил:

— Нам нужна женщина.

Мы ушам своим не поверили! Но Димка по-прежнему твердил:

— Без девчонок не обойтись. Великий драматург Шекспир говорил, что женское влияние облагораживает.

Скажи он это двумя часами раньше, мы подняли бы его на смех, но теперь нам было не до того.

Упорствовал только Санька Звягинцев. У него были две сестрёнки, которые уехали на лето в лагерь. За зиму они ему надоели. И он не видел в них ничего облагораживающего. Им всегда доставалось больше конфет, потому что они принадлежали к слабому полу (будто сильному полу сласти вредны!).

Но мы его переубедили. Тётя Катя часто заставляла Саньку присматривать за младшим братом Васильком. Если бы в нашем отряде была девчонка, Василёк мог бы находиться под её облагораживающим влиянием, а Санька занялся бы более важными делами. Услышав это, Санька сразу перестал возражать.

Итак, мы решили взять в нашу компанию девчонку. Но какую? Из нашего двора все девчонки разъехались. В соседних дворах девочек было больше, но мы враждовали с их мальчишками, и, по правде сказать, они часто одерживали победы над нами. У меня была на

примете Дуся Коробейникова из соседнего двора. Она приехала из деревни к бабушке в гости. Эта девчонка дралась не хуже мальчишки, целыми днями бегала, прыгала. То мчалась в магазин за хлебом, то тащила воду в двух вёдрах для своей бабки, то пасла козу. Смеялась она так, что невольно и мне хотелось смеяться. Я был уверен, что Дуся всем понравится.

Димка подошёл к забору и посмотрел в щель на соседний двор. Там девочки как раз скакали через верёвку, и Дуся Коробейникова была среди них. Я тоже с интересом стал следить, как она скачет, выделявая ногами невообразимые кренделя. Когда её очередь скакать прошла, она побежала с Михеем наперегонки и в два счёта обогнала его: Михай подставил свой лоб, и она ловко отщёлкала ему дюжину щелчков. Здоровенный Михай стоял, как глупый телок, и терпеливо сносил унижения. Я позвал ребят, чтоб показать им эту удивительную девчонку, как вдруг вижу: Димка и Петька с интересом следят, как прыгает через верёвку Иза Тобольская! Вот уж никогда не стал бы на неё смотреть! Правда, в школе она считается первой красавицей. У неё и прозвище особенное: Изабелла де Крува, красавица мирава. Лицо у неё как у куклы. Глаза будто фарфоровые, на голове бант, а вокруг лба волосы колечками. Как-то девчонки обвинили Изу в том, что она завивает кудри. Тогда она при всех намочила волосы водой, и они у неё не развились, а закрутились штопором. После этого она ещё выше задрала нос, будто её колечки всё равно что медаль за храбрость. Но я-то хорошо знаю, что Иза трусиха! При виде обыкновенного паука визжит, как ржавая пила. Знаю и то, что половину заданий по труду за неё выполняет её мать, портниха.

Но, когда я увидел, что Димка и Петька её разгля-

дывают, я понял, что мой замысел может провалиться, и позвал Саньку в штаб. Его было нетрудно склонить на мою сторону: Саньку ни одна девчонка не интересуется, ему нужна только нянька для Василька.

— Слушай, Санёк,— прямо заявил я,— хочешь от Василька избавиться?

— Как? Насовсем? — испугался он.

Я увидел, что чуточку переборщил, и поправился:

— Да нет, на время. Чтоб кто-нибудь другой с ним нянчился.

— Спрашиваешь! — оживился Санька.

— Тогда выбирай Дусю.

— Почему не Изу?

— Изка не умеет с детьми обходиться. Они у неё знают как ревут! А Дуся на своём веку уже сколько детей вынянчила!

Так ли это на самом деле, я не знал, но для пользы дела нужно было хвалить Дусю, а Изу Тобольскую наоборот — выставить в невыгодном свете.

Санька продолжал молчать, и я, чтобы окончательно убедить его, воскликнул:

— Он всё-таки тебе родной брат, а Изка его уморит!

Санька перепугался и тут же дал клятву, что будет за Дусю Коробейникову. Не успели мы закончить этот разговор, как в штаб вошли Петька и Димка.

— Ну, так вы за кого? — спросил Петька и притворно зевнул.

Мы с Санькой в один голос назвали Дусю. Тут Петька сразу перестал зевать.

— Нашли кого предложить! — фыркнул Димка. — Голова — что грациное гнездо, а нос — будто ворона обкапала. Смехота!

— Настоящий гадкий утёнок! — поддержал его Петька.

Это меня здорово вывело из себя. Я напомнил им, что гадкий утёнок в конце сказки превратился в лебедя, и ядовито заметил:

— Или вы хотите эту Изабеллу де Крува повесить на стену вместо украшения?

Они оба покраснели, а Димка возразил:

— Зачем же на стену? Она будет играть главные роли в пьесах, которые мы поставим. И потом, будет аккомпанировать, когда я стану дрессировать животных.

— Нашёл пианистку! — закричал я. — Если хочешь знать, она в музыкальной школе только первый год, и от её игры не только люди — кошки себе места не находят!

Санька поддержал меня:

— Да разве я могу Изке Василька поручить? Она же его уморит.

— Что ты ерунду мелешь? — возмутился Димка. — Твой братан сам кого угодно своим нытьём изведёт!

Наконец мы решили тянуть жребий. Разломил палочку на две части: маленькая означала Дусю, а большая — Изу. Мне досталось тащить жребий первому. Я тихонько вытянул палочку и не сразу решился взглянуть на неё. Наконец взглянул. Палочка была короткая!

Итак, облагораживающее влияние будет оказывать на нас Дуся Коробейникова.

ГЛАВА 9

ДУСЯ ЗАВОЁВЫВАЕТ СИМПАТИИ

Мне поручили сообщить Дусе наше решение. Нелёгкое поручение! В соседний двор трудно войти: Михай живо насадит синяков. Волей-неволей надо было ждать.

за воротами, пока не выскочит Дусина коза Розка. Но коза лениво слонялась по двору и не думала выскакивать! Тогда я нарвал аппетитный пучок подорожника и сладким голосом позвал Розку. Она долго изучала меня чёрным паучьим глазом, потом подошла ближе. Когда же я украсил траву жёлтым одуванчиком, она не выдержала и вышла за ворота. А мне только того и надо! Я схватил её за ошейник и не выпускал до тех пор, пока не раздался встревоженный голос Дуси:

— Розка, Розка, нá, нá, нá! И куда, вражина, запропастилась?

Дуся выскочила за ворота, и я как ни в чём не бывало выпустил козу. Сначала я думал просто, по-деловому всё рассказать Дусе, но тут у меня запершило в горле, и я выдавил из себя совсем не то, что хотел.

— Эй, хочешь, я покажу тебе одно местечко? Травы — завались!

Но Дуся подозрительно взглянула на меня и сказала:

— Небось чужую козу подоить захотелось? Такие охотники уже попадались!

Я стал доказывать ей, что она ошиблась. Тогда Дуся ещё раз окинула меня взглядом. Не знаю, что её убедило — то ли мой уверенный голос, то ли моё правдивое лицо, — но она вдруг согласилась.

— Пошли! — и зашагала впереди, точно не я её, а она меня пригласила.

Я отодвинул доску в заборе и с трудом протолкнул козу во двор. Розка сразу с жадностью накинулась на траву. Потом я пригласил Дусю в наш дом. Дуся потащила за собой и козу. Я думал, что ребята страшно удивятся и обрадуются, но почему-то на нас никто и внимания не обратил.

За прилавком стоял маленький, щупленький дяденька с окладистой бородой и озабоченно вертел в руках дырявую кастрюлю. Он рассматривал её дно на свет, постукивал костяшками пальцев по бокам и сокрушённо прищёлкивал языком.

— Плоха посудина, бабуся! На покой просится,— сказал он очень знакомым голосом.— Дорого будет стоять!

Я взглянул вниз — на перевёрнутом вверх дном ящике стояли Димкины грязные ноги с засученными штанинами. Вот здорово разыграл Димка бабуся! Рядом, на полу, зажав рты ладонями, корчились от смеха Петька и Санька.

Петька выразительно погрозил мне кулаком: дескать, молчи!

— Ничего, касатик, порадей уж старухе.

Только теперь я заметил, что по ту сторону прилавка, на улице, стоит старушка в тёмном платочке, надвинутом на морщинистый лоб.

— Сорок копеек будет стоять, гражданочка! — продолжал Димка.

Старушка вытащила из кармана тугой узелок, связала его и выложила перед Димкой новенький блестящий полтинник.

Димка начал шарить по карманам, будто искал и не мог найти сдачу. Наверно, у него ни копейки не было.

— Ладно, ладно, не надо сдачи,— сказала бабушка.

— Через полмесяца, бабуся. Раньше никак не смогу. Не забудьте квитанцию!

Димка нацарапал что-то на клочке тетрадного листа, прихлопнул круглой печатью — эту старую печать, на которой было что-то изображено и видны были какие-то стёршиеся буквы, он нашёл на свалке в прошлом

году, когда собирали утиль,— и сунул «квитанцию» в ладонь старушки.

— Следующий! — тоном заправского продавца крикнул Димка и, украдкой обернувшись, мигнул мне восторженным, круглым от возбуждения глазом.

Но следующего не оказалось. Старушка была единственной заказчицей. Когда она ушла, Димка крикнул «ура» и сделал на ящике стойку. Из-под прилавка, смеясь, вылезли Санька и Петька.

— Вот! А вы не верили! — торжественно сказал Димка и сорвал с себя маску Синей Бороды. — Да я вас своим талантом озолотить могу! — Димка подбросил полтинник, и он, зазвенев, покатился по прилавку. — Купим тёте Маше стекло, объединимся мороженым, сходим на «Дон-Кихота», на «Таинственный остров», а если дело пойдёт так и дальше, то приобретём автомобиль «Волга» и покатаем в кругосветное путешествие.

Димка захлёбывался словами. У нас даже дух захватило — так он заманчиво расписывал наше будущее.

— А как всё началось? — спросил я.

— Представляешь, я примерял маску для пьесы «Синяя Борода» и, чтоб было посветлее, открыл ставни. Вдруг, откуда ни возьмись, — кастрюля! Я сначала не понял, а потом вспомнил про вывеску над ларьком и сообразил, что это к нам сам собой клад в руки просится!

Вдруг из-за моей спины раздался строгий Дусин голос:

— Ишь расхвастался! Обобрал бедную старушку и рад. Вертит языком, что твоя корова хвостом. Ни стыда ни совести!

— А ты откуда взяла, что она бедная? — взъерепенился Димка.

— Эх, ты! Сколько лет живёшь, а дальше собственного носа не видишь! Эта старушка из дома напротив и живёт на маленькую пенсию.

— Может, ты всех людей с нашей улицы знаешь? — попытался съязвить Димка.

Но Дусю это ничуть не тронуло.

— И знаю. Они честные, а ты жадюга!

Здорово Димку поддела! Он прямо задрожал от злости. Недаром говорят: «Правда глаза колет».

— Это я жадюга? Я жадюга? — Димка чуть не захлебнулся словами. — Да если ты хочешь знать, — вдруг выпалил он, — я эту рухлядь настоящей вещью сделаю! И она ещё проживёт на свете побольше нас с тобой!

И только головой покрутил. Совсем Димка заврался: на разные выдумки он мастак, но сам даже книгу как следует не обернёт. А чтоб кастрюлю починить — это уж дудки! Димка, верно, сам почувствовал, что сказал лишнее, но гордость не позволяла ему сознаться в этом перед девчонкой. Он все ещё что-то говорил, но голос у него стал тихим и вялым, будто у больного.

— Вот увидишь, станет новенькая, без единой дырочки...

— Посмотрим! — непримиримым голосом сказала Дуся и дёрнула козу за поводок: Розка уже вскочила ногами на ящик и потянулась к прилавку — хотела попробовать на зуб Димкину злополучную выручку. — А инструмент у тебя есть? — спросила Дуся.

— Есть, — опять соврал Димка.

— Мой батя в колхозной кузнице работает. В лудильном деле и я малость понимаю. Я к вам на неделе зайду, — может, надо будет помочь.

— Заходи, — сказал Димка, но лицо у него стало такое, будто он проглотил что-то кислое.

Дуся кивнула головой на прощанье и потащила козу к выходу.

— Постой! — крикнул я. — У нас к тебе небольшая просьба: не поможешь ли ты нам навести здесь порядок?

Я хотел сказать ей насчёт женского влияния и как оно облагораживает, но Дуся перебила меня:

— У вас, ребята, нет знакомых во флоте?

— Нет, — промычал я.

Дуся окончательно сбила меня с толку. Пожалуй, я не удивился бы, спроси она, нет ли у нас знакомых на Луне.

— А у меня брат на Балтийском, — как ни в чём не бывало продолжала Дуся, — так он говорил, будто моряки наводят на корабле такую чистоту, что если по палубе провести языком, то на нём даже под микроскопом не обнаружишь ни одной пылинки. Ну да ладно, чего с вас взять, если вы такие беспомощные. Несите воды, тряпку, а ящики все до одного вытаскивайте на улицу!

Мы рассчитывали, что Дуся сделает за нас всю женскую работу, да не тут-то было! Через полчаса мы носились взад и вперёд как угорелые, выполняя её приказы. Мы драили каждый уголок нашего штаба, скребли полы, тёрли песком кастрюлю, а Дуся стояла и командовала, как полководец в бою. Иногда она тоже бралась за тряпку. У неё всё получалось ловко, легко и красиво, просто загляденье! Пауков она не боялась. Вместо того чтобы дико визжать, как Изка Тобольская, Дуся осторожно брала паука в горсть и выносила за дверь со словами:

— Пойди-ка, голубчик, на волю, подыши свежим воздухом!

Если бы вы только видели, как засверкал наш до-

мик! В нём сразу стало просторнее и светлее. Мы даже пробовали лизать пол языком — хотели убедиться, похож ли он на палубу военного корабля. И хотя микроскопа у нас не было, но и без микроскопа можно было сказать, что ни один микроб за язык не цеплялся.

ГЛАВА 10

НАШИ НЕУДАЧИ

С Димкой что-то случилось. Вчера весь день он где-то пропадал и на дворе появился лишь вечером. Весь в саже, в грязи и с такими масляными пятнами на груди, будто целый день пёк блины. Тётя Катя ворчит, что без матери этот парень совсем от рук отбил.

Вчера мы учинили Димке допрос. Петька строго спросил:

— Ты где болтаешься?

— Я болтаюсь? — Димка попытался разыграть оскорблённого, но у него ничего не получилось: его так и распирало от радости. Губы расплзались в улыбке, и голову он всё время держал так, будто кто-то сзади его за волосы тянул.

— Говори, что у тебя случилось? — допытывался Петька.

— Ничего. Потерпите немного, завтра я вам кое-что покажу! Вы ещё увидите, на что способен Дмитрий Тимошенко. — И, великолепно сплунув, Димка ушёл домой.

Весь день мы втроём ломали голову: что же такое случилось у Димки? Наутро он, молчаливый и таинственный, явился в штаб. В руках у него была объёмистая сумка. Клеёнчатые бока её чуть не лопались от каких-то предметов. У меня во рту пересохло — так хо-

телось узнать, что там внутри. Но я сдержался: будущий геолог должен быть терпелив. Вдосталь насладившись нашим нетерпением, Димка раскрыл сумку и извлёк оттуда: помятый примус, молоток, бутылку с водой, кусок грязного сахара, новенький карманный фонарик, ножик с выщербленным лезвием, старую консервную банку, клещи, тоненькую книжку, на обложке которой было написано: «Как научиться паять».

Мы чуть не отлупили Димку — так он нас разочаровал! Ходил, важничал, задира л нос до потолка — и вот выложил на прилавок какой-то утиль!

Но Димка на наши слова только хмыкнул, выразительно покрутил пальцем около лба и, когда все замолчали, стал, как малым детям, объяснять всё по порядку.

Оказывается, примус нужен для нагрева паяльника. Мы стали искать глазами паяльник, а это — обыкновенный молоток, только сделанный из красной меди и с ручкой из железного прута.

Димка с уважением потрогал заострённый конец паяльника — выщербленный, словно его источили черви.

— Это жало. Лизнёт кастрюльную дыру, и её как не бывало!

Потом взял бутылку с мутной водой и спросил:

— А это, по-вашему, что такое?

— Может, ты спросишь, как нас зовут? — съехидничал Санька.

Но Димка и бровью не повёл.

— Ну и ну! — сказал он. — Соляную кислоту не знают! Я купил её на бабкины деньги.

Мы замолчали, а он тут же настроил на бумажке: «Смертельно! Яд!», и нацарапал рядом скрещённые кости и череп, точь-в-точь как нарисовано на трансфор-

маторной будке. Поплевав на бумажку с обратной стороны, он наклеил её на бутылку.

Потом Димка растолковал нам, что заострённый напильник — это шабер, а грязный сахар — нашатырь.

Все эти обычные на вид предметы с необычными названиями Димка расставил на прилавке. Он выпрошил их у одного мастера на базаре. А паяльник купил на собственные деньги. Я просто не узнавал Димку: вместо мороженого купить в такую жару паяльник — это геройство.

— Ну, и что же ты будешь со всем этим делать? — с сомнением спросил Петька.

— То же самое, что делал здесь дядя Егор. Я подглядывал в щёлку, как он паял, и все его секреты знаю. Вот ещё книжку на всякий случай купил. Дмитрий Тимошенко зря слов на ветер бросать не будет! Сказал запаяет — значит, запаяет!

И вот Димка начал колдовать. Он взял карманный фонарик — удивительный фонарик с выпуклым блестящим стеклом, похожим на глаз стрекозы, — и безжалостно разорил вынутую из него батарейку. Мы начали было его уговаривать — напрасно старались! Димка смерил нас взглядом и с достоинством сказал:

— Вы думаете, мне самому не жаль? Да что поделаешь — цинка нигде нет, а дело делать надо. Скоро бабка за своей кастрюлей придёт.

Димка расколотил смолу, которой были залиты цинковые цилиндры, разодрал их на кусочки, а мешочки с чёрным порошком, что были внутри цилиндров, выбросил.

— Сейчас вы увидите чудо: образуются новые вещества — хлористый цинк и водород, — сказал Димка. — Алька, бросай кусочки цинка в соляную кислоту и следи, что будет.

Я с опаской бросил кусочек цинка в бутылку с соляной кислотой. Со дна цепочкой поднялись блестящие пузырьки. Целый рой пузырьков! Казалось, кусочек цинка дышал, будто живой.

Я набросал туда ещё — в бутылке закипело.

— Химическая реакция! — гордо пояснил Димка. — Цинк соединяется с кислотой. Когда перестанет шипеть, значит, кислота травленая, ею можно лудить, паять и делать что хочешь. Этого вы ещё не знаете — химию только в седьмом классе проходят. Интересная наука!

Я хотел осадить Димку — чего задаётся?! Кое-как в четвертый перешел, а форсит, будто десятиклассник! Но всё же промолчал, довольный тем, что мне, а не другим поручил Димка такое ответственное дело. А он совсем разошёлся!

— Я хотел стать артистом, но, может быть, ещё стану химиком.

По правде сказать, я и сам подумал, не сделаться ли и мне химиком.

— Ну, что рты раскрыли? Беритесь за дело! — крикнул на нас Димка.

Саньке он велел развести примус, а Петьке — зачищать напильником дырки в кастрюле, чтобы края их блестели. Мой цинк таял медленно, но всё же я заметил, как кусочки его уменьшились, будто сахар в горячем чае. Листиком подорожника я вытаскивал хлопья серой грязной пены с поверхности кислоты. Такая пена бывает при стирке в корыте. Димка похвалил меня. Петька сидел в углу и с остервенением начищал края дырок до тех пор, пока они не засверкали, как новенькие гривенники. Одному Саньке не везло: примус у него никак не разжигался, пыхтел, выплёвывал струйки керосина, выдыхал клубы дыма и сажу. Сань-

ка то и дело накачивал шланг и ругал Димку за то, что тот подсунул ему какую-то рухлядь.

Димка терпел, терпел, а потом сам распыхтелся, как примус.

— Молчи уж! — закричал он. — Этот примус проверенный! Моя бабушка им пользовалась, когда меня и на свете не было! А у тебя ещё молоко на губах не обсохло!

— Это у меня-то молоко на губах не обсохло? — возмутился Санька. — Да ты сам от горшка два вершка!

Пока они ругались, от дыма и от кислоты стало так душно и чадно, что пришлось открыть ставни и проветрить наш штаб. Нам с Петькой надоела их перебранка, и мы тоже взялись за примус. Мне казалось, что разжечь его очень легко. Сколько раз я наблюдал, как это делала мать. Но тут и у меня ничего не получилось — примус плевался, словно верблюд, и ни с того ни с сего пускал целые фонтанчики керосина.

Димка совсем вышел из себя и орал на нас так, будто мы были глухие.

— Петька, ты что, не слышишь? Подай тряпку!.. Санька, сколько тебе повторять? Качни насос еще раза два! Да смелей, он не кусается!.. Алька, прочисть капсуль!.. Тьфу, опять сломал иголку! Вот наказание!

Мы носились по ларьку, бросались в разные углы, находили и тут же теряли то, что находили.

Прс Василька, который до сих пор мирно сидел в углу, все забыли. И вдруг я подскочил как ужаленный: Василёк взвыл не своим голосом. Мы забыли о примусе и бросились к нему.

— Василёк! Ну же, Васечка! — кричал ему Димка. — Ну что ты воешь?

— Я, я... этот сахар укусил! — наконец прошепелявил Василёк и опять дико завыл.

Санька побледнел.

— Васечка,— умоляюще сказал он,— не реви! Скажи, много ли ты этого сахара проглотил?

— Я не проглотил, я только откусил и выплюнул! — сквозь слёзы выдавил Василёк.— Я хотел немного его поесть, а он как щипанул меня за язык!

Мы облегчённо вздохнули: раз выплюнул — это ещё ничего, заживёт! Димка тут же опять вспомнил о примусе и закричал на Саньку:

— Александр, укроти своего пескаря, он мне всю химию портит!

— Я не пескарь! — возразил Василёк.— Я осенью в школу пойду!

— Шагай сейчас же домой! — скомандовал Санька.— И не путайся под ногами!

Василёк замолчал, немного подумал и снова заорал. Чтобы утихомирить этого рёву, мы сунули ему в руки паяльник. Он сразу утих и заулыбался, а мы опять взялись за примус.

Димке, верно, понравилось распоряжаться — он сунул руки в карманы и расхаживал по штабу. Наконец моё терпение лопнуло.

— Ты что нами помыкаешь?! — закричал я.

— Нашёл рабов, а сам — ручки в брючки? — поддержал меня Петька.

Пришлось и Димке засучить рукава. Он сжёг короб спичек, но примуса так и не одолел.

Когда у нас осталась одна-единственная спичка, Димка сказал:

— Придётся разжечь костёр.

Из досок, отломанных от забора и старых ящиков, мы быстро разожгли на дворе костёр. Высушенное солнцем дерево жарко пылало. Изображая индейцев, мы прыгали вокруг.

Наконец мы взялись за настоящее дело. Петька поставил бабкину кастрюлю вверх дном. Вырезанные из жестяной банки заплатки лежали рядом и блестели на солнышке.

Потом мы скинули майки и, обливаясь потом, начали прогревать паяльник на костре. Очень хотелось пить. Вода была рядом, в колонке, за углом дома, вкусная, холодная, но Димка не отпускал нас ни на минуту. Он советовал думать, будто мы в пустыне, и велел терпеть.

Когда паяльник прогрелся, Димка потёр его о кусок нашатыря. Кверху взметнулись клубы дыма, будто вырвался на волю волшебник старик Хоттабыч. Чёрное жало паяльника заискрилось, засверкало чистотой, словно его начистили наждаком.

И тогда Димка поднёс его к олову. Твёрдый серый кусочек сразу превратился в сверкающий шарик и прилип к паяльнику, словно притянутый магнитом. Димка стал водить паяльником по заплате, смазанной травленой кислотой.

— Сейчас увидите! — побещал он. — Вот увидите, приклеится как миленькая. Никакими клещами не оторвёшь.

Мы впились глазами в его руки.

— Сейчас, сейчас, — обнадёживал нас Димка.

Но заплатка не желала приклеиваться, перестала блестеть и почернела.

Мы начали посмеиваться над Димкой, а он озлился:

— Что зубы скалите? Сами виноваты! — И напустился на Саньку: — Грязнуля несчастный! Говорил ведь тебе: делай всё чисто, а ты, наверно, испачкал кастрюлю.

Санька возмутился и ткнул Димку локтем в бок. Если бы не Петька, не миновать драки!

Петька хладнокровно подержал у каждого под носом свой кулак. Ребята немного остыли и разошлись в разные стороны, как петухи после боя.

ГЛАВА 11

ССОРА РАЗГОРАЕТСЯ В ПОЖАР

Вскоре моё терпение лопнуло.

— С меня хватит! — сказал я. — Ты, Димка, заварил кашу с кастрюлей, ты её и расхлёбывай.

— Правильно, — подержал меня Санька. — Я тоже умываю руки.

Но тут вмешался Петька. Он сказал нам, что умывать руки — дело хорошее, но сейчас это просто предательство.

— Это я-то предатель! — вскипел Санька. — Работал, работал, весь в сажу перемазался, и я же оказался предателем!

Димка почувствовал Петькину поддержку и приободрился.

— А кто тебе велел мазаться? — сказал он. — Тётя Маша не зря говорит: «Свинья всегда грязь найдёт».

— Ты ещё обзывать! — вскипел Санька и стал весь пунцовый.

Когда Санька краснеет, то со своими белыми ресницами становится похож на морскую свинку, и мальчишки, которые с Санькой в ссоре, всегда обзывают его свинкой. Поэтому Санька не выносит, когда при нём называют это слово или даже другое, на него похожее, — ему всё кажется, что это на него намекают.

Димка понял свой промах и спохватился:

— Я не обзываюсь! Это такая пословица, не я же её придумал!

Но Санька не стал слушать. Через дыру в заборе он

вылез на улицу и в знак того, что больше не вернётся, хлопнул доской, так как двери под рукой не было. Он очень обиделся и даже Василька позабыл захватить с собой.

Мы втроём так расстроились, что и про костёр забыли. Вдруг Петька закричал:

— Ребята, костёр потухает!

И правда, пока мы ссорились, огонь начисто слизал сухие доски. Больше топлива не было. Мы глянули на кострюлю: она сияла начищенными боками и будто посмеивалась над нашей беспомощностью. Что делать? Не ломать же забор: сбегутся жильцы, и нашей затее придёт конец.

Мы вертели головами туда-сюда, заглядывали под крыльцо, раздвигали траву — нигде ни щепочки! И вдруг Петька закричал:

— Нашёл!

Так, наверно, кричал Робинзон Крузо, когда увидел вдалеке среди безбрежного моря туманную полосу земли. Мы с Димкой задрали голову, но ничего, кроме неба, не увидели. А Петька твердил своё:

— Нашёл, нашёл! Сосна! Полезайте и ломайте ветки. Вон их сколько!

Пока я закатывал рукава и плевал на ладони, Димкины штаны уже замелькали среди хвой.

— Лови! — закричал он и стал бросать вниз срезанные ножом ветки.

Он накидал целую кучу. Я умолял его слезть и отдохнуть, потому что мне самому хотелось взобраться наверх, но он и не думал уступать мне место, глазел по сторонам и оглушительно кричал:

— А тут здорово! Видно километров на сто!

Мы потеряли терпение и велели ему слезать, потому что костёр угасал, а он неестественно громким голосом

заорал нам, что не может, потому что вокруг очень красивые пейзажи. Но я видел, что его интересовали не пейзажи, а Иза Тобольская. Из-за неё он и кричал таким ненормальным голосом и, держась за ветку одной лишь рукой, тянулся к самой макушке сосны.

На соседнем дворе стало тихо — видимо, девчонки смотрели на Димку. Я был вне себя: ведь и я мог бы так! Во всяком случае, я хотел, чтобы Дуся тоже увидела меня на высоте.

— Если ты сейчас же не слезешь, — закричал Петька вне себя, — мы уйдём!

За забором слышались восхищённые вздохи — девчонки, видимо, вообразили: раз мы кричим, значит, Димка находится в опасности.

Наконец Димка ловко спустился вниз, хотя и оставил на сосне клок штанов. Он сразу набросился на костёр и завалил его ветками.

Из-под веток повалил густой, едучий дым. Он щипал глаза, щекотал ноздри. Мы чихали, вытирали слёзы, ругались, хохотали, а дым валил и валил. Просто удивительно, откуда его столько бралось! Было страшно и весело. Димка раскрыл перочинный ножик, зажал его в зубах и начал дикую пляску вокруг костра. Петька взял в руки палку и потрясал ею, словно копьём. Я барабанил по днищу старого таза. Стоял невообразимый грохот, шум, гам.

— Пожар, пожар! — вдруг раздаётся на нашем дворе.

— Пожар, ларёк горит! — откликнулось сразу несколько голосов.

Девчонки завизжали.

«Вот сейчас прибегут соседи, раскричатся, нажалуются матери, — подумал я, — а она напишет огцу».

Вдобавок пронзительно закричал Василёк. Мы хо-

тели залить костёр водой, но у нас не было ни единой капли.

Заколоченная калитка закрипела и распахнулась — к нам толпой хлынули жильцы нашего и соседнего домов — с вёдрами, баграми, топорами. Домоуправ, тяжело огдуваясь, тащил красный огнетушитель.

На костёр вылили уйму воды, и скоро от него остались только обугленные палки да мокрая зола. Моя мать глядела на меня ужасными глазами, а тётя Катя, успокаивая Васильку, то и дело спрашивала:

— Где он? Где? — И, увидев в толпе Саньку, сказала: — Иди домой, сейчас получишь хорошего ремня!

Девчонки повизгивали от восторга, ахали и охали (просто поразительно, сколько они могут ахать и охать):

— Ах, какой костёр! Ой, чуть не случился пожар!

ГЛАВА 12

НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО

Не знаю, что сделали бы с нами родители, если бы не Дуся.

— Тётенки, успокойтесь, это же простой дым! — то и дело повтсряла она. — Успокойтесь. Мальчики же не для баловстра, они же хотят паять научиться!..

Но как только взрослые оставили нас в покое, Дуся быстро разожгла примус и принялась ругать нас на чём свет стоит:

— Безрукие! Закоптили кастрюлю, словно окорок, и ещё хотят её запаять!.. Петя, нагрей паяльник на костре, да не острить, а обушок нагревай! Да не в пламени, а над пламенем держи. В самом огне жару мало: век будешь греть — не нагреешь!.. Саня, не трогай пальцами то место, где надо паять...

Теперь над кастрюлей колдовала одна Дуся, а мы

теснились вокруг неё и почтительно наблюдали. Димка стоял в стороне как пришибленный: ведь он пообещал запаять кастрюлю, но не сумел. Но Дуся будто забыла про его обещание. Она зачищала латку и края отверстия на кастрюле заново, объясняла, что и как нужно делать, а о Димке — ни слова. Я её хорошо понял: настоящие люди поступают благородно и не бьют лежачего.

Вдруг за спиной у меня что-то скрипнуло, и я оглянулся. Доска в заборе откинулась, показалась лохматая голова Михея. Он ввалился во дворик, растопырил пальцы в карманах и стал глядеть куда-то вверх, словно нас здесь и не было.

— Ха! Можно подумать, что они вправду серьёзным делом занимаются!

Я сразу понял: он нам завидует!

— Ха! — ещё раз хмыкнул Михей и пощупал починенную Дусей кастрюлю. — Можно подумать, что она и в самом деле не будет протекать!

Мы промолчали, только Петька не выдержал: плеснул в кастрюлю воды и поставил её у всех на виду. Несколько секунд мы торжествовали, пренебрежительно поглядывая на Михея. И вдруг из-под кастрюли побежал крохотный ручеёк!

— Ха! — победоносно сказал Михей: он был доволен таким оборотом дела.

Димка поспешно выплеснул воду, будто это могло поправить положение. Потом начал вертеть коварную посудину так и сяк, пока Дуся не вырвала её у него из рук. Она посмотрела дно на свет, зажала светившуюся дырочку пальцем и озабоченно сказала:

— Вот тебе и на! Кто-то так старался зачищать, что протёр рядом со старой дырой новую. Ишь какое донышко ветхое! Надо было осторожно...

— Ха! — в четвёртый раз сказал Михей и замолчал, потому что говорить больше ему было нечего.

— Ладно себя показывать,— сказала Дуся.— Бери, Михей, кастрюлю и зачищай вот так...

Михей с охотой взял напильник. Ясно, что он только для виду хмыкал, а на самом деле его давно тянуло в нашу компанию. Мы были рады этому: до сих пор Михей верховодил, а теперь поступил к нам в ученики! Через несколько минут он стал своим человеком — так же, как и мы, выполнял все распоряжения Дуси.

В самый разгар работы вдруг кто-то заскрёбся в калитку.

— Кошка,— сказала Дуся и пугнула: — Брысь!

Но калитка приоткрылась, и перед нами возникла Иза Тобольская, а за нею человек пять девчонок.

— Можно? — вежливо спросила Иза и тряхнула своими кудряшками.

— Пожалуйста! — радостно выпалил Димка.

— Заходи! — разрешила и Дуся.— Только уговор: не стоять без дела. Видите, какой здесь ералаш после пожара? Вон метла, вон тряпка, принимайтесь, девочки!

Иза сначала покраснела, потом побледнела и, запинаясь, сказала:

— Извините, но мама говорит, что мне нельзя заниматься физическим трудом! Я учусь музыке и могу испортить пальцы.

Остальные девчонки, глядя на неё, тоже состроили брезгливые гримасы.

Димка опустил голову и закусил губу. Ему стало стыдно за Изабеллу. А Петька вздёрнул голову — он всегда так делает, когда его что-нибудь злит,— и сказал:

— А, так, значит, вы прибыли с экскурсией? Тогда

пожалуйста, я буду за экскурсовода... Вот здесь,— он широко повёл рукой,— мы проводим подготовительные работы — лудим, паяем... А вот здесь,— он пригласил девочек пройти в штаб,— отдыхаем после трудового дня. Вот тут мы разводим полезных насекомых. Вот эти пауки уничтожают разносчиков болезней — мух и комаров...

Раздался пронзительный визг, напоминающий свист паровоза. Изабелла прыгнула за спину Дуси. Петька зажал кулак, как будто там у него был паук, и бросился вслед за Изой. Мы-то знали, что паука в кулаке не было, так как после уборки ни один самый захудалый паучишка не рискнул бы поселиться у нас, но Иза не знала этого и визжала во весь голос.

— Брось дурить! — остановила Петьку Дуся. — Чего ты её пугаешь? Вот сбегутся жильцы, и на этот раз нам не поздоровится.

Но Петька уже разжал кулак и вертел ладонью перед самым носом хныкающей Изы. А Дуся сунула ей тряпку:

— Берись, Изочка, за дело: все работают, а ты стоишь. Куда это годится? Мы тебе лёгкий труд дадим: протри-ка стёкла в ларьке.

Остальные девочки принялись подметать дворик.

— Меня мама заругает,— всё ещё упиралась Иза.

— Не заругает. За труд не быют, а награды дают. Только три хорошенько... Сначала мелом, а потом сухой тряпкой.

Иза берегла пальцы, водила тряпкой еле-еле, но вскоре махнула на всё рукой. Тряпка завертелась у неё не хуже, чем у Дуси.

Я хотел поворчать, что наш отряд, мол, не резиновый, не растягивается: сколько ещё в него можно принимать? Но вместо этого почему-то сказал:

— А нашего полку прибыло. Только солдаты — в юбках.

Девочки засмеялись. Носы у них были чёрные от сажи. Я начал дразнить их; а они дали мне зеркало, и я убедился, что сам разрисован, как контурная карта.

ГЛАВА 13

О ТОМ, КАК ТРУДНО В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ БЫТЬ ЖИЗНЕРАДОСТНЫМ

Конечно, первым освоил космос Юрий Гагарин, но ещё неизвестно, чья нога ступит первой на Марс или на другие планеты. Вот будет здорово, если моя нога!

Вчера все ребята собрались в штабе и напрямик спросили Петьку, думает он или не думает выполнять наше поручение.

Петька отвёл глаза и сказал, что о космонавтах написано очень много и он ещё не успел всё перечитать, но я сразу понял: у него что-то другое на уме! Когда человек скрытничает, его глаза смотрят куда угодно, только не на тебя. А Петька именно так смотрел — то под ноги, то на потолок, то через плечо.

— Что ты мямлишь? — не выдержал Михай. — Говори прямо, есть у тебя какие-нибудь мысли насчёт тренировки или нет? Есть — выкладывай, а нет — сами будем думать. У нас тоже есть голова на плечах! — И Михай так дёрнул головой, будто хотел проверить, есть она у него действительно или нет.

— Честное пионерское, я много думал, но дело в том, что...

Тут Петька печально посмотрел на меня, и голос у него дрогнул.

— Да в чём дело? В чём? — Мы не на шутку встревожились.

— В том, что некоторые из нас, например Дима, Саня и Алик, не годятся для межпланетных путешествий.

Наверно, если бы сейчас, при ясном небе, грянул гром или земля раскололась надвое, я бы меньше удивился.

— Это почему же я не гожусь? — разом закричали Димка, Санька и я.

— Видите ли, — промямлил Петька, — дело в том, что... м-м-м... значит, дело в разных причинах... м-м-м...

— Не мычи — не тёлка! — перебила его Дуся. — Что ты людей за нос водишь?

— В общем, для космонавта требуются кроме тренировки ещё и врождённые способности, — разом выпалил Петька и вздохнул, будто избавился от тяжёлого груза.

Зато мы, трое забракованных, помрачнели — так нам стало обидно.

— Может, у меня здоровье не годится? — с издёвкой спросил Санька.

Все мы знали, что здоровье у него прямо-таки железное.

— Да нет, здоровье у тебя подходящее, — сказал Петька, — только вот аппетит у тебя неподходящий. От такого аппетита ты до того растолстеешь, что тебя никакая ракета не поднимет. Ты и сейчас вон какой толстый, а что с тобой дальше будет, страшно подумать.

— Ишь ты, аппетит ему мой не понравился! — обиделся Санька. — Да я толстый просто так, ещё от детства осталось. Все нормальные дети в детстве толстые, а потом худеют. Мой отец говорит, что вообще-то наша звягинская порода худущая. Ясно тебе?

— Ну, а чем я не подхожу? — нетерпеливо перебил Саньку Димка.

— А ты ростом не вышел.

— Как это так — не вышел? — оскорблённо протянул Димка и сверху вниз посмотрел на Петьку: тот был на целую голову ниже его.

— То есть я не так выразился, — поправился Петька, — ты, насборот, слишком ростом вышел.

— Ты говори, говори, да не заговаривайся! — угрожающе надвинулся на него Димка и сжал кулаки. — Спроси хоть у дяди Льва — во флоте, и в морском и в воздушном, рослые солдаты всегда в первую очередь требуются.

— А для космических полётов как раз наоборот: нужны люди небольшого роста. Честное пионерское! — поклялся Петька, озираясь по сторонам: Димка уже почти припёр его к стене. — Не веришь — сам прочти.

Димка на минуту умолк: не будет же человек зря честным пионерским бросаться! Но потом неуверенным голосом спросил:

— А с чего ты решил, что я высокий? Это я сейчас кажусь высоким, потому что бурно расту, а годика через два, может, и совсем перестану расти.

— Жди, после дождичка в четверг! — хихикнул Михай.

— А что? — повернулся к нему Димка. — У меня мать, правда, высокая, но я пошёл не в неё, а в дедушку. Я даже лицом на него похож. А дедушка у меня совсем махонький, ты его сам видел, когда он к нам с Дальнего Востока в гости приезжал.

— Нашёл на кого ссылаться! — хмыкнул Михай. — Твой дед мал не от роста. У него спина от старости согнулась. Если её распрямить, так твой дед повыше всех наших родителей станет.

Димка и Михай так раскричались, что забыли даже,

из-за чего у них сыр-бор разгорелся, а я, пользуясь этим, потихоньку спросил Петьку:

— Ну, а чем я-то тебе не понравился?

— Да мне-то ты всем нравишься,— вздохнул Петька,— жаль только, что у тебя характер совсем не жизнерадостный.

— То есть как это — не жизнерадостный? — не понял я.

— Ну, значит, нервы у тебя не совсем в порядке. А у космонавта нервы должны быть как стальные канаты.

— Это почему же ты решил, что они у меня не в порядке?

— Шила в мешке не утаишь,— вздохнул Петька.— Ты, конечно, человек хороший, и сильный, и смелый, но не жизнерадостный. И это факт. Быть жизнерадостным — это значит радоваться жизни, чувствовать себя бодрым, почаще улыбаться. Помнишь, Юрий Гагарин в самые трудные для космического корабля минуты песню пел... Ну, эту самую: «Родина слышит, Родина знает, где в облаках её сын пролетает...» А ты, как ни придёшь к тебе, всё за летописью сидишь, хмуришься, и глаза у тебя какие-то ненормальные, дикие, как у Дуськиной козы. Ясно, что нервы у тебя не в порядке.

Я и верно в последнее время ходил хмурый. Но это было совсем не от нервов, а от обязанностей. Ведь летописцы люди почтенные, умудрённые опытом. Я даже картину такую видел — летописец сидит и задумчиво смотрит вдаль.

Я совсем недавно пишу летопись, но всё равно за летописью сижу задумчивый: пусть ребята не думают, что это так легко — писать летопись! Конечно, если бы я раньше знал, что такое поведение может лишить меня права лететь в космос, я бы не переставая улыбался, но

разве объяснишь это Петьке? Ещё на смех поднимет!

— Да ты не расстраивайся! — утешал меня Петька. — Сходи в больницу, пусть тебе таблетки пропишут от нервов.

— Петь, а Петь, а я гожусь для космического полёта? — спросила Иза.

— Тоже мне космическая путешественница! — скрипил губы Михей. — Девчонкам вообще нечего в это дело соваться. Завоёвывать космос — дело мужское!

— Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь! — перебила Дуся. — И вообще, пустой вы спор затеяли. Рост и вес сейчас ещё рано определять — тренироваться надо. Давайте с завтрашнего дня начнём.

Эта мысль всем понравилась, и мы разошлись по домам, тем более что уже давно из окон доносились голоса наших матерей — наступило время обедать.

Я пришёл домой с твёрдым намерением перемениться. Пусть в прежнее время летописцы хмурились — до революции людям жилось плохо, вот летописцы и переживали, когда писали о народе, — а мне-то чего ради хмуриться?

И я решил с этого дня быть жизнерадостным и как можно чаще улыбаться. Дома я первым долгом разыскал песенник, нашёл в нём песню «Родина слышит, Родина знает...» и стал её разучивать. Я ходил по комнате взад и вперёд, глядел в потолок и повторял:

Родина слышит, Родина знает,
Где в облаках её сын пролета-а-ет...

А мать в это время сидела в соседней комнате с тётей Машей и советовалась с ней, как лучше и быстрее отремонтировать квартиру к приезду отца.

— Иди сюда, Альберт! — взвинченным голосом сказала мать и, когда я подошёл к ней, добавила: — Что

ты, как попугай, затвердил одно и то же? Вместо того чтобы в облаках витать, помоги матери: второй день стоит ведро с очистками, а ты внимания не обращаешь.

— Пожалуйста,— сказал я весёлым голосом и понёс очистки во двор.

Когда я возвратился обратно, мать жаловалась:

— Вот уже третий день, Мария Анисимовна, меня мучает какое-то предчувствие: то приснится, будто я проваливаюсь в пропасть, то догоняю и никак не могу догнать Павла. Конечно, я не верю в сны, это предрасудки, но, знаете, так сердце болит: геолог — опасная профессия! И писем от него что-то давно нет!

Я прошёл в соседнюю комнату и взял песенник.

Родина слышит, Родина знает...

— О господи! — вымученным голосом воскликнула мать. — Что за бесчувственный ребёнок! Отец, может быть, на краю гибели, а он себе и в ус не дует! Знай поёт...

Тут я не выдержал и сказал:

— Зря ты, мама, беспокоишься. Папа же на необитаемом острове, какая там почта? А пою я погому, что у меня характер жизнерадостный.

— Не жизнерадостный, а чёрствый! — в сердцах крикнула мать. — Да перестань ты так глупо улыбаться! Посмотри только в зеркало, на кого ты похож! Гримасничаешь, как обезьяна!

Я взглянул в зеркало — и правда: рот перекосился, а глаза стали такие несчастные, словно я писал самую печальную на свете летопись.

И не мудрено! Попробуй стать жизнерадостным, когда взрослым это не нравится. Нет, видно, чтобы тренировать характер, надо подрасти — в детском возрасте жизнерадостным быть трудно.

МЫ ГОТОВИМСЯ К ПОЛЁТУ В КОСМОС

Я, как всегда, проснулся от стрёкота будильника. Раньше я совал его под подушку и продолжал спать ещё с часок, а тут подскочил на постели, как ванька-встанька: сегодня мы начинали тренироваться для будущих полётов в космос. Я жизнерадостно спрыгнул на пол, быстро оделся и заглянул в кухню: на столе, как всегда, бутылка с молоком и листок бумаги — мать перед уходом на работу написала, что мне нужно сделать по хозяйству. Я хотел было налить молоко в стакан, но вспомнил про космос, вынул из потайного места детскую соску, натянул её на горлышко бутылки и стал сосать.

По правде говоря, невесёлое это занятие! И как только его младенцы выносят! Во-первых, развивается волчий аппетит, потому что молоко попадает в рот по капельке — курам на смех. Но в космосе можно пить и есть только таким образом: высасывая из бутылок или тюбиков, иначе всё рассыплется вокруг по кабине мелкими капельками — поди потом собери!

Целых десять минут я тянул из горлышка молоко — в другое время я бы двумя глотками покончил с ним. Но космонавту нужно быть терпеливым. Я оторвался от бутылки только тогда, когда под окном раздались космические позывные — это Димка насвистывал песню «Родина слышит...». Я сорвал с горлышка бутылки ненавистную соску, в один приём покончил с остатками молока и на перилах съехал вниз.

— Слушай, — даже не поздоровавшись, накинулся на меня Димка, — у тебя дома есть что-нибудь тяжёлое?

— Есть! — с готовностью откликнулся я. — Пресс-папье у нас — будь здоров!

— Какое там пресс-папье! — досадливо поморщился Димка. — Надо что-нибудь во много раз тяжелее.

— Ну, тогда кадка с фикусом: её даже отец с трудом с места сдвигает.

— Не годится, — отрезал Димка.

— Тогда чего же тебе?

— Нужно что-нибудь очень тяжёлое. Петька придумал новую тренировку на давление, да вот груза не найдём.

— А что это ещё за давление?

— Ну, понимаешь, когда межпланетный корабль отправляется в космос, то он летит с громадной быстротой, чтобы оторваться от земли, потому что она его к себе притягивает. Ну, и космонавта тоже.

— Как это — притягивает? Что она, магнит, что ли?

— Ух и непонятливый ты! — накиннулся на меня Димка. — Ну как тебе объяснить? Ну, ты на автомобиле ездил?

— Ездил.

— Помнишь, как тебя назад отбрасывало, когда шофёр сразу брал большую скорость?

Я кивнул головой.

— Так вот, с космонавтом то же самое произойдёт, только куда сильнее. И нам нужно к этому привыкать!

Тут меня осенило.

— Нашли над чем голову ломать! — сказал я. — Зачем же вам груз? Тут, выходит, нужна тренировка не на давление, а на дёрганье. Приспособим для этого какую-нибудь коляску — и дело с концом.

— Идея! — оживился Димка. — Как это я сам не додумался? — И он со всех ног бросился к зелёному до-

мику, так что я с трудом поспевал за ним.— Ура! — закричал он, влетев в наш штаб.— Петька, Алик усовершенствовал твоё изобретение, можно приступить к испытаниям!

Идея всем понравилась, и мне, как изобретателю, предоставили первому испытать новый способ тренировки. Санька притащил какую-то допотопную коляску: в ней года четыре назад возили Василька.

— Так, колясочка что надо! — сказал Петька довольным голосом.— Давай, Алик, ложись.

— Да что я тебе, младенец? — возмутился я.— А куда же я ноги дену?

— Ерунда! — успокоил меня Димка.— Ноги пускай наружу торчат.

Чтобы уместиться в коляске, мне пришлось согнуться в три погибели. Но это ещё было полгоря. А вот когда мои друзья начали дёргать коляску, я света не взвидел. У меня чуть глаза не вылезли на лоб! Но недаром говорят: «Назвался груздем — полезай в кузов». Я стиснул зубы — надо было мужественно перенести первое космическое испытание.

Наконец я не выдержал и с трудом выдавил:

— Эй вы, потише дёргайте! Не яблоню трясёте!

— Ничего, ничего, — успокоил меня Петька, — потерпи. Мало ли что может случиться с космическим кораблём. Вдруг он столкнётся с кометой или каким-нибудь другим небесным телом. Надо быть ко всему готовым.

«Да, это так, — подумал я, обливаясь потом, — надо терпеть».

— Ну, хватит с него, — сказал наконец Санька.— Пора и другим потренироваться.

Я вылез из космической кабины.

— Ну как? — спросил Санька и подозрительно оглядел меня.

— Теперь отдыхай, — посоветовал Петька. — Ты уже в космосе. На тебя уже ничто не давит — ты находишься в состоянии невесомости.

— Эх, вот бы всё время в таком состоянии жить! — размышлял Санька. — Не жизнь, а масленица. Представляешь: стоишь на ногах, а чувствуешь себя, будто сидишь в мягком кресле или лежишь на пуховой перине. Если бы наша школа находилась в космосе! Можно идти на занятия и спать на ходу. Оттолкнулся от крыльца ногами и лети себе в школу! Ветер свистит в ушах, а ты приятный сон на лету досматриваешь! Да и в классе за партой можно было бы соснуть.

— Хорошо! Мне от этих мыслей даже спать захотелось! — признался я.

Отдохнув немного в состоянии невесомости, мы приступили к испытанию на вращение. Каждый лётчик должен хладнокровно переносить болтанку в воздухе.

Тренировочную машину на верчение и болтанку мы сконструировали быстро: Михей притащил из дому бельевую верёвку и привязал её к сосновому суку. Получились качели, только мы на них не качались, а закручивались.

Первым сел я. Когда меня закручивали, было даже приятно. Потом Димка с Петькой отпустили верёвку, и я быстро завертелся в обратную сторону. Ребята, заборы, дома — всё поплыло в моих глазах. Меня затошнило. Когда я встал, то чуть не упал. Земля продолжала вращаться, качалась и уходила из-под ног.

— Мне надо сходить домой, я сейчас вернусь, — прошептал я.

— А чего ты такой бледный? — ехидно спросил Михей. — Сам напросился: «Давайте я первый! У меня

отец на Северном полюсе!» Нет, тебе пока нельзя лететь в космос.

Мне было обидно до слёз, но я ничего не мог возразить и ушёл качаясь. Спустя некоторое время мне стало лучше, и я вернулся.

Настроение у меня было плохое и стало ещё хуже, когда я узнал, что другие ребята выдерживали по пять и по десять вращений. Но всех выносливее оказался Василёк! Его сначала совсем не принимали в расчёт и начали вращать последним, только для того, чтобы он не ныл. Возбравшись на качели, Василёк глубоко вздохнул, уселся поудобнее, и, сколько потом его ни вертели, он лишь хохотал от восторга и совсем не думал бледнеть. Мы устали его закручивать, а ему хоть бы хны! Так и пришлось прекратить тренировку, потому что он мог тренироваться целую неделю!

Я надеялся показать свою закалку на виброустойчивке, то есть на железной кровати с сеткой. Санькин отец вытащил её на улицу, чтобы покрасить спинки голубой эмалевой краской.

Первым лёг на кровать Михей, а мы уцепились за сетку и начали трясти её изо всех сил. Михей даже глаза закрыл от удовольствия.

— Ох, хорошо! Ох, хорошо! — только эти слова и слышали мы от него.

Так как все мы быстро устали, то решили, что каждый будущий космонавт должен сам себя трясти. Михей подрыгал ногами, попрыгал лёжа, это показалось ему неудобным, он сел и начал трястись сидя. Но и это ему не понравилось. Тогда он встал на сетку ногами и запрыгал.

— Я на Луне! Я невесомый! — орал он на всю улицу и подскакивал всё выше и выше.

«Чего доброго, ещё сетку продавит», — подумал я,

но не успел ничего сказать: раздался сухой треск. Одна нога Михея проткнула сетку. Тут, как нарочно, из окна выглянула тётя Катя и закричала не своим голосом:

— Вы что, шалопай, делаете?!

Мы бросились врассыпную. Михей несколько мгновений сидел, словно лиса в капкане. Его штаны зацепились за проволоку. Но, когда тётя Катя выбежала на крыльцо, он собрался с силами, рванулся и, оставив на виброустановке клочья штанов и расцарапав до крови длинные ноги, освободился из плена. Михей был на волосок от опасности: ещё немного — и тётя Катя устроила бы ему дополнительное испытание на трёпку.

Мы укрылись в своём штабе и сидели там затаив дыхание: со двора неслись проклятия тёти Кати. Михей от волнения кусал губы и поглаживал расцарапанную ногу. Потом он не выдержал, подошёл к двери и запер её на крючок. Мы промолчали: в разное время всем нам пришлось познакомиться с тяжёлой рукой Санькиной матери.

— И всё-таки, товарищи,— торжественно сказал Петя, стараясь своим голосом заглушить голос тёти Кати,— подготовка к межпланетным путешествиям начата!

ГЛАВА 15

ИСТОРИЯ С УЖОМ

Подготовка к полёту в космос целиком захватила нас. Днём мы только и делаем теперь, что тренируемся. Мать уверяет, что из-за этих тренировок от меня один нос остался. Вечером мы изучаем звёздное небо до тех пор, пока матери не разгонят нас по домам.

Однажды мы, как всегда, сидели впятером на лавочке и, задрав голову, искали планету Венера.

— Ребят, а ребят! — окликнул кто-то нас. — У меня к вам просьба.

Мы опустились с неба на землю и увидели тётю Машу. Вид у неё был виноватый, будто она в чём-то перед нами провинилась.

— Вот ведь какое оно дело, — вздохнула тётя Маша, — прохудилось моё наказание. А я такая чаёвница, без чаю и часу прожить не могу. И что тут делать, ума не приложу!

Тётя Маша протянула нам чайник, большой, пугатый, с синими облупившимися боками, и посмотрела так, будто от нас зависело, пить ей чай или не пить.

— В ремонт, значит, надо отдать ваше «наказание», тётя Маша, — недовольно сказал Петька и снова задрал голову вверх.

Видно, далёкая Венера была сейчас ему куда ближе, чем тётя Маша и её чайник.

— Вот и я о том же, — оживилась тётя Маша, — тут и дела-то пустяк: залепить на донышке дырочку, да и вся недолга! Вам ведь не впервой!

Вот так история! Что тут делать? Отказаться? Неудобно. Мы считали себя должниками тёти Маши, и отказать ей в первой же просьбе просто язык не поворачивался. А признаться, что кастрюлю паяли не мы, а девочка, тоже нелегко.

Ну и положение!

— А ну-ка, что приключилось? — деловито сказал Димка. Он взял у тёти Маши чайник, осмотрел его со всех сторон и только после этого заглянул в его внутренность. — Да тут не дырочка, а целое решето! — протянул Димка, разглядывая дно на свет. — Прямо хоть

звёзды сквозь ваш чайник считай. Да и ручки нет.

— Что поделаешь, Димушка! Привыкла я к этой посудине.

Мы с облегчением вздохнули: от такой рухляди и настоящему мастеру не стыдно отказаться.

Но вдруг Димка сказал:

— Ладно, тётя Маша, починим ваш чайник. Только уговор: ручку я другую поставлю, да и весь чайник обновлю. Будет по виду вроде как новый. Потом не обижайтесь.

— Чего уж тут обижаться, Димушка. За добро не обижаются, возмись только! Я вам потом пряничков куплю.

Тётя Маша так обрадовалась, что сказала сто раз спасибо и поспешно ушла — видно, боялась, как бы мы опять не раздумали.

— Ты что, спятил?! — набросились мы на Димку. — Мало тебе одного пожара, решил второй устроить?

— Не беспокойтесь! — заважничал Димка. — Я взялся, я и сделаю.

— Ну и легкомысленный ты человек, Димка! — сквозь зубы процедил Петька. — И когда ты перестанешь хвастаться?

— Ладно, — сказал Димка мрачно, — через два дня увидите.

Ровно через два дня Димка позвал нас к тёте Маше и, ни слова не говоря, вытащил из пакета чайник.

— Вот! — сказал он и торжественно поставил его на самую середину стола, покрытого белой скатертью.

Тётя Маша только руками всплеснула от восторга. Да и мы ахнули. Большой, пузатый, с синими блестящими боками, он напоминал корабль, плывущий по белому морю. Бока у него так переливались на солнце, что по стенам сразу забегали весёлые зайчики. Вдоба-

вок у чайника появилась ручка, да не простая, а в виде змеи со сверкающими стеклянными глазами. Одно ушко чайника змея держала в пасти, а за другое заплелась чешуйчатым хвостом. Быть может, из-за этой змеи чайник показался мне бóльшего размера, чем раньше, и вообще каким-то другим. Но я побоялся высказать Димке свои сомнения — мы и без того уже обидели его недоверием — и потому промолчал. Спросил только про ручку. Димка шёпотом, чтобы не слышала тётя Маша, объяснил, что эта ручка снята с африканского чайника и, возможно, ему, Димке, ещё придётся за это поплатиться жизнью.

Мы попросили тётю Машу напоить нас чаем из нового чайника и, когда она ушла на кухню, набросились на Димку с расспросами, стали предлагать свою помощь в случае чего... Но Димка упорно отмалчивался. В общем, это была какая-то тайна, и Димка сказал, что открыть её нам он сможет не раньше чем через два месяца, потому что разглашение тайны грозит ему смертью.

Тут из кухни вернулась тётя Маша и опять начала восторгаться нашим «мастерством». Особенно её восхищала ручка.

— Прямо загляденье! Никогда не думала, что змеи могут быть красивыми! А глазки! Будто живые.

Тётя Маша так хвалила Димку, а он при этом так самодовольно улыбался, что нам тоже захотелось чем-нибудь отличиться: всё-таки приятно, когда тебя хвалят.

— Ничего, ребята, — шепнул Санька мне и Петьке, — у меня тоже одна мысль есть.

— Какая?

— Вы заметили, что тётя Маша любит змей?

— Факт! — подтвердил я.

— Да, они ей вроде нравятся,— неуверенно согласился Петька.

— Не «нравятся», а она от них просто без ума! — возразил Санька.— Сделаем ей сюрприз: подарим ужа!

На следующий день Санька принёс живого ужа Черныша, его с трудом удалось выменять у старшеклассников на большую перламутровую раковину необыкновенной красоты. Раковину Димке также удалось раздобыть с «опасностью для жизни». Если приложить к этой раковине ухо, то услышишь шум морей и океанов.

Саньке рассказали, как ухаживать за ужом, а он обучил этому тётю Машу. Но как!.. Он ходил к ней пить чай и каждый раз, поглаживая змеиную ручку, как бы между прочим, говорил:

— Ужи никогда не кусаются и очень полезны: они поедают мышей. У вас есть мыши, тётя Маша?

— Как не быть, есть! — отвечала тётя Маша.

— Это хорошо, что есть: ужи любят мышей...

— Чего ж тут хорошего? — возражала тётя Маша.— Придётся кота заводить.

— Не надо кота,— говорил Санька и задавал следующий вопрос: — А молоко вы покупаете?

— Редко, больше простоквашу беру, творог — эти продукты полезно есть на ночь: долго проживёшь. А ты, никак, молока захотел? Я схожу займу у соседки.

— Не надо,— поморщился Санька,— я молоко терпеть не могу. Молоко ужи любят.

Тёте Маше и невдомёк, отчего это Санька ведёт с ней «змеиные» разговоры. Но через несколько дней он принёс ей коробку из-под торта, на которой было написано «Сюрприз»,

Трудно описать радость тёти Маши.

— Господи, да за что же такое внимание? — всплеснула она руками. — Что я такое вам сделала?

Санька смутился и поставил коробку «Сюрприз» на пол.

— Что ты делаешь, разве так можно? Ставь сюда! — Тётя Маша освободила край стола и смахнула с него крошки. — Уж эти продавцы! — сокрушённо покачала она головой. — Всегда обманут ребёнка. Такую замусоленную тару всучили. Сколько же они с тебя денег слупили?

— Без денег дали, просто за личные заслуги, — скромно похвастался Санька.

— Сейчас напою тебя чайком! — говорила тётя Маша. — Но, по правде сказать, зря ты меня, Саня, ублажаешь, нёс бы его домой.

— Не зря: он вам всех мышей переловит, — возразил Санька с сияющим лицом и снял крышку.

Черныш, истосковавшись в душной коробке по свежему воздуху, медленно поднял голову и пополз к тёте Маше.

Трудно описать, что здесь произошло!.. Тётя Маша с криком вскочила на стул и широко раскрытыми глазами глядела оттуда на ужа, который извивался на полу.

Санька вынужден был снова упрятать Черныша в коробку и отнести в школу. В общем, теперь уже тётя Маша не приглашает Саньку на чашку чая. И он говорит, что получил хороший урок. С этими взрослыми надо ухо держать востро и всё объяснять, как маленьким. Никаких сюрпризов им делать нельзя, потому что сюрприз — это что-то неожиданное, а взрослые неожиданностей не любят.

ПЕТЬКА ПОПАЛ В ОСАДУ

Каждый день мы — Санька, Петька, Димка, Михей и я — тренируем и закаляем наши организмы. Девчонки быстро охладели к этому занятию и увлеклись вышиванием. Нам это на руку: между делом они ещё и Василька воспитывают. А он и вправду стал куда благороднее: не ревёт, не ябедничает, не суёт нос в наши мужские дела.

Сегодня мы в Димкиной квартире испытываем герметическую кабину. Это новый способ тренировки. Космонавт сидит в тесной кабине и привыкает к одиночеству и тишине, а также к недостатку воздуха, еды и питья — на случай катастрофы. Санька по жребию первым проходит это испытание. Мы надели на него два пальто, мохнатую меховую шубу Димкиной матери, а сверху — рваный оранжевый халат тёти Кати: у космонавтов спецодежда всегда оранжевая. На голову Саньке натянули скафандр — маску от старого противогаза с гофрированной трубкой. В нём Санька сразу стал похож на оранжевого слонёнка. Мы с трудом втиснули космонавта в платяной шкаф и дверцу закрыли на ключ.

— Ну, как чувствуете себя, Александр Степаныч? — озабоченно спросил Димка.

— Отлично! Настроение прекрасное. Пролетаю над Африкой, — донёсся из шкафа замогильный голос.

— Землю видите?

— Вижу через щёлку.

— Не через щёлку, а через иллюминатор, — поправил я и пожелал счастливо долететь до Марса.

— Не долетит, — сказал Михей. — Тётя Катя не даст ему и до Венеры добраться. Скажи спасибо, если хоть на Луне побывает.

Мы так договорились: просидел в шкафу с утра до вечера — значит, слетал на Марс, до обеда — побывал в гостях у Венеры, а если и до обеда не дотянул — значит, только Луну облетел.

— А ты не каркай, может, и долетит! — вступился Петька за Саньку. — Что ты человеку настроение в полёте портишь?

— Поручаю вам своего брата Василия, не оставьте его, если что... — донеслось из шкафа.

— Не беспокойся, — торжественно пообещал Петька, — если что... мы воспитаем его! Но мы уверены, что ты благополучно вернёшься! На Луне, возле Моря Москвы, сделай временную посадку — пришлём высококалорийное чёрносмородиновое желе.

Мы замкнули квартиру на замок и отправились в поход за чёрной смородиной.

Лето было в разгаре, в соседнем саду уже созрели ягоды и фрукты. Яблоки, правда, ещё были прекислые. Мы попробовали срывать их с помощью палки с гвоздём на конце, но дотянуться до веток было нелегко, а тут ещё собака Джек на тебя лает. Последние дни Джек лаял меньше: мы прикармливали его хлебом и костями от обеда. Он с удовольствием хрустел костями, а мы сидели на заборе и объясняли ему, что мы свои, а потому и он нам свой и должен с нами держаться по-свойски. Вчера Петька угостил его мозговой костью, и Джек помахал в ответ хвостом. По-собачьему, помахать хвостом — это всё равно что пригласить в гости. Поэтому сегодня мы со спокойной душой забрались на забор, а Петька спрыгнул в сад и принялся за работу. При первой опасности мы должны были подать сигнал.

Сначала всё шло как нельзя лучше. Джек растянулся у забора. Положив голову на лапы и прищулив глаза,

он следил, как Петька рвёт в банку чёрную смородину. Со стороны можно было подумать, что пёс притворился спящим, будто бы он и не видит воров! Когда Петька наполнил банку до краёв чёрной смородиной и полез на яблоню, Джек даже глазом не моргнул. Мы восхищались поведением пса и называли его самыми ласковыми и нежными именами:

— Джекушка, Джеканык, Джекунычик...

Петька сидел на яблоне и чмокал губами, но вдруг его лицо перекосилось, словно у него заныл зуб.

— Чего ты? — спросил Димка.

— Ох и кислющие! Больше одного не съесть. Мне их и задаром не надо.

А сам всё-таки сидел на суку и ел, пока мы не возмутились.

— Давай слезай! — приказал Михей. — Что ты нам представление устраиваешь! Рви на всех, потом поделим.

Когда рубаха пузырём раздулась от кислиц, Петька соскользнул по стволу и пошёл к забору. Но не тут-то было! Джека будто подменили: вместо мирно настроенной собаки перед Петькой стоял свирепый пёс. Он ощерился и грозно оскалил клыки.

— Джекушка! — завопил Петька и от волнения выронил банку со смородиной. — Ты что, не узнал? Я же свой! Помнишь мозговую кость? Я тебе ещё десять таких принесу!

Кто бы подумал, что собака может вести себя так предательски: кормили её, кормили, и вот чёрная неблагодарность! Мы называли пса самыми нежными словами, но скоро терпение наше истощилось, и мы разразились бранью. Но этого пса ничто не трогало, а Петькино желание приблизиться к забору выводило его из себя. Наконец Петьке пришлось покориться, и он уселся

на траву. После этого Джек уже не разрешал ему вставать. Наверно, если бы Петька лёг, то ему уже нельзя было бы и сесть.

Солнце палило. Мы то и дело бегали домой напиться и облиться водой из-под крана. Петька попробовал утолить жажду кислицами, но ещё сильнее захотел пить.

— Мужайся! — кричал Димка, который только что дома выпил стакан морсу. — Вспомни, как трудно придётся космонавту, если из-за аварии он не сможет сразу вернуться с Луны!

— Ты будто тренируешься для межпланетного перелёта, — пробасил Михай.

— Вам хорошо говорить! — сварливо огрызнулся Петька. — А мне! Из-за какой-то смородины да кислоющих яблок загорай тут...

— Ничего, скоро придёт хозяин и освободит тебя.

— Ха, освободит! Тебе хорошо говорить! Он прежде отдубасит!

Вскоре о Петькином несчастье прослышали девочки и вместе с Васильком прибежали к забору. Иза сразу заохала:

— Бедный! Он заболел, у него будет солнечный удар!

А Дуся только сказала:

— Выдрать бы вас как сидоровых коз! — и сломя голову побежала за ведром.

Петьку так и не удалось напоить. Когда он попытался приблизиться к забору, чтобы взять стакан с водой, Джек ошетинился, угрожающе зарычал, и Петька замер на месте. Даже шевелиться перестал.

Положение было, прямо сказать, безвыходное. Мы ломали голову над тем, как вызволить нашего товарища из лап Джека, но ничего не могли придумать.

— Сбегайте за Санькой, может, он что сообразит,— посоветовал Петька.

Мы бросились исполнять его совет, отомкнули квартиру Димки, окружили шкаф и с тревогой прислушались. Изнутри доносился хрип.

«Уж не задохнулся ли он там, в этой герметической кабине?» — подумал я с тревогой и рывком распахнул дверцу, чтобы дать космонавту поскорее свежего воздуха. Но тревога была напрасной, мне даже стало досадно: скрючившись в шкафу в неудобной позе, Санька спал самым бессовестным образом! Противогазную маску он стащил с головы, и она лежала у него на груди.

— Что же ты дрыхнешь?! — возмущённо закричал Димка. — Вставай, горе-космонавт!

Санька перестал храпеть, почмокал во сне губами, но не проснулся. Лишь когда я потрянул его за плечо, он чуть приоткрыл один глаз и спросил заплетающимся языком:

— Принесли чёрносмородиновое желе?

— Как тебе не стыдно! — продолжал возмущаться Димка. — У нас беда, а ты дрыхнешь тут себе и в ус не дуешь...

— Я в космосе, а вы на Земле, — возразил Санька. — До самого Марса я знать ничего не хочу... Давайте моё желе.

— Из-за твоего желе Джек Ёжика обляял и не пускает назад! — набросился я на Саньку.

Тот недоверчиво посмотрел на нас и шумно вздохнул спросонья.

— Вы меня не разыгрываете? — спросил он. — Я ведь решил честно долететь до самого Марса.

— Чего же ты тогда спишь? — ехидно спросил Михай.

— Приказал себе, вот и сплю,— ничуть не смутившись, возразил Санька.— Сон-то мой не простой, а космический. Не всякий человек может спать в любых условиях, а вот я могу!

— А скафандр зачем снял? — не унимался Михей.

— С какой же стати мне мучиться в нём? Кабина-то герметическая. У меня тут очищенный воздух, прохлада, чистота, всё как у вас на Земле. Если бы случилась авария, я бы его надел...

— Ладно болтать, вылезай, пошли скорей: авария уже случилась,— строго скомандовал Димка.

— Какая авария? — Санька хитро прищурился в ответ.

— После узнаешь.

— А куда вы мне полёт засчитаете?

— Хоть до Луны.

— Не согласен.— Закутанный в шубы, Санька с трудом покачал головой.— Считайте до Марса, тогда пойду.

— У тебя совесть есть? — возмутился Димка.— Ещё часа не прошло с тех пор, как мы тебя сюда посадили, а ты уже «до Марса»!..

— Я до самого вечера готов сидеть,— возразил Санька.

— Ладно, пусть будет до Марса,— с досадой сказал я,— нам время дорого.

Санька, потный и грязный, неуклюже вылез из шкафа, тут же выдул три стакана воды, разделся с нашей помощью и пошёл к злополучному забору.

Осмотревшись, он сказал:

— Давно надо было за мной послать: я бы его напоил. Петь, открой рот пошире, а мы будем плескать воду до тех пор, пока тебе что-нибудь не перепадёт.

Так и сделали. Санька влез на забор и прямо из ведра с размаху выплеснул воду в сторону Петьки. Но вода не долетела до цели: то ли с забора неудобно было прицеливаться, то ли Петька и в самом деле сидел далеко, — всё досталось Джеку; он не только вылакал воду из лужицы, но ещё и душ принял.

Иза Тобольская принесла из дому апельсин и сама запустила его в Петьку. Апельсин попал ему в ухо и откатился к Джеку. Ухо Ёжика загорелось, будто спелая вишня. Но он не обратил на это внимания, только виновато улыбнулся.

Солнце поднялось на середину неба, а хозяин сада всё ещё не приходил. Матери позвали нас обедать, пришлось идти.

— Это зачем вы в соседний сад воду льёте? — спросила меня мать.

Я попытался сделать невинное лицо и набил рот ненавистной геркулесовой кашей, чтобы выгадать время и обдумать ответ. Не говорить же, что мы воровали яблоки!

— Гряды поливаем! — сказал я наконец.

— Не лучше ли вам заняться своими грядками? Поливали б капусту.

— Свои мы всегда польём, — возразил я, — а там сосед старый, мы ему помогаем.

— Кто же поливает в такую жару? — удивилась мать. — Люди делают это вечером. И потом, почему с забора, разве нельзя войти во двор через ворота?

— Да ведь у него двор выходит на другую улицу, долго идти. И колонка оттуда далеко.

Тут, на моё счастье, кто-то из соседей позвал мать, и она ушла на кухню. А я незаметно выскользнул за дверь.

У забора уже собрались девочки и бросали в Петьку

куски мяса, колбасы и хлеба с маслом. К сожалению, почти всё перехватывал Джек, а Петька облизывался. Ему достался только один сухарь. Он его тут же проглотил и завистливо поглядывал, как рядом Джек пожирал колбасу.

ГЛАВА 17

ПЕТЬКА ИСЧЕЗ

Занятые кормлением Петьки, мы не заметили, как на небе сгустились тучи. Недаром так парило!

Дождь хлынул сразу. Я ещё никогда не видел такого бедствия! Нам было страшно оставлять Петьку одного, но нельзя же сидеть на заборе под таким ливнем: взрослые наверняка бы поинтересовались, что нас тут держит. Мы спрятались в сарае, чтобы все думали, будто Петька с нами, и не искали его.

Димка, прыгивая с забора, успел крикнуть:

— Мужайся, Петька, нет худа без добра: теперь хоть напёешься!

В сарае было сухо и тепло, но мы всё время поёживались, представляя себе, каково там приходится Петьке. Иза даже о своих музыкальных пальцах забыла: то и дело подставляла их под дождь — проверяла, тёплый он или холодный. Когда гремел гром — а он был такой, что, казалось, небо раскалывается на кусочки, — Иза затыкала уши пальцами и визжала:

— Ой! Его убьёт громом!

— Не убьёт! — успокаивала её Дуся. — Гром безобидный, убивает молния.

Иза пожала плечами:

— Какая разница — громом убьёт или молнией. Главное — человек погибнет!

— Затвердила сорока Якова: одно про всякого. Да

с чего ты взяла? Конечно, Петя малость помокнет, но мы потом разотрём его одеколоном.

Иза успокоилась и стала думать, как бы выпросить у матери одеколон.

А тем временем небо посветлело, дождевая сетка поредела, сквозь неё лучше стали видны дома, заборы и деревья — будто на переводной картинке, когда её трёшь мокрым пальцем. Зажурчали ручьи. В канаве бурлил мутный поток, почти как весной.

Вот гроза так гроза!

По небу неслись облака, сизо-зелёная туча ушла на восток. Издалека было видно, как по ней то и дело пробегали серебряные зигзаги, будто кто-то расписывался на небе. С одного края неба на другой перекинулась радуга. Выглянуло солнце, и всё вокруг так и засверкало. Красота!

Но нам было не до красоты. Димка с разбегу вскочил на забор: он всегда в присутствии Изы выкидывает акробатические трюки. Лицо у него вытянулось.

— Ребята, Петька исчез! — прошептал он.

Мы решили, что Димка нас разыгрывает, и тоже полезли на забор. На траве виднелись две мокрые вмятины, вокруг валялось несколько зелёных яблок, а Петьки не было.

— Так я и знала: его убила молния! — воскликнула Иза, и глаза её заблестели от слёз.

— Чего ты его раньше времени хоронишь! — возразила Дуся. — Если бы убило, так он и лежал бы здесь.

— Конечно, — подтвердил Димка. — Петька наверняка спрятался.

— Петя, ау-у! — закричала Дуся, будто в лесу.

Мы с надеждой высматривали, не мелькнут ли где-нибудь в траве или на дереве мокрые Петькины штаны. Но всё было напрасно — Петька исчез!

— Надо его поискать,— сказал Михей и перекинул ногу через забор.

— Ты с ума сошёл! — вскрикнула Иза.— Там же собака.

Михей показал ей зажатый в руке камень и перелез на ту сторону. Всё-таки Михей храбрый человек!

— Подожди, надо сначала подумать! — сказал ему Димка рассудительным тоном.— На небо Петька не мог улететь?

— Нет! — хором подтвердили девчонки.

— Под землю провалиться не мог?

— Нет!

— Затеряться в лабиринте подземных переходов тоже не мог: их здесь нет. Остаётся одно — его украли!

Вид у Димки был удручённый и торжественный, как у сыщика, напавшего на след преступника.

— Как — украли?! — воскликнула Иза.

— Это совершенно ясно,— убитым голосом сказал Димка.— Его украли!

— Ой! — горестно вскрикнула Иза и заморгала — вот-вот заплачет.

— Брось, Димка, дурака валять! — пристыдила его Дуся.— Этим только детей пугают.

Димка поморщился:

— При чем тут «пугают»? Мы взрослые люди и понимаем, что на свете есть шпионы. Помнишь, как в «Подвиге разведчика» нашего заманили в безлюдное место и хотели убить?

— Неужели Петю украл шпион? — шёпотом переспросила Иза и в волнении постучала пальчиками по вискам, будто по клавишам рояля.

— Но зачем Петька шпионам? Ведь он просто школьник и не знает никакой государственной тайны,— возразила Дуся.— И потом, куда девался Джек?

Димка скривился, как от зубной боли: таким нелепым показался ему Дусин вопрос.

— Главное — он советский школьник, как ты этого не понимаешь? И потсм, его отец — инженер, знает расположение наших заводов. Вот шпионы и хотят выудить у него сведения об отце. А Джека они, наверно, убили и куда-нибудь забросили, чтоб он их не преследовал. Ясно?

— Ясно,— медленно проговорила Дуся.

— Уж у меня-то глаз наметанный, я, может, еще разведчиком стану,— для большей убедительности сказал Димка.

Михей, который было остановился возле самого забора в нерешительности, снова осмелел и пошёл вперёд.

За ним перескочил через забор Димка.

Следом за Димкой — я и все остальные ребята. Даже Иза захотела во что бы то ни стало залезть в чужой сад, и нам пришлось помогать ей, так как она зацепилась платьем за гвоздь.

ГЛАВА 18

ШПИОНЫ

Трава была высокая и такая густая, что ноги в ней путались. Но мы всё-таки облазили сад до последнего закоулка. Мы продирались сквозь заросли малины, заглядывали под кусты. Дошли до того, что поворошили палками в какой-то норе, хотя Петька смог бы пролезть в неё, только уменьшившись раз в сто. Всё было напрасно!

— А здорово они рассчитали! — прищуриив глаза, сам с собой рассуждал Димка. — Дождём начисто смы-

ло следы. Совсем как в кинофильме «Граница на замке». Но мы ещё посмотрим...

— Мы ещё посмотрим! — как эхо, откликнулся Михай.

Поиски продолжались.

Казалось, из каждой дырки в заборе за нами следят глаза врагов.

— Будьте внимательней! — поучал нас Димка. — Не обронили ли шпионы какой-нибудь предмет — часто преступники это делают от страха.

Мы тщательно обыскиали всё кругом, но ничего не обнаружили.

— Ага! Вот! — ткнул Димка пальцем в примятую траву, от которой к дому хозяина тянулась мокрая полоса. — Они там! — И Димка, как ищейка, устремился вперёд.

След привёл нас к маленькому бревенчатому срубам колодца. Я заглянул в него. На дне зеркальцем поблёскивал кусочек неба. Потом его заслонили головы — казалось, снизу за нами следят чьи-то глаза.

Вдруг зеркальце замутилось, по нему в разные стороны побежали трещины и круги. Что-то тёмное всплеснуло и тут же скрылось. Сомнений быть не могло: на дне колодца шевелилось что-то живое.

— Кто там? — крикнул Василёк и кинул в колодец камешек.

— Ты что делаешь? — набросился на него Димка. — Там, наверно, Джек, а ты в него камнем.

Василёк присмирел, виновато заморгал и шёпотом спросил:

— Его туда шпионы бросили, да? Чтоб он за ними не гнался?

— Да замолчи ты! — сердито бросил Димка. — Бедный пёс, может быть, последние минуты доживает...

— Так ему и надо,— сказал Михай.— Из-за этого пса Петька и пропал.

— Нечего валить с больной головы на здоровую! — вступилась Дуся за Джека.— Собаку так обучили — чужих в дом не пускать. А потом, в беде человеку надо помогать, а не языком болтать.

— Это же не человек, а собака!

— А собака первый друг человека — значит, почти что человек...

Разгорелся спор. А так как громко говорить было нельзя, то мы шипели друг на друга, словно гуси. Все девочки стали на сторону Дуси, я и Димка — тоже. Лишь Михай не хотел спасать Джека.

— Хватит! — цыкнул на него Санька.— Не шуми! Надо пошарить по дну, может, ещё спасём собаку! У кого есть верёвка?

Верёвки ни у кого не нашлось. Надо было что-то срочно придумать. И тут мне в голову пришла гениальная мысль.

— Ребята! — прошептал я.— Быстро снимайте ремни! Девчонки, расплетайте косы!

Моя команда ошеломила всех, даже Иза перестала ломать пальцы.

— Ну, быстрее, быстрее же!

Я первым отстегнул свой ремень и связал его с ремешком Василька. Тут и остальные поняли, в чём дело. Через мгновение все лихорадочно работали. Пошли в ход даже лямки от штанов Василька.

Вскоре у нас была хорошая верёвка метра в четыре длиной. К счастью, рядом валялось ржавое ведро. Мы привязали его к самодельному «канату» и стали осторожно спускать в колодец.

— Джекушка! Миленький! — шептали Иза и Васи-

лёк.— Ну продержись ещё секундочку! Сейчас мы тебя спасём!

Но со дна колодца не раздавалось ни единого всплеска, зеркальце оставалось невозмутимым, в нём отражались лишь наши головы и ведро.

— Наверно, захлебнулся! — жалобно прошептал Василёк.

Колодец был неглубоким, ведро вскоре коснулось воды.

— Опускай ведро глубже! — шептал мне в ухо Димка.— Джек уже на дне.

Я в ужасе посмотрел на «канат» — остался крохотный кончик, алая Дусина лента! Вдруг я почувствовал лёгкость в руках — ведро, погрузившись наполовину, остановилось.

— Ура, дно! — закричал Димка.— Алик, пошевели ведром посильнее, чтобы Джек мог за него уцепиться.

Я стал шарить ведром по дну колодца, взбаламутил всю воду, как вдруг что-то зелёное выбралось из тины и плюхнулось в ведро.

— Эх вы, исследователи! Лягушку за Джека приняли! — съехидничал Михай — он явно мстил нам за то, что недавно проиграл спор.

— Тише ты! — одёрнул его Санька.— Не слышишь, что ли?

Мы опять притихли. Откуда-то раздался приглушенный лай и тут же затих.

— Ребята, мы пошли по ложному следу! Но теперь ясно: они взяли собаку с собой и заткнули ей пасть. Слышите, как она тьякает? Не тьякает, а мычит!

Мне показалось, что Джек лает, как полагается лаять всякой нормальной собаке, но Димка говорил очень уверенно, и я промолчал.

— Вперёд! — громко скомандовал Михай.

— У меня косы распустились! — захныкала Иза. — Давайте сначала развяжем канат.

— А у меня штаны сваливаются, — пожаловался Василёк.

— Ничего, — сказал Димка. — Соберитесь с силами. Ещё немного, и мы поймаем шпионов!

Димка вслед за Михеем рванулся вперёд, одной рукой придерживая штаны, а другую вытянув вперед — точь-в-точь как Суворов на картине «Переход Суворова через Альпы», которая висит у него дома.

Мы бросились за ним.

ГЛАВА 19

Я ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ ПРОСЛАВИЛСЯ!

Димка обогнул дом — и в тот же момент раздался душераздирающий вопль. Потом всё смолкло. Нас будто подстегнули. Пулей пронеслись мы по песчаной дорожке, завернули за угол и вдруг остановились как вкопанные. Димки нигде не было! Прямо у моих ног чернела яма. Мы заглянули в неё: по ступенькам лесенки карабкался Димка! На лбу у него вздувалась огромная шишка.

— Ни звука! — проговорил Димка. — Шпионы там, в глубине погреба.

Только теперь мы сообразили, что это был погреб.

Мы молча схватили Димку за руки и общими усилиями выволокли на поверхность. Димка, не говоря ни слова, захлопнул крышку и выпрямился во весь рост.

Вид у него был довольно плачевный: кроме шишки на лбу он приобрёл ещё кровоподтёк на коленке и широкую ссадину на груди. Но он на это не обращал внимания и терпеливо сносил страдания.

— Всё! Теперь они от нас не уйдут! — хриплым от

волнения голосом сказал Димка и стал обеими ногами на крышку.

В тот же момент крышка ходуном заходила под его ногами.

— Кто там хулиганит? — раздался глухой голос.

— Ребята, на помощь! — завопил Димка.

Мы бросились к нему и сгрудились на крышке погребка. Казалось, кто-то колотил нас по пяткам — это шпионы ломались на свободу.

— Девчонки, быстро тащите поленья! — скомандовал Димка.

Иза сломя голову бросилась к поленице. Только Дуся осталась на месте.

— Слушай, Димка, — сказала она, — а вдруг там кто-то другой сидит, а вовсе не шпион? Давай спросим его сначала.

Димка от возмущения только руками развёл:

— Вот глупая! Какой шпион сам признается, что он шпион? И вообще, кто здесь командует: ты или я? Не согласна, отправляйся домой, а не мешайся под ногами. Ты сейчас играешь на руку врагу.

Дуся вздохнула, пожала плечами и тоже стала таскать дрова. Она ловко обхватила целое бревно и поволокла его к погребу, а Иза понесла полено в руках и, конечно, ухитрилась уронить его на собственные ноги.

— Вот недотёпа! — выругался Димка и скомандовал: — Изка, иди сюда, замени Алика.

Нашёл кого просить!

— Я боюсь, — запищала музыкантша, — вдруг меня за ногу схватят!

Что с такими разговаривать?

В это время Дуся подтащила тяжёлое бревно к погребу, и мы уложили его поперёк крышки. Дело пошло на лад; на помощь Дусе подоспели я и Михей. Мы

быстро натаскали поленьев — скоро над погребом вздымалась целая гора.

— Алик и Михей! Бегите в милицию! — распорядился Димка. — У меня раны, я вышел из строя! Вы сообщите, а мы постережём.

Мы с Михеем растерянно переглянулись.

— Время не ждёт! — поторопил нас Димка.

И мы пулей вылетели через ворота на улицу. Вслед неслись приглушённые ругательства шпиона.

«Время не ждёт! Время не ждёт!» — повторял я про себя, а ветер свистел в моих ушах. Позади мне в затылок натруженно дышал Михей — он был толстый, но от меня не отставал.

Милиция от нас недалеко, но, чтобы добраться до неё, надо дважды завернуть за угол и перейти улицу. И, конечно, как это всегда бывает, когда очень торопишься, мы подбегали к переходу как раз в тот момент, когда мимо одна за другой шли машины.

— Алик, давай быстро прошмыгнём! — крикнул Михей.

Я кивнул головой в знак согласия. Говорить я не мог — сэкономил дыхание.

Мы уже благополучно проскочили под фарами двух машин, как вдруг почти над самым ухом раздался оглушительный свист. В тот же момент мне показалось, будто я оторвался от земли. Я взглянул вверх и увидел молодое краснощёкое лицо, нос пуговкой и голубые глаза. Если бы не красные погоны, я бы и не догадался, что это милиционер.

— Это что за хулиганство? — пробасил милиционер и вдруг петушиным голосом взвизгнул: — Из какой вы, понимаешь, школы?

Милиционеры всегда бывают сердитые, важные, с усами или с синими от бритья щеками, а у этого на

лице ничего не росло — и как только его приняли в милицию?

— Дяденька! — сказал Михей, заикаясь от быстрого бега. — Мы к вам! Дело в том, что мы поймали шпионов!

Михей говорил торжественным голосом, но милиционер даже ухом не повёл.

— Вот отрезало бы тебе ноги, шалопай, — на разные голоса кричал он, — поиграл бы тогда в своих шпионов!

— Товарищ милиционер, да мы ведь не понарошку, мы и вправду поймали шпионов. Самых настоящих! Они нашего Ёжика похитили! — заискивающим тоном объяснял Михей.

— Я вот тебе покажу сейчас ёжика! В милиции тебе быстро втолкуют, как из-за ёжика правила уличного движения нарушать! Небось когда родителей заставят уплатить штраф, позабудете про всякие игры! Вот как отец снимет ремень да как задаст трёпку...

Милиционер изо всех сил старался казаться страшным, но у него это плохо получалось. Особенно его подводил голос: в самый неподходящий момент он вдруг становился визгливым. От этого милиционер очень смущался и слушал не столько нас, сколько свой голос.

Милиционер шагал аршинными шагами, мы едва поспевали за ним. У дверей милиции нам попался ещё один милиционер, пожилой, но весёлый.

— Что, Валерик, беспризорников ведёшь? — подмигнул он молодому.

— Прошу без фамильярностей, товарищ Гудков, я при исполнении служебных обязанностей! — пробасил Валерик и так пихнул нас в дверь, что мы в проходе стукнулись лбами. — Вот, Санжеев, принимай! — доло-

жил Валерик дежурному, который сидел за высоким барьером.

Нам была видна лишь его белая с красным околышем фуражка.

— Марья Игнатьевна! — крикнул дежурный. — Зайдите сюда, есть пациенты!

Заскрипела невидимая дверь, и к нам через барьер перегнулась молодая женщина в цветастом платье. Выражение лица у неё было строгое, но глаза и губы такие добрые, что у нас сразу стало веселее на душе. Марья Игнатьевна провела нас через длинные коридоры в просторную, светлую комнату — не то детский сад, не то магазин игрушек. В ней стояла качалка с гусиными головами на спинках. На такой качалке можно качаться сразу двоим. Рядом стоял конь на колёсах. На полу валялась одноногая кукла.

Марья Игнатьевна посадила нас на скамейку, сама опустилась на стул возле письменного стола и, взяв авторучку, со вздохом сказала:

— Ну, рассказывайте, что там натворили?

— Мы выследили шпионов, а милиционер не разобрался и схватил нас самих... — пробурчал Михай. — Думаете, если мы школьники, так не можем поймать шпионов?

— Ну, ну, выкладывайте, — недоверчиво сказала Марья Игнатьевна. — Только уговор: не завираться!

И мы стали рассказывать всё по порядку. Под конец Михай всё-таки заврался — сказал, что мы уже видели шпионов и что в погребе их засело человек пять. Мы ещё не успели досказать до конца, как Марья Игнатьевна поднялась и вышла из комнаты. Минут через пять она вернулась с милиционером Валериком. Вид у него был виноватый и смущённый.

— Вы бы так и сказали, пацаны. Я же не знал, что

Ёжик — ваш приятель. Думал — лесной житель. Ну, пойдёмте, разберёмся, что у вас там случилось.

И мы втроем отправились в обратный путь. Всю дорогу милиционер Валерик разговаривал с Михеем, но я их плохо слушал. Я представлял себе, как завтра по всему городу разнесётся слух: Алик Корнилов и его товарищи поймали шпионов, которые хотели взять в плен сына крупного советского инженера Ежова. Да что там слух! Завтра выйдут газеты. И на первой странице крупными буквами напечатают про мой подвиг. Что-то будет?!

Сотрудники на заводе принесут матери газету прямо на медпункт и скажут: «Глафира Мироновна! Какой-то ваш однофамилец поймал шпионов!» Мама посмотрит на портрет и упадёт в обморок. Но это будет приятный обморок. А отец узнает по радио, потому что на Крайний Север газеты приходят с опозданием. Отец обрадуется и подумает: «И как я мог не взять его в экспедицию!»

Потом я представил себе, какой гвалт поднимется в школе... Но тут мы подошли к знакомой калитке.

На дворе всё было по-прежнему, только гора дров над погребом стала ещё выше. Вокруг на карауле стояли ребята. Димка сидел под кустом.

— Ну, кого вы поймали? Показывайте, — сказал милиционер Валерик и зашагал было к дому.

Но Димка остановил его:

— Они здесь, товарищ милиционер.

— Разобрать завал! — скомандовал Валерик.

Ребята принялись за дело. Вскоре показалась дверца погреба с массивным железным кольцом.

Валерик потянул кольцо к себе и откинул крышку. Момент был захватывающий! Поимка шпионов! И где? В глубоком тылу!

«БАРМАЛЕЙ»

Из погреба донеслась усталая ругань. Потом показалось блюдо. Огромное блюдо, до краёв наполненное ломтями сотового мёда. На одном из них жужжала прилипшая пчела. Она беспомощно перебирала лапками, вертела головкой, но не могла освободиться. Блюдо, будто живое, само собой поползло вверх. Потом появилась седая голова с длинными усами и бородой, похожей на веер. Голова грозно пыхтела, усы ст этого так и ходили холуном. Да ведь это тот самый старик, которому я отдал на тротуаре ногу!

— Бармалей! — со страхом прошептал Василёк и на всякий случай спрятался за мою спину.

— Дядя Терентий! — ахнул милиционер Валерик. — Как вы тут оказались?

— Станный вопрос! А почему бы мне не оказаться в собственном погребе? — напустился на него «Бармалей». — Лучше объясни, как ты сюда попал! Для чего запер меня, рёскидал поленницу? И это мой лучший ученик! Ничего себе, воспитал на свою голову!

Валерик переминался с ноги на ногу.

— Да это не я, это пацаны, — оправдывался он. — Давайте я помогу вам, ещё уроните блюдо.

— Сам донесу, — пробурчал «Бармалей». — А я-то тебя в пример другим ставил.

«Бармалей» шурился, его глаза еще не привыкли после тёмного погреба к солнечному свету.

— Хулиганы! — завопил вдруг Валерик. — Да как вы посмели шутки шутить с таким человеком?

Валерик схватил нас за воротники, словно котят. Девчонки испугались и захныкали.

— Ладно, пусти их, Валерик, — смягчился «Барма-

лей», — а то они последнего ума лишатся. А сам иди. Служба есть служба. Я уж сам тут во всём разберусь.

Валерик отпустил наши воротники, отдал «Бармалею» честь и, ещё раз извинившись, ушёл, а Димка одёрнул рубаху, перевёл дух и проворчал:

— А чего тут разбираться? Бывает, что и настоящие пограничники идут по ложному следу! Чем зазря время терять, лучше поискать шпионов, а то они совсем скроются!

— Каких шпионов?! — Мохнатые брови «Бармалея» поползли вверх.

— «Каких, каких»! — проворчал Димка. — Которые нашего Петю Ёжика и вашего Джека выкрали из сада. Ещё во время грозы!

Глаза «Бармалея» вдруг заискрились и совсем потонули в морщинках. Он махнул рукой — дескать, следуйте за мной — и повёл нас в дом. На пороге он крикнул: «Лежать, Джек!» — и пропустил нас в комнату. На тахте, укутанный верблюжьим одеялом, лежал Петька и пил чай с пряниками!

— Петя, ты жив? — разочарованно спросила Иза.

Петька только головой мотнул — так набил рот, что не мог говорить.

Первой фыркнула Дуся, за ней и остальные не выдержали, залились смехом. Решив, что мы над ним смеёмся, Петька обиженно заморгал и, проглотив наконец кусок, спросил:

— Чего вы? Если бы не дядя Терентий, я бы там закоченел под дождём. Хороши товарищи, бросили в беде! Надейся на вас!

— Ну и история — обхохочешься! — покрутила головой Дуся. — Алик, ты обязательно опиши её в летописи.

— Не понимаю, чего тут смешного?! — возмутился

Димка.— На месте дяди Терентия вполне мог оказаться шпион!

— Правильно,— поддержал дядя Терентий и рассказал несколько таких случаев, когда его сын, пограничник, находил вражеского лазутчика по самым незначительным приметам.

Я хотел спросить дядю Терентия, на какой границе служит его сын, но Санька больно ущипнул меня за локоть и мотнул головой в сторону. Я сразу умолк. На стене, в чёрной траурной рамке, висел портрет молодого пограничника, очень похожего на дядю Терентия, только без бороды и без усов. Значит, он погиб на границе или, может быть, в Великую Отечественную войну, а Джек — это его учёная собака.

Мы деликатно помолчали.

— Дядя Терентий,— сказал Санька и свысока поглядел на нас,— скоро меня призовут в армию, и я обязательно попрошусь в пограничные войска.

У него был такой вид, будто его призовут не сегодня-завтра.

— А я буду разведчиком,— сказал Димка.

Дуся тоже заикнулась было о том, что и она не прочь поехать на границу, но Санька поднял её на смех. Он говорил, что девчонок на поле боя не пускают. Тут дядя Терентий напомнил ему о Зое Космодемьянской, и Санька прикусил язык.

Но, когда Изка Тобольская собралась на границу, я не выдержал.

— Куда тебе! Там, на границе, такие морозы! Как тапнут тебя по твоим музыкальным пальчикам!

Так я и знал, что Петька за неё вступится.

— Во-первых, только на северных границах бывают страшные морозы, а во-вторых, в тёплых рукавицах никакой мороз не страшен.

— А в-третьих,— добавила Иза,— я поеду с концертной бригадой, буду играть пограничникам то, что им нравится, а когда начнётся бой, буду перевязывать раны.

В общем, получилось, что все мы поедem на границу.

— Мы им покажем, где раки зимуют! — воскликнул Санька, потрясая кулаком.

— Кому покажем? — с интересом спросил Василёк.

— Врагам, конечно!

— Не надо! — попросил Василёк.— Не надо им показывать! Лучше мне покажите. Мы с папой в прошлом году много-много их наловили.

— А ну-ка, ребятки, к столу! — пригласил дядя Терентий.— Мёд свой, со всего сада его пчёлы собирали. Вот и яблоки рвали поди торопились, не успели попробовать.

Василёк не стал ждать нового приглашения. Он сел поближе к блюду с сотами и начал уплетать мёд за обе щеки. От удовольствия он даже зажмурился, словно котёнок.

Честное слово, было бы куда легче, если бы «Бармалей» нас изругал! Тогда проси прощения, да и делу конец. Так я всегда делал, когда мать за что-нибудь меня распекала.

— Простите нас, дядя Терентий,— пробормотал Димка,— мы вам все яблоки вернём, даже ещё больше.

— Да мне что. На то они и яблоки, чтобы их рвать. Конечно, зелёные, какой в них вкус! Только живот заболит.

Дядя Терентий будто жалел нас, и поэтому все мы чувствовали себя не в своей тарелке. Когда он вышел из комнаты, мы потихоньку сговорились много мёду не есть — только попробовать чуть-чуть для приличия. Но, когда уселись за стол, как-то само собой началось

что-то вроде соревнования. Опомнились мы лишь тогда, когда мёд исчез. Конечно, все мы, кроме Василька, почувствовали себя виноватыми и укоризненно переглядывались.

Правда, потом мы убрали поленницу, подмели двор, и, когда Василёк попросил было ещё мёду, все возмущённо зашикали на него.

— Как тебе не стыдно! — сказал Санька. — Ел, ел — и опять...

На прощание Димка сказал дяде Терентию:

— Так вы не сомневайтесь, яблоки за нами.

— Я и не сомневаюсь, — успокоил его дядя Терентий, провожая нас до калитки, — не такие вы ребята, чтоб обманывать. Только где вы их возьмёте?

— Купим! — воскликнул Санька. — На базаре сейчас южные фрукты продаются — во какие! Красные, пузатые!

— А деньги, значит, возьмёте у родителей?

Кажется, вопрос самый обыкновенный, но мы даже покраснели: так насмешливо смотрел на нас «Бармалей». Наверно, он в это время думал: «И рвёте вы чужое, и расплачиваетесь за чужой счёт».

Меня это задело за живое, и я возразил:

— Зачем у родителей? Заработаем!

— Ну что ж, смотрите сами. Только я бы на вашем месте возвращал не купленным, а своим добром.

— У нас своего добра нету, — пожаловался Василёк, — у нас в саду только картошка, а другие фрукты не растут и даже мёду нету.

— Непорядок! — вздохнул дядя Терентий и поглядел на Василька. — Куда это годится, чтобы от сада одно название осталось? Думаю, что надо вам, ребята, обратиться за помощью в ДОСО — это совсем рядом, на соседней, Лесной улице.

Всю дорогу домой мы ломали голову над двумя вопросами: что за человек хозяин сада, дядя Терентий, и почему его во всём слушается даже милиционер?

— Дядя Терентий старый, поэтому его милиционер и уважает, — предположил Санька.

— Нет! — горячо возразил Василёк. — Милиционеры уважают дядю Бармалея потому, что он, наверное, каждый день им мёду даёт. Я бы тоже его во всём слушался, если бы он каждый день мне мёду давал!

ГЛАВА 21

ЧТО ТАКОЕ ДОСО!

Вот неудача.

Вернулся дядя Егор, хозяин зелёного домика. Оказывается, он уехал не насовсем, а только в отпуск.

Утром мы перелезли через забор на наш дворик и в распахнутой двери сразу увидели знакомое рыжее лицо.

— Так вот кто у меня замсх сорвал! — страшным голосом закричал хозяин. — Я вам сейчас!

Пришлось уносить ноги.

Где теперь обосноваться? Настроение у нас испортилось. После чудесного сада дяди Терентия наш чёрный, без единой травинки двор казался особенно неудобным. Рядом, за забором, у дяди Терентия, шелестели листья, румянились на ветках яблоки, а у нас на грядках тоже наливались «яблоки», только картофельные.

— А что, если и вправду сходить к этому Досо? — предложил Санька. — Ведь он где-то тут, на соседней улице...

— Улица длинная — поди-ка поищи, — возразил

Димка; но, подумав немного, он, как бы между прочим, спросил: — А кем он работает, этот Досов?

— Надо говорить не «Досов», а «Досо», — поправила Иза. — Это вовсе не фамилия, а добровольное общество. Буква «о» — значит общество, а «д» — добровольное, как, например, ДОСААФ: «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту».

Пожалуй, Иза была права, и мы стали гадать, что означает четвёртая буква. Третью мы сразу отгадали: буква «с» — содействие, как и в слове «ДОСААФ». Содействие-то содействие, но кому, чему?.. Мнения разделились. Петя заявил, что это «Добровольное общество содействия отдыхающим». Я сказал, что не отдыхающим, а открытиям. Дуся стояла за то, что ДОСО — это «Общество содействия огородникам или овощеводам», Санька — одарённым людям, а Василёк — окробатам: он думал, что слово «акробат» начинается с буквы «о». В общем, мы много всего навывдумывали, но так ничего и не выяснили.

— Чем гадать на кофейной гуще, — сказала Дуся, — лучше пойти и поискать это ДОСО.

Сказано — сделано. Не тратя времени на долгие разговоры, мы отправились в дорогу.

Было очень жарко: асфальт раскалился на солнце и стал мягким, как пластилин. На нём отпечатывались следы ботинок, сапог, ямки от высоких каблучков. У ворот лежали собаки с высунутыми от жары языками.

Василёк еле плёлся и всё время тащил Саньку домой. Он из нас всю душу вытянул, но и возвращаться домой один не желал.

— У-у, навязался на мою голову! — ворчал Санька.

Вот и перекрёсток. На угловом доме за поворотом — надпись: «Лесная улица».

На Лесную улицу мы заходим редко, она относится к другому району. Здесь и школа другая. Вдоль тротуара растут деревца со стволами, побелёнными известью. На некоторых всего несколько листочков, но есть и такие, под которыми уже можно спрятаться от солнца.

— Уф-ф! — перевёл дыхание Димка. — Давайте стоим тут немного в тени, а потом и дальше пойдём.

— Вот это улица так улица! — похвалила Дуся. — Не хуже, чем у нас на селе.

— Нашла с чем сравнивать! — пожала плечом Иза. — Да у вас в деревне ни асфальта, ни машин.

— Зато у нас воздух чистый, как вода родниковая! Сосновый бор рядом, он воздух и очищает.

— Ну и ну! — покрутил головой Санька. — У тебя, Дуська, просто мозги набекрень. Как это сосновый бор может очищать воздух?

— А вот и не набекрень! Наша учительница говорила, что кислород, которым люди дышат, выделяют деревья, а взамен берут из воздуха углекислый газ, который вместе с дымом и сажей выходит из труб домов и заводов.

Димка стал на сторону Саньки. Они оба в один голос твердили, что деревья не такие дураки, чтобы питаться отбросами, — недаром леса редко растут рядом с городом.

— Так они же не сами растут, их сажают, голова садовая! — втолковывала им Дуся.

Но они упёрлись на своём и слушать ничего не хотели. В самый разгар спора раздался пронзительный свист, и какой-то мальчишка с размаху шлёпнулся перед нами на колени.

Девчонки от неожиданности завизжали, а Михай сказал:

— Ты что, решил у нас прощения просить?

— А ты чего ногу подставил? — прогудел мальчишка и боднул Михея головой в живот.

— Ах, вот ты как?! — взвыл Михей и закричал нам: — А ну, ребята, не выпускай его!

Мы обступили мальчишку со всех сторон. Он попытался прорваться, да не тут-то было!

— Пустите! — заныл мальчишка. — Чего я вам сделал?

Вдруг на плечо мальчишки легла чья-то большая загорелая рука. Я поднял глаза и увидел высокого парня.

— Спасибо, мальцы, за поимку преступника! — пробасил он, тяжело дыша. — Прошу быть свидетелями! Я зелёный патруль.

Мне ещё ни разу в жизни не приходилось ловить преступника, и я смотрел на него во все глаза. Неужели этот худенький мальчишка — преступник?

— Я просто один раз чиркнул ножиком! Подумаешь, раз в жизни!

— Вот-вот, увековечиться захотелось, — покачал головой парень.

Мальчишка моргал глазами и притворно хныкал, наверно, хотел разжалобить парня. Но тот не поддавался ни на какие мольбы и молча тащил мальчишку в какую-то дверь. Рядом с ней под стеклом на зелёном фоне поблёскивали чёткие белые буквы:

ДОСО

ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО СОДЕЙСТВИЯ ОЗЕЛЕНЕНИЮ

Так вот что такое ДОСО!

КАК МОЖНО СЕБЯ УВЕКОВЕЧИТЬ

Вслед за «преступником» и «зелёным патрулем» мы вошли в какую-то большую комнату. За окном шумела листва, такая густая, что солнце сквозь неё едва пробивалось. По стенам, как волны, гуляли тени, и солнечные зайчики плавали по потолку, словно золотые рыбки. От этого комната походила на аквариум. На подоконнике в горшках цвели розы. Наверное, поэтому здесь пахло, как у маминого туалетного столика. Но всего интереснее была огромная зелёная карта с лозунгом: «Долой белые пятна!» Такой карты я ещё никогда не видел. Если внимательно присмотреться, то станет ясно, почему она кажется зелёной — на ней нарисованы маленькие зелёные деревца, они то тянутся прямой линией, то собираются в круг, то выстраиваются рядами.

— Парк Дружбы,— шёпотом прочитал Петька.— Аллея Весельчаков... Сквер Малышей... Бульвар юных пионеров.

Эти названия были написаны крупным шрифтом, а рядом, мелкими буквами,— названия улиц.

— Смотрите, ребята, вот и наша улица! — обрадовалась Иза.— Ишь какая заметная!

И вправду, наша улица казалась белой стрелой: ни один зелёный островок, ни одна цепочка деревьев не пересекала её.

Услышав наши голоса, из соседней комнаты вышла маленькая смуглая девушка:

— Ты кого привёл, Бобиков?

— Здравствуй, Ира. Я нарушителя поймал,— пробасил Бобиков.— А это свидетели,— кивнул он в нашу сторону.

Ира смерила нарушителя взглядом:

— От горшка два вершка, а туда же! Как тебя зовут-то, нарушитель?

— Алёшка...

— Эх, Алёшка, Алёшка, ума в тебе ни трошки! — весело срифмовала Ира и кивнула нам. — Ну, а вы что скажете, свидетели?

— Значит, дело был так! — вдохновенно начал Димка. — Идём мы по улице, вдруг — бац! В нас врезался этот преступник! Он толкается локтями и падает под ноги, чтобы свалить нас. Но мы даже не шелохнулись.

Алёшка старался всё ещё сохранять жалкий вид, но глаза у него были весёлые, и он нам подмигивал, чтобы мы его не выдавали. Мне этот Алёшка понравился, и я решил за него заступиться.

— Да ничего он не сделал плохого! Просто бежал, споткнулся и упал. Даже коленку себе разбил!

Алёшкин глаз замигал мне ещё чаще: мол, продолжай в том же духе.

— Ты чего моргаешь? — спросил Василёк. — Соринка в глаз попала? Пойдём к нашей бабушке Насте, она вытащит носовым платком...

— Ну, Алёша, хватит тянуть, — сказала Ира. — Виноват — и выкладывай начистоту, не будь трусом!

— Подумаешь, всего-то одно дерево хотел своим именем назвать!

— Да чего с ним разговаривать! — возмущённо пробубнил Бобиков. — Дать ему хорошенько, тогда пропадёт охота деревья портить.

— А ты что разоряешься? Сам, что ли, их сажал? — огрызнулся Алёшка.

— И сажал! — подтвердил Бобиков. — Наш девятый «Б» высадил целую аллею у школы.

— Тебе хорошо говорить! — воскликнул Алёшка.— Возле моей школы уже есть сквер. Где же я буду сажать?

— Не обязательно около школы, можно и на улице. Где ты живёшь?

Алёшка подошёл к карте и ткнул пальцем в белую стрелу — нашу улицу.

— На самой неблагоустроенной? — удивилась Ира.— Чего же ты портишь деревья? Вот возмись и озеленяй её, увековечивайся, сколько душа просит.

— Да я чего? Я с удовольствием! — хорохорился Алёшка.— Только ведь одному трудно!

— Конечно, один в поле не воин,— согласилась Ира.— Позови на помощь товарищей. Ты из какого дома?

— Из восемнадцатого.

— А мы из двадцать шестого! — не выдержал я.

— Вот и действуйте. С деревьями вы обращаться умеете?

— Чего там уметь! — сказал я.— Возле нашего дома знаете какой сад? И яблоки в нём есть, и смородина, и малина!

— Ну, если у вас такой сад, значит, учить вас нечему.

Между прочим, Ира мне очень понравилась: весёлая, деловая и чем-то на Дусю похожа, не то веснушками, не то характером. И мне очень захотелось как-то перед ней отличиться. Вот я и скажи ей про сад. Вроде соврал, а вроде и нет: ведь я не назвал его своим, а просто сказал — «возле нашего дома». Но когда даже капельку соврёшь, то получается, что надо и дальше врать. И, чем дальше говоришь, тем больше врёшь. Вот и сейчас так получилось. Я уж и не рад был, что Ира мной заинтересовалась.

— Уже, наверно, урожай снимаете? — спрашивали она.

— Да, — неопределённо промямлил я, — уже первые яблоки сняли.

Тут Димка наступил мне на ногу. Я ойкнул, обернулся, чтобы дать ему сдачи, да так и замер: на пороге стоял дядя Терентий!

— Продолжай, не стесняйся, — подбодрила меня Ира. — Это Терентий Ефремович, учитель биологии, а теперь пенсионер и почётный председатель нашего общества «Зелёный патруль».

У меня язык будто распух, во рту пересохло, захотелось кашлять.

— Нет у нас никакого сада, — наконец выдавил я, — это не наш сад, а дяди Терентия, и яблоки мы не собирали, а...

— Ну и что же? — прервал меня дядя Терентий. — Стесняться тут нечего. Нет своего — так будет. Сад дело наживное. А помогать они мне помогали. Да ещё как! В «Зелёный патруль» их можно принять.

— Ну-у! — протянула Ира и развела руками: дескать, если уж сам дядя Терентий хвалит, то ей говорить нечего.

ГЛАВА 23

ЧТО ТАКОЕ СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Ира дала нам толстый рулон плакатов, чтоб мы расклеили их на своём дворе и на улице. Теперь мы помощники ДОСО и должны не только сами сажать деревья, но и другим доказывать, какое это полезное дело. На прощание она по-взрослому пожала руку каждому из нас.

Я, между прочим, очень люблю пожимать руку. Ру-

копожатие у меня крепкое, особенно если я постараюсь. Девчонки после моего рукопожатия дуют на свои пальчики и визжат. А я делаю удивлённое лицо и говорю: «Извините, я старался как можно легче, уж и не знаю, как это получилось». Девчонки удивляются, охают, ахают и говорят: «Какой ты сильный!» или даже «Какой вы сильный!»

В общем, начинают уважать. Силу всегда уважают.

На этот раз я решил показать свою силу Ире, и когда дошла до меня очередь прощаться, я так стиснул ей руку, что у неё даже глаза потемнели. Но она не стала визжать и дуть на пальцы, только сказала:

— Ты что это, Алик?

Я сделал невинное лицо:

— Ах, простите, я старался как можно легче...

Но Ира не дала мне договорить.

— Запомни: физическая сила хороша там, где она приносит пользу. А вообще-то, главное в человеке — сила воли.

Мне стало не по себе. А тут ещё Василёк вмешался:

— Алик, ты почему стал такой красный, как свёкла?

Ребята вокруг зафыркали, а Дуся прибавила:

— Любишь ты, Алик, пыль людям в глаза пускать.

Один Алёша меня выручил. Он подмигнул мне и спросил Иру:

— А что такое сила воли?

— Ну как тебе сказать... Вот мне, например, никогда не давались задачки по химии, всегда что-нибудь напутую. А я очень хочу поступить в сельскохозяйственный техникум, потому что природу люблю. В этом техникуме химия — главный предмет. Вот я и решила одолеть эти задачи. Приду домой после работы, поем и сажусь за стол. Другой раз в кино захочется или на каток,

а я соберу свою волю в кулак и сажусь за учебник. Иначе не видать мне этого техникума, как своих ушей. Правда, не всегда мне это удаётся, но я стараюсь...

Ира увлеклась своим рассказом, а обо мне и забыла.

Алёшка опять подмигнул и прошептал:

— Видал? Ключуло!

— Я тоже кое-что могу добавить,— сказал дядя Терентий.— Сильный человек всегда умеет побеждать свои дурные привычки. Например, привык он подмигивать. Правится ему, что все над ним смеются,— значит, он в центре внимания. А потом привыкнет и начнет мигать, где надо и не надо, даже при серьёзном разговоре.

Дядя Терентий и не взглянул на Алёшку, но все сразу поняли, о ком речь.

— Вот тебе и «ключуло»! — шепнул я Алёшке.— Сам ты наклюнулся, вот что!

Алёшка смутился и от волнения печально мигнул левым глазом. Мне было жалко его, но даже я не удержался от смеха. А он не знал, куда глаза девать. К счастью, дядя Терентий спешил и начал прощаться. Он тоже пожал нам руки, но я, наученный горьким опытом, не стал показывать ему свою силу. А Алёшка старался глядеть прямо и не мигать, хотя с непривычки лицо у него стало совсем деревянным, как у Буратино.

Мы решили выжить картошку из сада и засадить огород деревьями. Но сначала надо было добиться, чтобы все жильцы согласились на это и помогли нам. Мне поручили поговорить с моей матерью и тётей Полей, маминой сестрой, которая приехала к нам в гости.

Когда я пришёл домой, они обе пили чай и разговаривали про болезни. Тётя Поля — хирург, а моя мать — заведующая заводской амбулаторией. Стоит им встретиться — и между ними начинается разговор, в котором обычные слова заменяются медицинскими. Не успел я войти, как тётя Поля меня спрашивает:

— Ну, Алик, что твой кариес?

Я только плечами пожал:

— Никакого кариеса у меня нет.

— Как, а твой зуб? Тебе уже наложили пломбу?

Тут только я понял, в чём дело: неделю назад у меня заболел зуб и мне его лечили в поликлинике.

По-моему, гораздо проще вместо слов «кариес» и «наложили пломбу» просто спросить: «Ты вылечил зуб?» Но я не стал спорить: бесполезное дело! Их не переубедишь. Начнут говорить непонятные слова, а настоящего разговора не получится. Надо было воспользоваться тем, что мама с тётей Полей отвлеклись от своих медицинских разговоров.

— Тётя Поля,—говорю я,— вы себя увековечили?

Брови тёти Поли взлетели на лоб.

— Не понимаю, Алик, что ты имеешь в виду?

— Ах, Полина! — вдруг воскликнула моя мать.— Неужели ты не догадываешься, что твоя последняя операция на сердце так прогремела по городу, что даже детям о ней стало известно!

— Ганя, ты преувеличиваешь! — прервала тётя Поля мою мать.— Я считаю, что здесь ты больше сделала, потому что, если бы ты своевременно не поставила диагноз, то Петров не вынес бы операции...

И опять посыпались медицинские слова.

Тут я не выдержал и говорю:

— Я не об этом, я о деревьях.

— О деревьях? — удивилась тётя Поля.

— Да, о деревьях. Ну, например, сажали вы что-нибудь?

Мать сказала, что в детстве сажала клубнику, а тётя Поля начала вспоминать, как она посадила где-то малину и как та вся посохла.

— А помнишь, Ганя, как мы с тобой ходили по ягоды?

— Да, золотое было время! — размечталась мать. — Помнишь, какой лес за нашей деревней был?

У меня терпение лопнуло:

— Да я же не о лесе, я о деревьях!

Тётя Поля только плечами пожала.

Вот и попробуй тут поговорить! Я махнул рукой и, расстроенный, побрёл во двор, чтобы посоветоваться с Димкой.

Димку я застал во дворе. Он склонился над каким-то древесным ростком и трагическим голосом говорил:

— За что вы погубили бедное растение?

— Да, за что? — эхом откликнулся стоявший рядом Санька.

— А ведь какое бы дерево выросло! — плаксивым голосом продолжал Димка. — И сколько бы на нём созрело яблок! Вам бы не пришлось, тётя Катя, ходить на рынок и тратить деньги — Василёк сам бы срывал их и ел, сколько душа пожелает.

Тётя Катя стояла у кухонного окна, и лицо у неё было очень сердитое. Я сразу понял, в чём дело. Она только что выкупала Василька и, как обычно, выплеснула воду за окно. Я посмотрел на «бедное растение». Быть может, это и была яблоня, но, сказать по правде, её глянцевитые и жёсткие листья напоминали берёзу. Раньше мы и не замечали этого побега, но теперь дело другое. Теперь мы не могли позволить, чтобы кто-то, пусть даже наши матери, губил зелёные насаждения!

— Да это же чистая вода! Чего вы напустились?

— Дело тут не в грязи! — убеждал Димка. — Грязь — это удобрение, а вот мыло — это яд.

Тётя Маша, которая, как всегда, вязала что-то на крылечке, вмешалась в разговор, но только подлила масла в огонь.

— Что за поколение нынче пошло! — всплеснула она руками. — Яйца курицу учат!

— Да вы что, озорники, ко мне привязались? — закричала тётя Катя. — А ну, Александр, ступай поверти мне мясорубку! Нечего по улице шататься!

Она захлопнула окно — так Димка и не успел с ней толком поговорить.

На следующий день мы отправились по квартирам.

Наученные горьким опытом, мы решили действовать прямо. Но нам явно не везло, чаще всего жильцы отвечали:

«Я, в общем, не прочь. Как все, так и я».

Дело от этого не двигалось, и мы уходили ни с чем. Когда обход по квартирам кончился, мы пошли к дяде Льву за советом.

Управдом сначала усадил нас за стол, напоил чаем с бубликами и леденцами, а потом задал тот же вопрос:

— Ну, а как остальные?

Мы даже подскочили от изумления, а Петька вынул изо рта недоеденный кусок бублика и принципиально положил его на стол.

— Да вы что, ребята, подняли паруса? — удивился дядя Лев, заметив, что мы собираемся уходить.

— Ничего, — сказал Димка, глядя мимо управдома. — Уж если вы, заслуженный моряк, задаёте те же вопросы, что и остальные несознательные люди, то нам остаётся только ретироваться.

«Ретироваться» — это значит уйти. Это слово Димка

узнал от своей матери, артистки. Так говорят про героев, когда их оскорбляют на сцене и они её покидают.

Мы уже почти совсем ретировались из комнаты в коридор, как вдруг дядя Лев окликнул нас странным голосом; нам показалось, что он задыхается. Оказывается, он задыхался от смеха — он даже на ногах не мог стоять и упал на тахту. Тогда мы опять отправились в коридор, но тут дядя Лев наконец сказал:

— Значит, все отвечали, точно как я? Вот потеха! Так чего вы надулись? Ведь должен же я, домоуправ, узнать мнение своих жильцов? А ну, садитесь к столу. Быстро!

Мы заняли прежние места, но леденцов на всякий случай не трогали, хотя это было не так-то легко — сидеть рядом с леденцами и делать вид, что они тебе совершенно безразличны.

— Правильно вам все ответили! — весело сказал дядя Лев. — Потому что куда же годится такое важное дело в одиночку решать. Общественные дела и решаются сообща! Только тогда подует попутный ветер. Ясно?

Признаться, нам совсем не было ясно, но мы закивали и дружно взялись за леденцы, потому что, без сомнения, дядя Лев всё-таки был на нашей стороне.

— Сделаем так, — продолжал он. — Соберём жильцов и вместе всё обсудим. У каждого есть свои соображения: некоторые думают, что сажать деревья дело долгое, а огород каждый год приносит урожай. Таких надо переубедить! Другим кажется, что это пустая затея — таких надо воодушевить! Чтоб люди, как маяк, загорелись и чтобы, глядя на них, другие тоже загорались. Теперь-то ясно?

— Ясно! — наперебой закричали мы. — Так чего ждать? Завтра же и проведём такое собрание!

— Э, нет,— возразил дядя Лев.— Прежде чем отча-
лить, надо проверить, крепки ли снасти.

Мне очень нравится, когда наш управдом говорит на языке моряков. Морской язык мне куда больше по душе, чем язык врачей. Может быть, потому, что когда говорят на морском языке, то чувствуешь себя Робинзоном Крузо, или, по крайней мере, сыном капитана Гранта.

— В общем, лучше не торопиться,— сказал наконец дядя Лев на простом человеческом языке.— Сажать деревья можно только весной и осенью. А до осени ещё целый месяц, и надо его хорошенько использовать. Мы организуем не просто собрание, а собрание с концертом. Программу приготовьте такую, чтоб дух захватило. Надо воевать за свою идею! Воюют не только на войне!

ГЛАВА 25

ЕСТЬ ЕЩЕ БЕЛЫЕ ПЯТНА!

5 августа

Дорогой папа!

Значит, ты открыл новое месторождение? Вот здорово! Жалко, что без меня. Ну ничего! Я здесь с ребятами тоже кое-что открыл.

Правда, мы не совсем открыли, а просто узнали, что на карте озеленения города наша улица и наш двор — это сплошное белое пятно. Я теперь просто в толк себе не возьму, как я мог жить столько времени посреди белого пятна и не замечать этого! На нашей улице много заводов, а они выдыхают столько дыма и вредных газов! Мы вдыхаем их и отравляем свои лёгкие. А ведь если бы на нашей улице росли деревья, они вместо нас вдыхали бы эти газы, а нам взамен давали бы кисло-

род, потому что растения главным образом тем и отличаются от человека, что они берут из воздуха углекислый газ, а выделяют кислород.

Вы, наверно, тоже не сразу отыскивали новое месторождение, а нашли и руками развели: как это, дескать, оно до сих пор лежало без толку! Дядя Лев говорит, что в жизни всегда так бывает: носит человека по волнам жизни и кажется ему, что настоящее дело где-то за тридевять земель в тридесятом царстве, а оно тут, совсем рядом, под боком, да и не одно, а несколько. И если их все попробовать собственными руками, то легко будет найти то настоящее и единственное дело, которым человек занимается всю жизнь и которое называется «профессия».

Дядя Лев сказал это не мне, а Димке. У того всегда семь пятниц на неделе: то он хочет стать химиком, то артистом, то лётчиком. А я человек постоянный: решил, что буду геологом, как ты, и баста! Я не бросаю слов на ветер, ты за меня не беспокойся. Я за это лето многому научился: например, знаю, как паяют кастрюли. А осенью научусь сажать деревья. И ещё я пишу летопись нашего двора. Ребята требуют, чтобы я давал её всем читать, а я им говорю, что настоящей летописи у меня не получилось: слишком много я там о себе писал! Кто прочтёт, тот скажет, что я зазнавала и что вообще у меня слабая воля. Но ребята и слушать не хотят, требуют её, говорят: «Летопись — дело общественное, и ты не имеешь права превращать её в свою собственность, потому что она должна принадлежать истории». И вот я не знаю, как быть. Я бы и согласился, да боюсь, ребята будут смеяться. Особенно девчонки!

Как ты думаешь?

Значит, ты скоро приедешь? Хорошо, если бы погдал к нашему концерту, который мы устраиваем для

жильцов. Мы его готовим уже две недели. Сначала мы не знали, с чего начать. Ведь дядя Лев сказал: концерт должен быть исключительный, за идею воевать надо!

А потом Димка придумал такое, что у нас дух захватило! В общем, он предложил организовать «зелёный концерт», чтоб все поняли: деревья сажать необходимо.

В концерте принимают участие все ребята и даже коза Розка. Димка уверен, будто у неё есть музыкальные способности, потому что когда Иза Тобольская играет на пианино свои скучные упражнения, то Розка начинает блеять не своим голосом. По-моему, она блеет просто от тоски!

А мне поручили сочинить стихотворение для концерта, и я уже вот что придумал:

«Мы не лежащие камни,
И мы не позволим, чтоб камни —
Одни только грязные камни! —
Лежали на нашем дворе...»

Как ты думаешь, звучит? Дальше ещё не написал, что-то с рифмой не ладится. Димка говорит: «Главное — это настроение, поэты без настроения никогда не пишут», а настроение у меня есть.

Димка хочет ставить пьесу «Снегурочка» — это о дочери Деда Мороза, которая ушла к людям жить, а потом стала прыгать через костёр и растаяла. Пьеса так себе, но Димка на правах режиссёра добился, чтобы ставили именно эту пьесу. На сцене будет много зелени, так как действие происходит в основном в лесу. Главную роль Снегурочки почему-то дали Изе, хотя она чёрная, как галка. Я требовал, чтобы эту роль отдали Дусе: у неё волосы русые и лицо розовое — облупилось на солнце. Я уверен, что Снегурочка очень на неё по-

хожа. Но Димка упёрся, и теперь Снегурочка будет чёрная...

В общем, приезжай, всё сам увидишь! Здорово, если бы ты приехал к концерту.

Твой сын Алик.

15 августа

Дорогой сын!

Я рад, что ты вместе со своими друзьями взялся за настоящее дело. Но хочу предупредить тебя, что белые пятна бывают не только на картах. Когда ты подрастёшь, то ты тоже будешь ликвидировать белые пятна в науке и технике, как это делают своими открытиями изобретатели, учёные и рабочие-новаторы. Но для этого надо учиться как следует. Если ты что-нибудь не усвоил — считай, что это так и останется белым пятном на всю жизнь.

Передай привет Льву Ивановичу. Я с ним согласен: чтобы выбрать профессию, надо сначала полюбить её обратную сторону — повседневный терпеливый труд. Вот, например, геолог должен не только знать геологию, но и быть выносливым ходоком, землекопом, гидрологом, биологом, разведчиком, отлично знать географию и обладать массой других познаний. Да что говорить! Ты уже познакомился с паяльным делом и понимаешь, что оно требует от человека умения пользоваться напильником, наждачной бумагой, соляной кислотой, электричеством. Теперь можно сказать, что у тебя за плечами не только четыре класса школы, но и некоторый жизненный опыт.

Советую тебе вложить в летопись и наши письма: они многое ребятам скажут.

Поцелуй маму. Жму руку тебе и твоим друзьям. Скоро приеду.

Твой отец.

МЫ УНИЧТОЖАЕМ ДИМКИНО БЕЛОЕ ПЯТНО

Я показал ребятам письмо отца. Оно всем очень понравилось, а Петька сразу загорелся:

— Давайте уничтожать белые пятна, какие у кого есть!

— А откуда у нас белые пятна? — поморщился Димка. — Мы же в другой класс перешли!

— Это еще ничего не значит, — возразил Петька, — главное — как перешли. Тебе вон троечку по истории еле-еле натянули.

Димка покосился на Изу — он всегда перед ней выставляется.

— Ну и что? Я летом занимался, наверняка на четверку знаю.

— А это мы сейчас проверим, — подхватил Санька. — Неси, Василек, учебник в малиновой обложке.

Василек бросился выполнять поручение, а мы уселись вокруг Димки. Петька отыскал где-то палочку и стал ею постукивать по скамейке — точь-в-точь так стучит учительница карандашом по столу, когда сердится.

— Ну, — говорит, — Тимошенко, расскажи про Золотую орду.

— Значит, про Золотую орду... — мямлит Димка. — Ну, это такая... такая страна...

— В которой... что?

— В которой... много золота! — выпалил Димка, а сам на нас во все глаза смотрит — проверяет, не очень ли заврался.

Я даже присвистнул от возмущения.

— Ладно уж, — примирительно сказал Димка, — давайте про другое.

— Так и быть, Тимошенко, расскажи про Куликовскую битву.

— Значит, про Куликовскую? — бодро переспросил Димка. — Значит... это... Куликовская битва была очень тяжелой. Враги дрались не на жизнь, а на смерть... — Димка говорил все тише и тише и скоро совсем замолчал.

— А кто же там были враги? — учительским голосом спросил Петька.

— Кулики, — коварно шепнула Иза.

— Кулики... — как эхо, повторил Димка глупую подсказку.

Девчонки дружно захохотали, а Изка — первая.

После этого случая Димка стал повторять историю. Теперь, как только дело дойдет до ссоры, мы так и сыплем историческими названиями.

ГЛАВА 27

КАК Я СТАЛ КОЗЛОМ ОТПУЩЕНИЯ

Отец приехал! Гип-гип, ура! На самолёте ТУ-104 прилетел! А через два часа принесли телеграмму: «Приеду шестнадцатого обнимаю папа». То-то было смеху!

Отец подарил матери только шкуру белого медведя, а у меня подарков целый воз: лоскуток тюленьей шкуры, перья полярной совы, кусочек китового уса, несколько зеленоватых, будто мохом поросших камешков-апатитов, большущая глыба шоколада прямо из бочки — таким шоколадом питаются полярники. А ещё — полная коробка разноцветных драгоценных камней для аквариума. Если облить их водой, они становятся ещё красивей и драгоценней. Папа отдал мне блестящий геологический молоточек на длинной ручке, похожий

на тот, которым мать больных по коленкам стучает — нервы проверяет. Я спрятал его подальше, чтобы мать по ошибке не взяла вместо медицинского.

Я прямо разрываюсь на части: то бегу с ребятами домой показывать подарки, то кубарем скатываюсь вниз по лестнице.

Сегодня концерт!

В нашем парадном устроили кулисы, а крыльцо превратили в сцену. Сейчас здесь стоит дым коромыслом — артисты готовятся к выступлению. Жильцы с трудом пробиваются к выходу — такая у нас толчея. Кое-кто ворчит, но мы знаем: это только так, для отвода глаз. А на самом деле всем не терпится узнать, какая будет программа. Но мы держим язык за зубами. Правда, Василёк не вытерпел, соблазнился конфетой и по секрету рассказал кому-то, что коза Розка будет выть. Этот секрет сразу облетел весь двор, и в результате Дусина бабушка заперла Розку в сарай — вообразила, что козу будут мучить и от страданий она перестанет доиться. Еле-еле мы умолили хозяйку выпустить козу из сарая, а Васильку объявили бойкот.

До концерта осталось два часа.

Всё уже готово.

Перед крыльцом расставлены разномастные табуретки и стулья, собранные со всего дома. Сцена украшена еловыми и берёзовыми ветками — это главная декорация. Иза мечется и что-то бормочет — повторяет роль. Иногда она мотает головой и стонет, как от зубной боли; это значит — забыла, что говорить дальше.

Димка вертится перед ней, как волчок.

— Иза, что ты себе портишь нервы? Артист должен быть холоден как лёд. Прибереги волнение на выход.

— Ах господи! Неужели я напутаю? О боже! — бормочет Иза.

Я не выдержал и говорю:

— Тебе место не здесь, а в церкви!

Лучше бы я не связывался, потому что Петька, как всегда, за неё вступился:

— Во-первых, она от волнения, во-вторых, что поделаешь, это пережиток прошлого, в-третьих...

«В-третьих» я не стал слушать и убежал домой. Отец и мать сидели за столом и пили чай. Наша комната выглядела совершенно чужой: я утащил для представления все стулья, туалетный столик, зеркало, настольную лампу, коврик и даже картину с осенним пейзажем. На стене остался широкий прямоугольник красных, не выцветших на солнце обоев.

— Дожили! — говорит мать. — Начисто обобрал. Не комната, а сарай.

— Что же делать! — вступает за меня отец. — Нам надо его пожалеть. Человек сразу три должности совмещает: директора, костюмера и суфлёра. Да ещё летопись пишет! Видишь, парень совсем закрутился.

Мать делает вид, что сердится, но по глазам видно, что она притворяется.

— Идём-ка сюда! — говорит отец и обнимает нас с матерью за плечи.

Мать ростом маленькая, едва отцу по плечо. На будущий год я обязательно её перерасту: расту я очень быстро. Отец подводит нас к геологической карте и на одном из островов Северного Ледовитого океана ставит крестик: это новое месторождение апатитов, которое открыла его экспедиция. Теперь на новых картах везде поставят этот крестик. А рядом висит карта нашего города — это я её повесил. Отец находит нашу улицу и тоже ставит маленький крестик.

— Вот, Ганя, — говорит он, — видишь, что отец с сыном делают!

Потом он показывает другой островок — там пока что тоже белое пятно. Но я знаю: раз отец на него обратил внимание, значит, в скором времени белого пятна не будет.

— А каковы твои планы? — спрашивает отец.

Но я не успеваю ответить — из парадного доносится голос Изы:

— Куда он запропастился? Алик, Алик! Где мой парик?

Отец толкает меня к двери, и я кубарем качусь по лестнице: ничего не поделаешь, долг остаётся долгом!

— Сейчас! — говорю я Изе и начинаю рыться в костюмах.

Парик словно сквозь землю провалился! Наконец, когда терпение у меня лопнуло, а в глазах зарябило от разноцветных тряпок, я выпрямился и мимоходом взглянул на Изу. Парик был у неё на голове! Я чуть не лопнул от злости. И думаете, она меня поблагодарила? Даже не взглянула, будто это не я битых полчаса лазил под стульями! Только я вздохнул посвободнее, как прибежал Димка и схватил меня за рукав:

— Где Розка? Где Розка? Почему ты мне её не обеспечил?

Я попытался его вразумить:

— Извини, но Розка — артистка, а не костюм и не декорация. Ты режиссёр, и это твоя обязанность договариваться с артистами.

— Но Розка — это коза, как же я с ней договорюсь?

— Ты сам всем уши прожужжал, что она умная и талантливая. И вообще, оставь меня в покое, у меня своих дел по горло!

В конце концов из-за этой «артистки» мы поругались и, если бы не Дуся, наверняка бы подрались.

Она встала между нами в украинском костюме, та-

ком пёстром, что у меня зарябило в глазах. Потом смирила нас строгим взглядом и сказала:

— Как вам не стыдно, петухи! Нашли из-за чего сориться! Осталось десять минут до представления.

Чтобы не ударить лицом в грязь перед Дусей, я сразу же согласился:

— Ладно, схожу, раз ты, Дмитрий, не справляешься со своими обязанностями.

— Не справляюсь? — завопил Димка.

Я не оглянувшись и ушёл, как победитель. Но козу не так-то легко удалось заполучить: её начали доить. Я извёлся, пока Дусина бабушка выжимала из неё молоко — всё, до последней капли.

— Бабушка, вы поймите, из-за вашей козы концерт может сорваться.

— Ничего, милок, для козы лучше задержать концерт, чем молоко! Иначе она будет кричать не своим голосом!

«Вот и хорошо, — с радостью подумал я, — в том-то её и роль, чтобы она кричала!»

Когда я притащил к нам во двор упирающуюся рогающую «артистку», представление уже началось. Вместо того чтобы сказать спасибо, Димка смерил меня ненавистным взглядом и показал из-за кулис кулак. Подумаешь, очень я боюсь его кулака! Я попытался втолковать ему, чего мне стоило добыть козу, но он зашипел, как гремучая змея, и сунул мне в руки сразу несколько тетрадей. Тут я вспомнил, что исполняю обязанности не только костюмера и директора, но и суфлёра.

Раньше я и понятия не имел, что такое суфлёр, а теперь узнал на собственном горьком опыте. Это самый несчастный человек! Он сидит за сценой или под сценой и подсказывает актёру, если тот забыл какое-нибудь слово. Все люди как люди — или играют, или

смотрят представление, — а суфлёр всегда твердит чужую роль. Если актёр вдруг замолчал или начал покашливать от смущения, то это означает, что тебе надо подсказывать. Причём, сколько ни старайся, всё равно никому не угодишь! Если ты говоришь громко и зрители ненароком услышат, то режиссёр начинает ругать тебя на чём свет стоит! Тогда ты понижаешь голос до шёпота — и всё равно тебе достанется, но уже за то, что актёр не слышит.

Неблагодарное занятие! Говорят, в настоящих театрах суфлёру даже деньги платят. Я бы на такую работу ни за какие деньги не пошёл, пусть меня озолотят. Ничего себе занятие — всю жизнь подсказывать! Последнее дело! По-моему, дали тебе роль, будь добр, выучи наизусть! Вот если бы к артистам приставили нашу учительницу, так они обошлись бы без подсказок.

Я думаю, что суфлёром я работал в своей жизни первый и последний раз. За два часа я столько наподсказывал, что к концу представления почти охрип. Изабелла от волнения забыла роль, и я напоминал ей почти всё. Сначала подсказывал тихо, вижу — она совсем замолчала.

«Ну, — думаю, — придётся выручать!»

И давай читать её роль таким же, как у неё, визгливым голосом. Даже не ожидал, что это произведёт такой эффект: во дворе послышался смех, кто-то засвистел от восторга! Я совсем прибодрился и завизжал ещё громче. Вдруг откуда ни возьмись — Димка!

— Ты что, — шипит, — с ума сошёл? Изабелла перестала играть. Нельзя же, чтобы два человека говорили одно и то же!

— Да твоей Изабелле, — говорю, — совсем память отшибло! Если бы не я, она бы осрамилась! А благодаря мне публика видит как смеётся?

— Ещё бы не смеяться, — выходит он из себя, — когда в самую критическую минуту своей гибели героиня начинает визжать, как коза! Иди клоуном в цирк, там тебе самое место!

— Ну уж нет! — возмутился я. — Что ты мне свои профессии навязываешь? Я буду геологом!

Если бы не Дуся, мы бы подрались. Но на этот раз она взяла Димкину сторону, и мне пришлось уступить. Димка занял моё суфлёрское место, а мне приказал надеть костюм зайца. Это была немая роль, которую во время репетиций выполнял Санька, но он внезапно заболел ангиной, и мне теперь поручили его роль. Я возмутился и закричал:

— Что я вам, козёл отпущения?

А Димка суёт мне заячий костюм и командует:

— Быстрее! Не козёл, а обыкновенный заяц. Просто прыгай среди берёзовых веток и улыбайся.

Дуся посмотрела на меня строгими глазами и подтвердила:

— Давай, давай, прыгай!

Я махнул рукой и стал натягивать марлевые штаны и куртку. Потом надел чепчик с длинными проволочными ушами и выскочил на сцену, то есть на крыльцо. Сначала от страха у меня ничего не получалось. Никогда ещё на нашем дворе не было столько народу. На заборах и на крышах сараев сидели ребята. В задних рядах я заметил отца и мать. Отец ободряюще кивнул головой, а у матери порозовели щёки: она переживала за меня. Мне стало обидно, что у меня такая невыдающаяся роль и я не могу по-настоящему проявить себя. А мне так хотелось, чтобы на меня обратили внимание! И я начал прыгать выше берёзовых веток, высоко подбрасывать ноги и кувыркаться через голову, так что проволочные уши на моей голове загнулись и стали тор-

чать, как коровьи рога. Но успех был колоссальный!

Мне так хлопали, что не стало слышно проезжающих по улице грузовиков и трамваев. Даже артисты смотрели на меня из-за кулис расширенными от восхищения глазами и махали руками. А Иза — чёрная Снегурочка — опять потеряла дар речи. Я вконец разочлился: зачем только ей доверили такую ответственную роль? И почему Димка не подсказывает?

Но рассуждать было некогда — товарища надо всегда выручать в беде. У меня, между прочим, феноменальная память, как говорит наша учительница Капитолина Сергеевна. Феноменальная — это значит исключительная. Стихотворения я запоминаю с двух раз. Не удивительно, что за время репетиций я наизусть запомнил роль Снегурочки. Сейчас мне это пригодилось. Отвернувшись от публики и продолжая прыгать, я стал визгливым гсломом читать роль за Изу. В зале, то есть во дворе, опять поднялся шум и свист. Я просто разрывался на части: мне приходилось улыбаться, как полагается в этой пьесе зайцу, прыгать и кувыркаться через голову да ещё Изиным голосом говорить за Снегурочку. Я так устал играть сразу две роли, что был несказанно рад, когда Димка уволок меня за кулисы.

— Что, здорово я вас выручил? — сказал я, обливаясь по́том.

— Ничего себе, оказал медвежью услугу! — прошипел Димка.

Я заметил, что на должности режиссёра он не разговаривает, а только шипит. Вероятно, так и полагается режиссёрам.

— Из-за тебя Иза рта не раскрыла! — шипит он, а сам тащит меня за заячий хвост на суфлёрское место. — Суфлируй! Сейчас пьеса кончится и объявят мой номер!

Что поделаешь, приказ режиссёра во время спектакля всё равно что приказ командира в бою. Что бы там ни случилось, ты обязан слушаться и подчиняться.

Сначала у Димки всё шло хорошо. Он блестяще объяснил козе, почему нельзя объедать зелёные насаждения. После этого настала очередь Розки показать свой талант. Раньше Розка очень талантливо блеяла. Но сейчас как назло она будто воды в рот набрала: быть может, волновалась, впервые выступая в роли артистки? Напрасно я громким шёпотом подсказывал: «Розка, ме-ме, мекай!» — Розка молча обглаживала берёзовые ветки. Не знаю, как меня осенило, — я вдруг начал блеять. Розка посмотрела на меня и тоже заблеяла. Блеяла она великолепно! Дело кончилось тем, что Розкина хозяйка протолкалась сквозь толпу и увела свою «страдалицу».

Наконец-то я смог отдохнуть — следующим номером был танец. Тут, к счастью, подсказка не требуется. Но я всё-таки наблюдал, как девочки танцевали. Дуся была лучше всех. Я не выдержал и, не дождавшись конца номера, так захлопал, что у меня чуть не отнялись руки! Димка опять прибежал и зашипел:

— Ты что, с ума сошёл? Никто не хлопает! Ещё подумают, что мы сами себе успех создаём!

Пришлось опустить руки. Мне просто не везло! Что бы я ни делал, меня бранили. Только теперь я узнал, как это горько — быть козлом отпущения. Легенду об этом козле мне как-то рассказал отец.

Когда-то в древности люди выгоняли бедного козла в пустыню. Считалось, что все грехи, которые они совершили, передаются этому ни в чём не повинному козлу. Его так и называли — «козёл отпущения». Но этому козлу, наверно, и во сне не снилось испытать то, что выпало на мою долю. Ведь он не понимал, что люди с

ним так несправедливы, а я всё прекрасно понимал. Я оказался виновен и в том, что Изабелла плохо выучила роль, и в том, что Розка вовремя не заблеяла!

ГЛАВА 28

О ЗЕЛЁНОМ КОНЦЕРТЕ, ЗЕЛЁНОЙ РЕЧИ И О ВСЯКОЙ ВСЯЧИНЕ ЗЕЛЁНОГО ЦВЕТА

А в общем, концерт прошёл неплохо. Зрители даже бис кричали и долго не расходились по домам.

Сразу же после концерта я сбросил заячий костюм и побежал во двор к родителям. Отец сказал, что из меня получился прекрасный заяц, но на роль Снегурочки я никак не гожусь. Тогда я объяснил, почему мне пришлось играть за Изу, а потом напомнил ему легенду о козле отпущения. Мама так растрогалась, что не сказала ничего даже о дырке, которую я провертел для подсказок в картине.

Вокруг только и говорили, что о нашем концерте. Кое-кто считал, что в нём слишком много зелени, а другие заявляли, что дело, мол, не в этом, а что артисты ещё слишком зелены.

А дядя Лев поднялся на крыльцо и произнёс речь.

— Есть пословица: «Молодо — зелено», — сказал он под конец, — но её нельзя применить к нашим детям. Я бы выразился иначе: «Не всё то зелено, что молодо». Наши пионеры показали, что в таком важном деле, как озеленение родного двора, они далеко не так зелены, как это кажется. Наоборот! Они крепки и полны сил, как молодые деревца, которые скоро будут посажены их заботливыми руками на том самом месте, где вы сейчас стоите. И я, думаю, не ошибся, что встал у штурвала того зелёного корабля, который приведёт нас к желанной цели!

— Блестяще! — засмеялся мой отец. — Пожалуй, я впервые слышу речь, в которой так много зелени.

Все захлопали и стали хвалить дядю Льва за то, что он возглавил и организовал «бедных детей».

Жильцы окружили управдома, пожимали его руку, а о нас совсем забыли. Лишь тётя Маша о нас вспомнила и позвала к себе на чашку чая. Моя мать тоже принесла пирогов, которые испекла к приезду отца. Потом и остальные жильцы спохватились и натащили в комнату тёти Маши всякой всячины.

— Что же мне делать? Куда я уложу всё это добро? Мой столик не выдержит такой нагрузки! — всплеснула руками тётя Маша.

— Зачем же в такой чудесный день сидеть в помещении? — сказала моя мать. — Давайте пить чай за общественным столом.

Общественный стол — это самое интересное место в нашем дворе. За этим столом взрослые сражаются в домино и шахматы, а мы затаив дыхание следим за ходом боёв. Здесь обсуждаются дела взрослых, и тогда нас бесцеремонно прогоняют. Но сегодня общественный стол застелили голубой скатертью с яркими белыми розами по кайме. Скатерть такая длинная, что совсем не видно дощатых, почерневших от дождя ножек.

Стол прямо-таки ломится от лакомств. Есть даже пирожное и мороженое в вафельных трубочках. Мороженое от жары тает, и нам разрешили съесть его в первую очередь.

Больной Санька сидит у окна, закутанный в бордовое байковое одеяло, и с тоской смотрит на общественный стол. Честное слово, я бы отнёс ему полпорции мороженого, только бы он так не смотрел, но доктор запретил ему всё холодное. Вот не везёт человеку! В кои-то веки посчастливилось заболеть, и то не на пользу!

Обиднее всего, что его сестрёнок Люсю и Лиду тоже усадили за стол. Они только что вернулись из лагеря, их носы и щёки облупились, и кожа с них слезает хлопьями, как кожура с молодой картошки. Именно за свой облезлый вид они и попали за стол артистов. Мать поглядела на них и говорит:

— Бедные девочки, как вам не повезло!

А «бедные девочки» хлопают ресницами и косятся на вазы с конфетами.

— Подумаешь, облезли! — возразил я. — Змеи совсем из своей кожи вылезают, и то ничего.

Мать велела нам с Петькой потесниться и сказала:

— Как не стыдно! Девочки стоят, а вы сидите! Мужчины должны всегда уступать место женщинам. Ешьте, девочки, на здоровье. Я страшно не люблю жадных! — И мать пододвинула девчонкам пироги.

Люся и Лида мотнули огненными косицами и набросились на пироги, а я отправился к Саньке, чтобы пожаловаться ему на его сестёр. Но, когда я подошёл ближе к окну, у меня пропало желание жаловаться. Санька с видом мученика наблюдал издали за пиршеством и глотал слюнки. Глотать что-нибудь другое он не мог, потому что у него распухло горло.

— Ты не расстраивайся, я кое-что для тебя припрячу. Когда выздоровеешь, съешь, — попытался я его утешить.

— Спасибо! — шёпотом поблагодарил Санька. — Чтоб я ещё заболел — нет, дудки, меня на хворь теперь и мятными пряниками не заманишь! Я теперь учёный!

Пока мы с ним так беседовали, гостей прибавилось. Пришёл Алёшка, который мигает, Михей и какой-то низкорослый дяденька, очень знакомый с виду.

— Хлеб вам да соль! Чай да сахар! — сказал он, снял кепку и пригладил льняные волосы.

— Садитесь, Иван Кузьмич, гостем будете! — пригласила его к столу тётя Маша.

— Премного благодарен! — Иван Кузьмич присел на скамью с краю. — Не дорога гостьба, а дорога дружба!

Я весь измучился, пока смотрел на этого Ивана Кузьмича: «Где же это я его видел?» Но, как ни ломал голову, не мог вспомнить. Только когда взглянул на Дусю, понял: это её отец! И волосы у него русые, и глаза голубые, только чуть светлее. Даже веснушки у них такие похожие, что, кажется, если их посчитать, то получится одинаковое число. Удивительное сходство! Даже говорят одинаково: что ни слово, то поговорка или пословица! И все-таки я чуточку разочаровался. Дуся рассказывала, что её отец такой сильный: и коней подкуёт, и колхозный инвентарь починит, и даже больные тракторы в два счёта вылечит. Я представлял его великаном с мощными бицепсами и широкими плечами, мечтал с ним встретиться и расспросить, как стать таким же силачом.

— Скажите, вы работаете в колхозной кузнице? — начал я с ним разговор.

Иван Кузьмич улыбнулся Дусиной улыбкой:

— Как в воду глядели, молодой человек!

— А вы правда можете мять железо в руках и делать из него всё что угодно?

— Не всё, но кое-что могу.

— Трудно?

— Почему? — засмеялся Дусин отец. — В нашем деле главное не сила, а сноровка. Сила без сноровки что лошадь без узды — только напортит. Другой раз нужно ударить так, чтоб заготовка сплющилась чуть-чуть. Тут сила не поможет. Читал рассказ Лескова «Левша»? О том, как англичане сделали маленькую

блоху, а наш кузнец её подковал? Вот так-то. А ты, случаем, не Алик?

— Алик. Откуда вы знаете?

— Как не знать! Дочка о тебе много писала.

Дуся в нашу сторону ни разу не посмотрела, но так покраснела, что я сразу понял — она всё слышала. Я, конечно, тоже и виду не показал, что польщён, но сделался таким добрым — даже Люсе и Лиде передал по пирожному. Слово за слово, и мы с Иваном Кузьмичом стали друзьями — водой не разольёшь! Он пригласил меня погостить к себе в деревню. Я обрадовался, но вспомнил, что через несколько дней начнутся занятия в школе, и вздохнул:

— Нельзя, дела!

— Ну, если дела, ничего не попишешь! — согласился Иван Кузьмич. — Дела есть дела. Они всегда на первом месте. Тогда на будущий год приезжай!

Мы бы ещё о многом поговорили, но тут кто-то застучал ложкой по моему блюдцу и строго сказал:

— За столом не разговаривают!

Я поднял глаза и увидел тётю Таню, Димкину мать. Её нарядное платье шуршало и переливалось, как рыба чешуя. Тётя Таня только вчера вернулась из Крыма. Кожа у неё совсем как шоколадная, губы красные-красные, а волосы собраны в какую-то очень сложную причёску. Она такая красивая, что девчонки с неё глаз не сводят. Но тётя Таня больше всего интересовалась Васильком — взрослым почему-то всегда нравятся такие толстые дети.

— Василёчек, съешь вот эту корзиночку! — попросила она Василька и положила ему на тарелку ещё одно пирожное.

— Спасибо! — с тяжёлым вздохом сказал Василёк — он съел уже столько сладкого, что еле дышал.

— Вот хороший мальчик! — растрогалась тётя Таня. — Какой у вас чудесный бутуз! — сказала она тётё Кате.

— Сколько с ним мороки, Татьяна Кирилловна! — довольным голосом пожаловалась тётя Катя и показала на окно, у которого сидел Санька. — Если бы не старший сын, мне бы с этим не справиться. Это Саня его воспитал.

Санька сделал вид, будто не слышал похвалы, но высунулся из окна почти наполовину, чтоб все его лучше разглядели.

— Прекрасное, прекрасное воспитание! — не переставала восхищаться тётя Таня.

Тут Василёк заёрзал на месте, и она его спросила:

— Что тебе, малыш?

— Дайте теперь мне винограду, тогда я ещё раз скажу вам спасибо.

Взрослые засмеялись, а Санька сразу перестал высываться из окна.

— Ну, ребятки, подставляйте чашки — я вам ещё подолью.

Тётя Маша принесла свой обновлённый чайник со змеиной ручкой и поставила его на самую середину стола.

Вдруг тётя Таня сказала каким-то странным голосом:

— Извините, Мария Анисимовна, где вы достали такой чайник?

— Он у меня, наверно, со времён царя Гороха, — засмеялась тётя Маша, — но не стоять ему на этом столе, если бы...

— Подумать только, у меня в точности такой же чайник! Бывают же совпадения! — перебила её Димкина мать. — Мне подарили его в одном целинном мо-

лодѣжном посёлке, который называется Зеленославск. В нём всего несколько домиков, а вокруг — голая степь. Летом — ветер, зимой — мороз! Жутко! А ребята там такие мечтатели! Пока у них прижилось всего одно деревце, а они уверяют, что со временем посёлок будет утопать в зелени!

Я стал думать о том, как эти ребята боролись с ветром и морозом, чтобы отвоевать у них это одно-единственное деревце. А потом вспомнил про нашу улицу: у нас здесь нет ни ветра, ни трескучих морозов, и всё же она голая, как степь.

— Герои, значит, те ребята! — сказал Иван Кузьмич, словно подслушал мои мысли.

— Сейчас я принесу этот чайник, — сказала тётя Таня и пошла к себе домой.

Димка вдруг побледнел и жалобно заморгал — и я сразу догадался, что чайник он не починил, а стащил у матери! Через несколько минут тётя Таня вернулась с расстроенным лицом и сказала:

— Ума не приложу, куда чайник мог деться. Дима, ты не брал его?.. Дима, ты где?

А Димки уже и след простыл, даже я не заметил, когда он успел исчезнуть. Тётя Маша в волнении кусала губы и вдруг сказала:

— Наверно, Татьяна Кирилловна, это и есть ваш чайник! Дима взял мой починить — он такой же синий, только без ручки, — да, верно, не сумел и заменил своим. А мне и невдомёк, старой!

Тут откуда-то снизу послышалось хныканье: оказывается, Димка залез под стол. Конечно, в его возрасте хныкать позорно, но в таком положении, пожалуй, это самый лучший выход: матери всегда становятся добрее при виде слёз. Тётя Таня вытащила Димку из-под стола и так встряхнула, что он взвыл.

— А на что нам этот чайник? — плаксиво спросил он. — У нас эти чайники да сервизы на полках ржавеют, а тётё Маше вскипятить чаю не в чем!

У тётё Тани глаза позеленели, а губы стали тонкие-тонкие.

— Ну погоди, только приди домой! До чего распустился — вещи стал из дому таскать!

— Вы уж не ругайте его, Татьяна Кирилловна, — вступилась за Димку тётя Маша, — он же по доброте сердечной. Чайник какой был, такой и остался. — И она пододвинула чайник Димкиной матери.

За столом стало тихо-тихо, и у всех был какой-то виноватый вид.

— Нет, нет, возьмите его себе! — смутилась тётя Таня. — Дима прав, такой подарок нельзя прятать в кладовке. Только надо было мне сказать...

— Вот это по-нашему! — одобрительно сказал Иван Кузьмич. — Бери чайник, Мария Анисимовна, и угощай нас...

Все облегчённо вздохнули. Зазвенели стаканы, затренькали ложечки. Стало очень весело. А чайник со змейкой выпевал какую-то приятную песенку.

ГЛАВА 29

КАКУЮ КАШУ ЗАВАРИЛ ВАСИЛЁК

— ...Поздравляю вас с началом учебного года! — сказал мне кто-то в самое ухо сначала хриплым, а потом звонким голосом.

Я подскочил на постели и увидел мать — она настраивала репродуктор. Так вот кто меня поздравлял — «Пионерская зорька»!

— Вставай, именинник! — сказала мне мать. — Хорошо валяться, когда тебя поздравляют!

Я люблю первое сентября. В этот день взрослые становятся ласковыми, весёлыми и очень вежливыми. Даже если ты прольёшь невзначай чай на скатерть, они скажут: «Ну ничего, не расстраивайся!»

Мать готовит в этот день особенно вкусный завтрак, как в день рождения.

А на улице-то как празднично! Из всех дворов выходят ребята. Ветер треплет красные галстуки на груди — совсем как маленькие флажки!

Мы идём в школу всей компанией, нет с нами только Дуси, которая уехала в свою деревню. Зато рядом шагает Василёк. На нём новая ученическая форма, а за плечами в ранце гремят пенал и коробка с деревянными палочками для счёта. Как все первоклассники, Василёк очень волнуется и всё время нюхает букет.

Осень подкралась совсем незаметно. За палисадниками и заборами пестро от опавших листьев. Они приятно и немножко грустно шуршат под ногами. Но на нашей улице нет ни единого цветного пятнышка — вокруг асфальт да голые квадраты земли.

— А в Зеленославске, наверно, уже высадили целую аллею, — сказал Димка и далеко отпихнул камешек, который всё время катил впереди себя.

— А хорошо бы им письмо написать!

— Ну, у нас ещё до них нос не дорос.

Если бы кто со стороны послушал наш разговор, то наверняка ничего бы не понял. И в самом деле, какое отношение имеет Зеленославск к нам и кто эти таинственные «они», до которых у нас ещё нос не дорос?

Но мы хорошо понимали друг друга. Если бы высказать вслух наши мысли, то получилось бы вот что:

«Там, в Зеленославске, среди голой степи, люди борются с суховеями и трескучими морозами. Они строят город, который хотят прославить своими садами и пар-

ками. А мы спокойно ходим мимо голой земли, оставленной специально для деревьев. И разве мы вправе писать зеленославцам, если на нашей улице нет ни одного деревца?»

Но вот камешек, который мы по очереди катили впереди себя, докатился до школы. Во дворе ребята уже строились на линейку. Мы отвели Василька в его группу, к новенькой учительнице. У неё косички кренделями, и ростом она почти с меня. Здорово я за лето вырос, даже с некоторыми учителями сравнялся по росту!

— Тебя как зовут? — спросила Василька учительница. — Меня зовут Вера Павловна, а тебя?

— Василёк, — ответил Василий сиплым от волнения голосом.

— Всего хорошего, Василий, — сказал Санька и выразительно посмотрел на брата: дескать, не робей!

Василёк приободрился и отрекомендовался заново:

— Меня зовут Василий Степанович Звягинцев.

Тут залился звонок, и мы помчались в свои классы. Вот и моя парта у окна, блестящая и липкая от недавно просохшей краски! Вот и стенгазета с пожелтевшим номером, выпущенным перед летними каникулами! Доска гладкая, отдохнувшая от мела, заново покрытая лаком. Ну как не написать на ней первое в этом году слово! Я схватил мелок и вывел на доске: «Зеленославск». Мне захотелось написать именно это слово. А Петька написал «космонавт», подумал и приписал цифру «22». Это он о себе. Как-то по секрету Петя сказал мне, что по его точным подсчётам он будет космонавтом номер двадцать два! Я не спорю — в математике он сильнее меня!

А в большую перемену во дворе состоялся митинг. Сначала выступали старшеклассники. Многие из них

работали в колхозе или в лагерях пионервожатыми и теперь рассказывали о том, как провели лето. Потом на крыльцо поднялась учительница Василька и сказала:

— У наших первоклассников сегодня был первый урок родной речи. Ребята читали любимые стихи, а один мальчик, по имени Василёк...

— Что он ещё натворил? — встревожился Санька.

— ...назвал несколько пословиц. И даже объяснил их. И потом... он знает одно слово, которое многие из нас ещё ни разу не слышали.

Школьники зашумели:

— Где этот пацан?

— Покажите нам сочинителя!

— Пусть скажет своё новое слово!

На крыльцо поставили ящик, а на ящик подняли нашего Василька. Вид у него был испуганный — уж очень много собралось вокруг народа!

— Не буду я говорить! — захныкал Василёк.

— Ребята, Василёк у нас ещё не освоился. Я сама за него скажу! — крикнула Вера Павловна. — Он знает новое слово «Зеленославск» — это город, который славится своей зеленью...

— Такого города на карте нет! — громко возразил кто-то из старших ребят.

— Нет, есть! — закричал Василёк. — Я знаю!

Его, вернее, здорово задело, и он забыл про свой страх.

— Жми, Василёк! Держи марку! — завопили ребята с нашего двора.

— А где он, этот твой город? — наперебой спрашивали Василька.

— Он пока нигде, но он уже есть...

Вокруг захохотали — ребята думали, что Василёк шутит, а он чуть не заревел от обиды. Надо было выру-

чать парнишку. Мы подтолкнули Димку, нашего непревзойденного оратора, и он поднялся на крыльцо. Вот тут все и узнали о посёлке Зеленославске, о его первом деревце среди голой степи, о том, в какой город он превратится через несколько лет...

Воцарилась такая тишина, что стало слышно, как в небе закурлыкали журавли. Но никто не запрокинул голову, хотя в другой раз ребята едва ли упустили бы случай полюбоваться на ровный косяк, будто вычерченный по линейке. Все слушали Димку. Даже я, хорошо знавший эту историю, и то заслушался. На секунду мне даже показалось, будто вокруг завывает ветер и жгучий мороз пробирает до костей, вот до чего образно говорил Димка!

А потом Димка рассказал о нашем дворе и о нашей улице. И о том, как здорово было бы посадить на ней деревья...

После уроков мы опять вместе шли домой. И Санька в первый раз не отгонял от себя младшего брата. Сразу было видно, что он гордится Васильком.

— Знаете, ребята, а всё-таки я не зря его воспитывал! — сказал он. — Из него всё-таки получился человек!

Вот какую кашу заварил Василёк: теперь по воскресеньям мы всей школой будем высаживать деревья.

ГЛАВА 30

КАК Я ПРЕДУГАДЫВАЛ СОБЫТИЯ

В воскресенье меня разбудила муха. Она долго и противно гудела над моей головой. Потом ей надоело гудеть, и она заговорила человеческим голосом:

— Совсем человек обленился! Уже саженцы привезли, а он лежит себе да посапывает!

Тут я понял, что принял Петьку за муху, и сон с меня как рукой сняло.

— Ёжик, подожди меня! — крикнул я.

Но его будто ветром сдуло.

Я подбежал к окну. Все уже были в сборе! Наверно, в нашем дворе ещё никогда не было столько народу. Школьники, жильцы, дядя Терентий и даже Ира из ДОСО в пёстренькой, как осенний листок, косынке!

Лезвия лопат огоньками вспыхивали на солнце, будто от них летели искры.

Вот досада! Я так ждал этого дня и проспал самое главное — начало! Нет, не гожусь я в летописцы! Настоящие летописцы никогда не просыпают великих событий и следят за ними с начала до конца. Наверно, в разгар событий они вообще перестают спать — принимают какие-нибудь специальные снадобья, чтобы бодрствовать и не упустить ничего важного. Они даже предугадывают события. Правда, сегодняшнее событие я тоже предугадал.

Вчера член редколлегии школьной стенгазеты Коля Сморчков подошёл ко мне на перемене и говорит:

— Алик, я слышал, ты записываешь все события вашего двора. Так вот: сразу после воскресника мы собираемся выпустить газету-«молнию». Обеспечь мне статейку о завтрашнем воскреснике. Позаботься заранее, чтобы она читалась с подъемом и вообще звучала как призыв. И постарайся быть в самой гуще событий. Ясно?

— Ясно! — сказал я. — Только что это такое «гуща событий»?

— Вот бестолковый! — поморщился Коля Сморчков. — Значит, в самом центре. Понял? Ну давай, трудись!

Я не совсем понял Колю Сморчкова, он вообще лю-

бит выражаться туманно, но мне было очень лестно, что старшекласник дал мне такое ответственное задание. Вечером я вернулся домой и сразу стал предугадывать события. Между прочим, это довольно трудно: я потел часа четыре, но выжал из себя только одно предложение: «В это утро солнце светило особенно ярко, всё выглядело как-то особенно торжественно...» Больше я ничего не мог придумать, на языке у меня вертелось только два слова: «как-то особенно», а как именно особенно, я не мог представить! В одиннадцать часов вечера мать погнала меня спать.

Лучше бы уж я не предугадывал, что это утро будет особенно солнечное... Но теперь рассуждать было поздно. Я кое-как оделся, кубарем скатился с лестницы и вылетел на крыльцо.

Наш это сад или не наш? Я просто не верил своим глазам! Ещё вчера здесь были пустые грядки, а сейчас их разровняли и собранную в кучу ботву подожгли. Едкий дым длинными седыми космами стлался по земле. Но самое главное, что так изменило наш сад, были земляные холмики, расположенные на равном расстоянии друг от друга. Казалось, в нашем саду всю ночь трудились кроты.

Больше всего меня удивил дядя Терентий. Он расхаживал по саду и отдавал приказы, как командир в разгар боя. Просто удивительно, как это он успевал всё замечать! Фуражка у него сбилась на затылок, волосы взмокли и торчали сосульками. Его слушались, и видно было, что дяде Терентию это нравится.

— Кто же это валит саженцы в одну кучу? — корил он Саньку. — Ты их ставь одно к одному, а корешок присыпь сырой землицей.

И дядя Терентий стал объяснять, как надо это делать.

— А чего их присыпать? Всё равно через час будут в земле, — возразил Санька.

— Ишь какой всезнайка! — нахохлился дядя Терентий. — А знаешь, что за этот час может произойти? Видишь волоски на корнях? Этих волосочков тысячи, они-то и кормят дерево. Вчера их оголили, в дороге ветром присушило, теперь ещё солнышко прихватит — и готово! Высадишь деревце, а оно и будет болеть несколько месяцев! Нет, брат, так не годится! Девочки, несите сырой землицы сюда!

Иза принесла целое ведёрко. Дядя Терентий укрыл корни и сразу подобрел:

— Вот так, хлопчики, надо делать. По-хозяйски.

Потом он огляделся вокруг зорким взглядом и вдруг закричал на Альку Дешеулину:

— Что же ты, голова три уха, роешь не там, где нужно? Соображение у тебя есть? Для чего я делал разбивку в шахматном порядке?

— Там, где вы наметили, не копнёшь! — пожаловалась Алька.

Люди были заняты делом, а я стоял на отшибе, потому что все лопаты уже разобрали. Вдобавок я чуть не налетел на носилки. Их несла моя мать в паре с управдомом. Дядя Лев высокий, а мать низенькая. Носилки у них перекосились, а тут я их толкнул — земля посыпалась матери на ноги. Я предложил ей помочь, а она только посмотрела на меня строго и сказала:

— Ты молоко выпил?

Кажется, что особенного? Утром перед уходом в школу мать всегда меня об этом спрашивает, но сегодня этот вопрос меня очень расстроил. Ведь если бы я не проспал, то она сейчас спросила бы: «Ты не устал?» — или ещё что-нибудь в этом роде, а я бы удив-

лённо посмотрел, или пожал плечами, или бы показал ей на мои бицепсы: дескать, с такими мускулами трудно устать!

Мне нестерпимо захотелось сделать что-то такое, чему бы все удивились. Тут меня осенило! Я выхватил у Альки Дешеулиной лопату и сказал:

— Что ты, точно курица, землю клюёшь? Так до самого вечера прокопаешься! Вот смотри, как нужно работать!

Я взмахнул лопатой, но... лезвие звякнуло и упёрлось во что-то твёрдое! Девчонки вокруг противно захихикали. Тогда я поднатужился, размахнулся, но... лопата только заскрежетала. Земля здесь была очень каменистая.

— Хватит выхваляться, отдавай лопату! — закричала Алька. — Поменьше бы спал, тогда и тебе лопата досталась бы.

— Кто, я спал? Да если ты хочешь знать, я всю ночь не сомкнул глаз — писал летопись и предугадывал события.

Я сам понимал, что не в меру расхвастался, но уже не мог удержаться.

— Как же вы предугадывали события? — спросила меня незнакомая девчонка, которую все называли Лялей, — от избытка почтения она перешла со мной на «вы».

— Например, предугадал, что день сегодня будет особенно солнечный. Я так прямо и написал: «В это утро солнце светило особенно ярко...»

— Правда? Неужели угадали?

От удивления девчонки даже копать перестали. Только Алька Дешеулина все ещё сомневалась и, забросив косицы за спину — она всегда их так забрасывает, когда задаётся, — сказала:

— Ну, про солнце-то и радио могло сообщить.

— Нет,— возразила Ляля,— вчера вечером сказали только, что дождя не будет, а про солнце ничего не ска-
зали.

Теперь даже Алька Дешеулина присмирела.

— Устали, девочки! Тогда передайте лопаты дру-
гим! — Ира посмотрела на меня внимательнее, улыбну-
лась.— Это тот самый мальчик, что силу свою показы-
вал? — Она похлопала меня по плечу и крикнула тем,
кто сидел на крыльце: — Ребята, а ребята! Идите сюда
на смену!

— Нет, мы не устали! — запротестовали девчонки. —
Мы только на минутку остановились, чтобы послушать
Алика. Он вчера уже предугадал, что сегодня будет.

— Неужели? — лукаво спросила Ира.— А как ты
предугадываешь? По руке или на картах?

Алька схватилась за живот, будто уж ей больно
смешно.

— Алечка-гадалочка, погадай, ручку позолочу! —
закричала она на весь двор.

Я напустил на себя равнодушный вид и ушёл в
другой конец двора, чтобы Алька Дешеулина поскорее
забыла про меня и про ту новую дразнилку, которую
она придумала. Ещё прилепит ко мне эту разнесчаст-
ную дразнилку, потом не избавишься!

ГЛАВА 31

Я СМОТРЮ В БУДУЩЕЕ

Я так расстроился, что решил уйти домой, но вспо-
мнил про летопись и остался: ведь летопись из пальца
не высосешь!

Вдруг потянуло холодком. Солнце уползло за тол-
стое трёхэтажное облако: внизу облако было чёрное,

посере́дке серое, а сверху белое и пухлое, словно выпирающее из квашни тесто.

— Как бы нас, друзья, дождик не разогнал! — покачал головой дядя Терентий. — А у нас ещё болтушка не готова. Без болтушки саженцы что дети малые без молока.

И он принялся стряпать эту самую болтушку — мешать в яме глину вместе с навозом. Оказывается, прежде чем саженцы сажать, нужно окунуть их корни в болтушку, чтобы они ожили. Мы помогли дяде Терентию готовить «обед» для саженцев. Ёжик притащил из сарая деревянную лопату, и все ребята по очереди мешали болтушку до тех пор, пока она не стала как сметана, только чёрная.

— Дядя Терентий, дайте мне какое-нибудь самое ответственное задание, — попросил я, — чтобы я был в самой гуще!

— Где? — переспросил дядя Терентий.

— В гуще событий, — повторил я. — Мне поручили написать статью про воскресник, а для этого надо быть в самой гуще.

— Понятно! — покачал головой дядя Терентий и расправил свою пышную бармалейскую бороду. — Тогда отправляйся собирать камни и щебень.

Я сначала возмутился: разве это гуща — камни собирать? Но пока я раздумывал, дядя Терентий бросился к Изе, которая засыпала в яме саженец.

— Корни-то! Корни! — жалобно закричал он.

— Не беспокойтесь, мы их обмакнули в болтушку, — прощebetала Иза.

— Я не про то! — с досадой перебил её дядя Терентий. — Вытаскивай деревце, выгребай землю назад, будем сажать заново.

Узловатыми пальцами дядя Терентий обхватил тон-

кий бордовый саженец вишни и легонько потянул его вверх. Деревце вытащилося легко.

— Видишь, что сделала? — воскликнул дядя Терентий, отряхивая налипшую на корнях землю. — Я же объяснял — надо корешки расправить. А ты окунула их в болтушку и сунула в землю комом. Смотри, как надо.

Дядя Терентий расправил грязные корешки саженца в разные стороны, присыпал их сверху землёй и начал ногой утрамбовывать рыхлую землю.

— А они так не раздавятся? — опасливо спросила Иза.

— Ничего не случится до самой смерти! — И дядя Терентий ещё сильнее придавил землю. — Надо, чтобы корни плотно сидели в земле, так им легче добывать пропитание.

— Я всё знала, только забыла, — пробормотала Иза.

Стал я таскать камни, как советовал дядя Терентий.

«Ничего, — утешал я себя, — одним пальчиком сейчас выполню это детское поручение, а потом возьмусь за что-нибудь получше».

Я думал, что быстро закончу эту работу, но камней и обломков кирпичей в нашем саду оказалось видимо-невидимо. То и дело меня окликали:

— Алик, забери-ка булыжники, чтоб они под ногами не мешались!

— Алик, собери щебёнку, тут её полным-полно!

Я метался по саду как угорелый. Таскать в руках можно было только крупные камни, а для щебня я приспособил мамино ведро. Дело пошло на лад: куча камней в углу сада росла на глазах.

Димке я заранее отвёл в моей будущей статье самое последнее место: он не столько работал, сколько смотрел сквозь тёмные очки.

— Алик, хочешь, я дам тебе посмотреть, каким будет наш сад? — сказал он мне.

Но у меня не было ни времени, ни желания смотреть в его очки.

— Очень мне нужны твои очки! Я и без них прекрасно вижу, каким он будет!

Между прочим, я не зря это сказал. Я всё время смотрел на дядю Терентия и с его слов ясно представлял себе наш будущий сад.

— Отступите-ка ещё, ещё на два шага! — говорил он Изе и Альке, которые рыхлили землю под малину. — Ведь здесь забор будет! Он не даст малине разрастись, а этот сорт любит простор и солнце. Лоза будет такая кустистая — вас с головой скроет!

И я, по словам дяди Терентия, сразу представил себе будущую малину.

А через минуту его голос донёсся с другого конца сада:

— Отойдите подальше! Груша тесноты не терпит, она вширь раздаётся... Клубнику посадим сюда, под яблоньки. Ничего, они прекрасно уживутся! Пока саженьцы наберут силу, клубнике солнца хватит. Ну и клубника будет! Ананасная!

Удивительный человек дядя Терентий! О деревьях и ягодах рассказывает, как о живых людях! У них, оказывается, тоже есть свои привычки и даже капризы.

Дядя Терентий так говорил, будто вокруг него уже выросли деревья — высокие, тенистые. И ветки у них сгибались под тяжестью плодов.

Вдруг неизвестно откуда — не то с неба, затянутого чёрными тучами, не то из-под земли — раздался отчаянный, хватающий за сердце звук: «А-а-а!»

— Господи, что же это такое? — воскликнула моя мать.

А тётя Катя схватилась за сердце и, конечно, первым долгом закричала: «Василёк, Василёк, где ты?», хотя Василёк, здоров-здоровёхонек, стоял у неё за спиной.

Взрослые всполошились, забегали по саду, стали заглядывать в ямы для саженцев — уж не провалился ли кто в них? Все начали высказывать свои соображения. Тётя Катя заявила, что это на соседнем дворе дают дёру какому-то сорванцу и что, дескать, так ему и надо — будет наперёд мать слушаться. Дядя Лев сказал, что где-то в другом дворе поймали вора и, значит, нам нечего беспокоиться, а тётя Маша убитым голосом прошептала, что наверняка кого-то ранило.

Вдруг из одного подъезда вынырнул бледный дядя Терентий — и когда он успел туда нырнуть? — и строгим голосом сказал дяде Льву:

— Товарищ управдом, где у вас глаза? В вашем подвале не то режут кого, не то убивают!

— Вы что-то путаете, гражданин! — обиделся дядя Лев. — В подвале — домоуправление, там пусто. Я ещё с вечера проверил.

Но его уже никто не слушал — все бросились в подъезд, а я первый: летописец всегда должен быть впереди.

Дядя Терентий говорил правду — из подвала действительно неслись дикие крики:

— Спасите! Откройте! Спаси-и-ите!

Я съехал по перилам в подвал и всё понял! Старый, вместительный шкаф ходуном ходил, а сквозь стекло в верхней части дверцы, запертой на задвижку, как сквозь иллюминатор космического корабля, выглядывало зарёванное лицо Михея. Нашёл время тренироваться!

Димка поспешно выдернул палку из задвижки и вы-

пустил космонавта на волю. Одетый в старое пальто, в шубу и валенки, он вывалился оттуда, как куль с мукой.

— Что ты надрываешься? Или тебе воды не хватило? — набросился Димка на Михея. — Я же тебе целую бутылку сидро с соской дал!

— И тюбик с селёдочной пастой! — напомнил Санька.

Михей был так напуган, будто его в шкафу искусала бешеная собака. Противсгаз он, видимо, сбросил ещё в полёте, а теперь с необыкновенной быстротой стаскивал с себя одежду.

— Она мне под шубу забралась!

— Кто?

— Мышь! Под рубашкой шевелится! Ой! — не своим голосом верещал Михей.

— И вправду вон мышь! — с деланным испугом крикнул Алёшка и лукаво подмигнул нам. — Она у тебя из-за ворота выглядывает!

Михей издал пронзительный визг, похожий на свисток паровоза, и в мгновение ока сбросил с себя последнюю рубашку.

Тем временем в подвал набилось народу — не продохнёшь! Дядя Лев, ни слова не говоря, схватил Михея за плечи и так потряхнул, словно хотел из него душу вытрясти. Тётя Маша, как всегда, начала жаловаться на то, какие нынче пошли непослушные дети, а тётя Катя назвала Михея «порядочным оболтусом» и заявила, что на месте его матери задала бы ему «приличную трёпку».

Вдруг сквозь толпу пробился дядя Терентий и сказал:

— Товарищи родители, что вы накинудись на бедного мальчика? Его кто-то запер, и его же вы ругаете. По-

моему, надо ругать тех, кто его загнал в этот шкаф!

— Это они заперли,— с готовностью выпалил Василёк,— я сам видел: Димка и Санька...

Димка и Санька попытались нырнуть в толпу, но тётя Катя схватила-таки Саньку и задала ему ту самую «приличную трёпку», которую сулила Михею.

Михей долго ещё не мог успокоиться, а я ему сказал:

— Эх ты, горе-космонавт! Посидел полденёчка в герметической камере и уже скис!

— Ничего не скис! — огрызнулся Михей.— Я не виноват, что мышей боюсь. Это у меня от природы! И нечего было меня с мышами сажать. Никого из космонавтов на мышей не тренировали, я точно знаю. Мышей всегда в других ракетах пускают, отдельно от людей, их только с кошками и с бактериями запускают в космос. Если бы не мыши, я бы в этой кабине хоть год просидел и не покинул бы!

— Товарищи! — крикнул дядя Терентий.— Работа не ждёт!

И опять все повалили наверх. Я, как и полагается летописцу, выскочил из подъезда первым.

Вдруг тяжёлая холодная капля шлёпнулась мне на нос. Я поднял голову: туча стояла уже над самой головой и походила теперь не на слоёный пирожок, а на гигантское ватное одеяло чёрного цвета. Казалось, от собственной тяжести оно вот-вот рухнет на землю. Мне даже почудилось, что край этого одеяла уже зацепился за верхушку тополя. Подул холодный ветер и бросил мне под ноги охапку пёстрой увядшей листвы.

— На террасу! — крикнул дядя Терентий, и все бросились к крыльцу.

Хлынул частый дождь, вокруг стало темно, будто наступил вечер. Василёк скакал на одной ноге и в восторге кричал:

Дождик, дождик, пуще,
Я прибавлю гущи...

— Чего ты кричишь? — одёрнул его Санька. — Вот размоет всю нашу работу, что тогда будешь петь?

Василёк на секунду примолк, а потом запел на другой лад:

Дождик, дождик, тише,
Не долби по крыше!
Накормлю пирожком,
Напою кофейком,
Только будь потише,
Не долби по крыше!

Скоро разноцветная радуга, зацепившись одним концом за высокий тополь, перекинулась на другой край неба. Василёк перевёл дух, будто выполнил трудную работу, и сказал:

— Ну вот, теперь уж он перестанет! Можно опять приниматься за дело!

И правда. Умытое небо улыбалось. Солнце вышло из-за тучи, и она стала розовой. А дождь ещё шёл. Всё вокруг сияло, словно с неба спустились тысячи стеклянных бус.

— После такого дождя грибы пойдут, — сказала тётя Катя, не выпуская из своей руки руку Василька — он так и рвался на улицу побегать по лужам.

— И не только грибы. Наши саженцы тоже дождик любят! — добавил дядя Терентий. — На будущий год раскудрявится сад. Любо-дорого будет смотреть! Только чур: следить надо за саженцами, ухаживать, как за детьми малыми.

Дядя Терентий поднял Василька на руки, посадил на подоконник и сказал:

— А ну-ка, давайте посмотрим в будущее.

— Неужели в будущее можно смотреть, как в телевизор? — удивился Василёк.

Мне тоже хотелось посмотреть в будущее своими глазами, ведь я летописец. Но окно загородили спины жильцов, и мне долгое время не удавалось протиснуться вперёд. Потом я пригнулся пониже и пролез между тётей Катей и дядей Терентием к самому подоконнику. Моим глазам открылась удивительная красота!

Солнце после дождя стало ближе к земле. Туча, как трусливая гусеница, уползала за горизонт. Тополь, весь серебряный, стряхивал с веток дождевую пыль.

На террасе собралось немало народу. Было тесно — яблоку негде упасть. Все с удовольствием слушали, каким будет наш сад через несколько лет. Казалось, дядя Терентий говорит сказку: уж очень странно было смотреть на ямы с дождевой водой и представлять на их месте яблони, груши и вишни.

А потом я взглянул на нашу улицу. Я чуть прищурил глаза и мысленно заглянул в будущее...

Вот я иду по ней из школы. Солнце палит нещадно, но тополи бросают густую тень, и мне даже прохладно. И сам я стал высокий, сильный, как молодой тополь, потому что уже закончил десятый класс и вообще превратился в мужчину... Навстречу мне идёт стройная девушка с голубыми глазами, толстыми косами и веснушками, которые к ней очень идут.

«Скажите, пожалуйста,— говорит она,— что это за улица? По-моему, я жила здесь лет семь назад, но, может быть, я ошиблась?»

«Нет, вы не ошиблись!» — говорю я.

«Не может быть! — удивляется Дуся. (Эта девушка и есть Дуся! Я сразу узнал её, а она меня — нет, потому что я очень возмужал, раздался в плечах и стал на целую голову выше её.) — Не может быть! — повторяет Дуся.— Ведь раньше не было этой тенистой аллеи и этого уютного сквера...»

«Их высадили наши ребята», — говорю я, но про себя умалчиваю.

«И вы, конечно?» — догадывается Дуся и уважительно смотрит на меня.

Я скромно киваю головой.

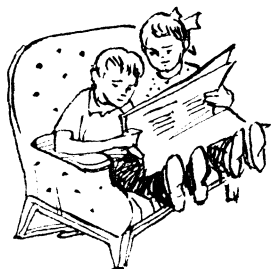
Потом я веду её в наш сад, угощаю яблоками и грушами, из которых так и брызжет ароматный сок. (Если она придет весной, я поднесу ей букет сирени или черёмухи.)

Потом я схожу за толстым альбомом с надписью «Летопись нашего двора», где описаны все события, которые произошли на нашем дворе, и все трудовые и другие подвиги, которые совершили жильцы нашего дома. Дуся залпом прочитает летопись от корки до корки и конечно по нескольку раз перечитает те места, где описана её коза и скупно обрисованы мои собственные подвиги. А потом...

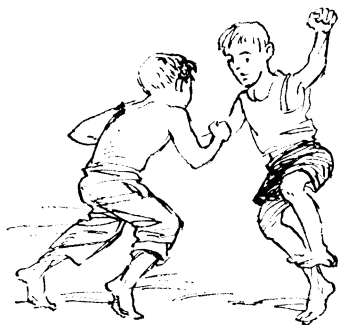
Тут я спохватился и оглянулся кругом: уж не прочитал ли кто тайные мысли на моём лице?

Но я вижу, что все слушают дядю Терентия и тоже смотрят в будущее. Конечно, у всех оно разное.

Димка смотрит куда-то вдаль, и лицо у него как у победителя, — наверно, восбражает себя на сцене. Петька Ёжик сосредоточен: быть может, он рассчитывает скорость полёта будущего космического корабля собственной конструкции. А Михей запрокинул голову и смотрит вдаль. Я проследил за его взглядом — высоко-высоко в небе блеснул крылом самолёт и растворился в солнечном свете.

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

В воскресенье после завтрака Егоркин отец, как всегда, посадил сына на одно колено, а дочь — на другое, и когда они вдосталь напрыгались на них, как на конях, загадочно сказал:

— Ну а теперь угадайте, куда мы сегодня пойдём.

— В зоопарк? — спросила Юлька, заикаясь от волнения.

— Осечка!

— В кино! — выкрикнул Егор. — На «Мальчиша-Кибальчиша»!

— Опять осечка! — засмеялся отец. — «Мальчиша-Кибальчиша» мы в прошлое воскресенье смотрели.

И ещё в позапрошлом. Ты это кино, наверно, уже наизусть заучил.

Егор и правда знал каждый шаг, каждое слово Кибальчиша, но мог смотреть этот фильм без конца. Когда толстые и трусливые буржуины в страхе разбежались в стороны от храброго Мальчиша, у Егора началось сладко щекотать в горле, и он в восторге хлопал в ладоши.

— В лес по ягоды! — заявила Юлька-сластёна.

— Нет, на моторке кататься! — перебил Егор.

— Хватит тебе ребят томить, — сказала мать, причёсываясь перед зеркалом, — а то приедем позже всех. Собирайтесь, ребята, на завод. На митинг.

Егор взвизгнул от счастья и заспешил во двор — хвастаться перед ребятами.

На крылечке белобрысые братья Ромка и Сёмка кухонными ножами выстругивали из фанеры наган, как у Егора. Да только всё равно не такой, хоть они и очень старались, потому что Егорке выстругал отец из берёзового полена, и даже дуло высверлил! А кобура была настоящая, кожаная, изрядно потёртая. Она Егору ещё от дедушки в наследство досталась, с революции сохранилась.

— Я на завод с отцом пойду! На митинг! Вот! — выпалил Егор.

— На какой такой митинг? — Ромка отложил фанеру и вытер пот со лба.

— Какой такой — жилёный да костяной! — передразнил Егор. — Много будешь знать — скоро состариться.

На самом деле Егор хитрил: он и сам не знал, что такое митинг, но показывать своё незнание перед ребятами не хотелось — как-никак Егор уже школьник, а братья только осенью в первый класс пойдут.

На счастье, мать позвала Егора домой переодеваться и тем выручила из трудного положения. Юлька была уже готова. Она стояла у двери, разодетая, как кукла, с мокрой, тщательно причёсанной чёлкой и смотрела на брата свысока. Егор не удержался и толкнул её в бок. Юлька — в рёв. Уж лучше бы не связываться. Только подзатыльник от матери схлопотал! А потом пришлось идти в ванную мыться с мылом и расчёсывать непослушные вихры. Напрасное дело! Их сколько ни прилизывай, тут же встают, как ваньки-встаньки.

Наконец собрались все четверо и отправились на завод. Ромка и Сёмка проводили их до самых ворот и долго смотрели вслед — завидовали. И пока они смотрели, Егор фасонил — шёл от родителей на отшибе, засунув руки в карманы длинных, настоящих мужских брюк. Мать увидела — пригрозила отослать домой. Но Егор и сам вынул руки из карманов, потому что братья вернулись во двор. Юлька всю дорогу сидела на руках у отца, улыбалась прохожим, и высохшая чёлка от движения пушком подпрыгивала на лбу.

Егор хотел спросить у отца, что это за митинг будет на заводе, да гордость не позволила: мать отшлёпала его, как маленького, а отец даже не вступился. Они всегда заодно! Вот Егор и дулся — молчал, пока не дошли до завода.

А когда дошли, то тут уж стало не до расспросов. Тут уж только смотри по сторонам, не прозевай чего — столько вокруг интересного. На заводском дворе собралась огромная толпа. Сначала Егор ничего не видел, только ноги мелькали перед глазами да ещё хорошо, по-праздничному отутюженные брюки и юбки. В общем, ничего стоящего. Но не проситься же восьмилетнему парню к отцу на плечо! Стыда не оберёшься. И Егор терпел.

Только когда Юлька начала вертеться на руках у отца, как флюгер, и задавать всякие необыкновенные вопросы, Егор не выдержал, дернул отца за полу пиджака и потихоньку заныл:

— Пап, а пап, мне ничего не видно!

Тогда отец, не говоря ни слова, нагнулся, вскинул Егора на плечо и поставил на приступку чугунного столба — куда выше Юльки.

Егор обернулся и застеснялся — все люди смотрели на него. Оглядел себя — вроде пуговицы на месте, всё застёгнуто. Хотел уж попроситься на землю, но посмотрел вперёд — а там только затылки, косынки да соломенные шляпы! Тут Егор понял, что люди смотрят вовсе не на него, а на трибуну.

На трибуне говорил речь худой и жилистый дед Максим, который когда-то учил Егоркиного отца варить сталь и теперь часто приходил в гости. Лицо у него морщинистое и коричневое, как высохший гриб.

— Долой агрессоров из Вьетнама! — тоненьким от волнения голосом кричал дед Максим. — Дорогие далёкие братья, мы с вами! Да здравствует интернационализм!

И все вокруг тоже закричали это длинное слово. И отец закричал, и мать. И это же слово было написано толстыми белыми буквами на красных плакатах, развешанных по стенам. Егор даже не сразу прочитал его — такое оно было длинное.

— Пап, а что это такое — интернационализм? — спросил Егор.

Но тут толпа качнулась, потекла, поредела. Митинг кончился. Дед Максим подошёл к отцу, поздоровался за руку. Потом прищурил один глаз, а другим будто взял Егора на прицел.

— Как растёт молодое поколение?

— Помаленьку растёт,— ответил отец,— вот интересуется, что такое интернационализм.

— А вот я им сейчас быстро растолкую.— Дед Максим хитренько подмигнул Егору, словно тот уже всё заранее знал, и сказал: — Дай-ка мне твою рабочую руку, Егор, и представь на минутку, будто ты негр, вьетнамец, араб или еще какой-нибудь другой народ представляешь.

Дед Максим переплёл свои пальцы с Егоркиными, так что получился большой общий кулак, и крикнул:

— Мир, дружба, помощь! Вот это и есть интернационализм! Расти, Егор, быстрее! Вон что угнетатели удумали — свободу у народа отнять! Да не выйдет — не даст мировой рабочий класс простых людей в обиду. Верно, Егор?

— Верно, верно! Мы всех проклятых буржуинов разгромим, как Мальчиш-Кибальчиш! — согласился Егор.

— Завидую я тебе, Егор,— вздохнул дед Максим,— вот стоишь ты на этом столбе, и никто тебя пальцем не тронет. Потому как ты здесь хозяин. Твой дед здесь трудился, отец работает, и ты подрастёшь, придёшь к нему на смену. А меня в революцию полицейский с этого столба нагайкой ссадил, не посмотрел, что мальчонка.

— А за что? — замирая от интереса, спросил Егор.

— За то, что с отцом на забастовку пришёл. За то, что «Интернационал» пел.

— Неужели это тот самый столб? — поразился Егор.

— Может, не тот, а может, и тот. Разве упомнишь. Шесть десятков с тех пор минуло.

Тут отец подставил Егору плечо и спустил его на землю, хотя сыну и не очень хотелось покидать такой знаменитый столб, выдавший ещё революцию. Да что

поделаешь — Юлька заснула на плече у отца, и её надо было нести домой.

Егор шагал между дедом Максимом и отцом, на плече у которого мирно посапывала Юлька.

— А ты возмужал, Егор, — сказал дед Максим, — в прошлый год был мне едва по плечо, а теперь эвон как вымахал!

— Совсем самостоятельный парень! — подхватила мать. — Такой заботливый да хозяйственный, не то что другие — «ручки в брючки». Вот с завтрашнего дня в Юлином детсадике карантин. Если бы не сын, что бы мы делали? А за Егорушкой мы как за каменной стеной: и в доме порядок, и за сестрой пригляд. Одно слово — помощник!

Егор важно вышагивал и сопел от удовольствия. Руки у него, конечно, сами собой опять оказались в карманах. И на этот раз никто, даже мать его не одёрнула — как-никак самостоятельный человек!

Потом начался самый главный и серьёзный разговор — о заводе.

Дед Максим из-за старости уже давно не работал, только на собрания ходил, но всегда придирчиво, как учитель на уроке, расспрашивал Егоркиного отца о делах. И отец отвечал подробно и обстоятельно. Если ответ нравился, дед Максим хмурился, а если нет — улыбался. Такой уж он был человек — все у него наоборот. Только улыбался кисло, любому человеку от такой улыбки становилось грустно.

Сейчас дед Максим хмурился.

— Вижу, вижу, хорошо у тебя дела идут, Павел, — похвалил он отца. — Сталь варить — не чай заваривать. Не всякому это искусство в руки даётся.

— Спасибо на добром слове, — поблагодарил отец. — Сталь везде нужна. Из неё и пушки делают, и космиче-

ские корабли, и каркасы домов. Очень нужный человек на земле — сталевар.

И Егор, как и дед Максим, кивнул головой: что и говорить, сталевар — самый нужный человек на свете!

Замечательный сон приснился Егору. Будто Егор — это сам Мальчиш-Кибальчиш. И будто Егор-Мальчиш стоит на высокой трибуне и произносит вдохновенную речь, а вокруг трибуны — видимо-невидимо мальчишей.

— Эй вы, мальчиши со всего света! — говорит он. — Или нам, мальчишам, только в палки играть да в скакалки скакать? Или мы не знаем, что такое интернационализм?

— Знаем, знаем! — закричали мальчиши со всего света. — Это мир и дружба всех хороших людей на земле!

— Так неужели мы, мальчиши, дадим Вьетнам в обиду?

— Не дадим, не дадим!

Мальчиши сплели руки — получился громадный кулачище. Тут из-под трибуны выскочил проклятый буржуин, увидел грозный кулак и в страхе бросился в своё буржуинство.

— Не уйдёшь! Руки прочь от Вьетнама! — закричал Егор.

Мальчиши кинулись ему наперерез, но тут проклятый буржуин мяукнул и превратился в котёнка Ваську.

Васька сидел на подушке и с превеликим интересом вылавливал солнечного зайчика из волос Егорки.

— Брысь! — сказал проснувшийся Егор и спихнул котёнка на пол, а потом опять уткнулся в подушку — замечательный сон досматривать. Да разве дадут досмотреть?

— Егоо-о-орка! — заняла Юлька в своей кровати. — Я есть хочу!

— Ну и ешь, молоко и хлеб на столе, — проворчал Егор. — Навязалась на мою голову! Дай человеку сон досмотреть! Вот отведу в детсад, будешь тогда знать!

Вместо ответа Юлька так заревела, что у Егора даже в ушах зазвенело.

— Перестань, а не то залпу на замок! — пригрозил Егор.

Юлька сразу притихла, а Егор опять нырнул под одеяло.

Хотя бы еще одним глазком себя Мальчишем-Кибальчишем увидеть! И дело вроде пошло на лад. Но тут под боком зашевелилось что-то холодное и мокрое, как лягушка.

— Васька, брысь! — не открывая глаз, шуганул Егор котенка.

— Это я, а не Васька, я уже молока напилась, — сказала Юлька. — Давай вместе с тобой сон смотреть, а то больно хитренький: сам смотришь, а другим не даёшь. Мне скучно!

— Кто же сон вместе смотрит? — рассердился Егор. — Это тебе не кино!

Прощай, прекрасный сон! Хочешь не хочешь, а вставай! А тут ещё Юлька пристала: расскажи да расскажи свой сон. Пришлось рассказать. Юлька слушала затаив дыхание.

Вдруг в дверь постучали. Юлька прижала палец к губам и сделала страшные глаза:

— Сиди тихо, это, наверно, проклятый буржуин!

Но это оказалась тётя Таня — почтальонша, хорошая мамина знакомая.

— Эй, хозяйева, принимайте почту!.. Так это ты,

Егорка, сегодня хозяйствуешь? — спросила тётя Таня, когда Егор открыл дверь. — Небось трудно?

— Ему меня на голову навязали, вот ему и трудно, — вздохнула Юлька.

— Ничего не трудно, — возразил Егор, — мама говорила, я человек самостоятельный.

— А сестру покормил?

— Я уже сама покормилась, — похвасталась Юлька, — я тоже самостоятельная.

— Ну тогда хозяйствуйте на здоровье, самостоятельные люди! — засмеялась тётя Таня и похлопала рукой по своей толстой кожаной сумке. — А мне идти дальше.

И тётя Таня отправилась разносить письма, а Егор сел за стол завтракать. Он развернул свою конфету — ну, конечно, Юлька-сластёна и его конфету обсосала, а потом опять завернула, как будто так и было.

— Юлька, ты зачем мою конфету обсосала?

— Я не обсасывала! Ее, такую обсосанную, в магазине делают! А если тебе такая обсосанная не нравится, то давай я её сама съем, а ты возьми себе другую из пакета, который мама в буфете на верхней полке прячет.

Ну что с ней делать? Отшлёпать? Рёву не оберёшься. Надо воспитывать.

— Избаловали тебя, Юлька. А я тебя баловать не буду. Бери тряпку и убирай со стола.

— Мне некогда, я газету читаю.

Юлька забралась с ногами на отцовское кресло, закрылась газетой и бормотать начала, будто и вправду читает. Егору даже смешно стало.

— Не притворяйся, кто же газету вверх ногами читает?

— А я не читаю, а картинку про митинг смотрю, —

возразила Юлька, но газету всё-таки перевернула.— Тебя тут тоже нарисовали.

Егор сразу забыл и про конфету и про воспитание и стал вместе с Юлькой фотографию рассматривать.

На фотографии, как вчера на митинге, было много народу. Люди поднимали на плечи детей, махали руками и слушали какого-то человека, который говорил с трибуны. Сверху крупными буквами было написано: «Вон из Вьетнама! Позор агрессорам!». И чуть ниже: «Митинг на ордена Ленина шинном заводе».

Подивился Егор: выходит, не только на заводе у отца были такие митинги. Сколько же людей против войны!

— А вот и ты! — Юлька показала на тумбу с цветочной вазой, на краю которой, держась за плечо отца, стоял какой-то мальчишка и махал рукой.

Но это был не он. Егор расстроился — очень ему хотелось увидеть себя в газете — и, как это иногда, к сожалению, бывает, выместил обиду на сестре.

— Вечно ты выдумываешь! Во-первых, я стоял вовсе не на цветочной клумбе, а на приступочке знаменитого столба, на который ещё во время революции дедушка Максим залез. Во-вторых, я за папу не цеплялся, как этот трусишка. И нечего газету мять, если ничего не понимаешь!

— Я уже картинки понимаю. И считать до пяти умею,— защищалась Юлька.

— Сейчас же убирай посуду! — прикрикнул Егор.

Юлька жалостно шмыгнула носом, но возражать не стала, надела фартук и принялась за уборку. А Егор принялся за газету. Газета была свежая и пахла краской, как в хозяйственном магазине. Большая, в три листа. Самая главная, самая правдивая газета на свете. Называлась она «Правдой».

Отец читал «Правду» по вечерам после работы, даже если был сильно усталым. От него Егор давно узнал, где про что в этой газете написано. На первых страницах — про самое интересное и важное в Советском Союзе, а на последних — про то, как живут разные народы в других странах и как они с буржуями за свободу воюют.

Сегодня в «Правде» была фотография, на которой расстреливали вьетнамцев.

Посмотрел Егор на эту фотографию и совсем расстроился.

— Вот видишь, проклятые буржуины народ угнетают, а я тут сиди с тобой, няньчись! — сказал он Юльке. — Разнесчастная моя судьба! Если б не ты, я бы этим буржуям показал, как народ угнетать!

Цззинь-тррах!

Это любимая Егоркина чашка с земляничкой на боку упала из Юлькиных рук и разбилась! Лопнуло у Егора терпение — отшлёпал он сестру да ещё в угол поставил. Пришлось самому убрать со стола.

Сначала Юлька ревела, потом хныкала, а потом просто заныла. Глаза скоро высохли, но она всё ещё гудела, как осенняя муха на окне. Просто держала фасон — замолчи, брат сразу подумает, что ей не больно и не обидно. Но нельзя же ныть до прихода матери? И Юлька наконец замолчала. Молчать было тоже трудно да и скучно.

— Егорка, а что это такое — «буржуины народ угнетают»?

— Ну это когда богатые и злые люди — буржуины — обижают бедных и хороших людей — народ.

— Как ты меня?

Кажется, впервые Егор посочувствовал своим родителям: всё-таки очень трудно детей воспитывать!

— Я тебя не обидел, а наказал. Если ты все чашки перебьёшь, так из чего мы будем чай пить?

— Я только одну перебила. Это, мама говорит, к счастью!

— К какому такому счастью?

— К твоему. Я вот какое счастье придумала. Ты пойдёшь во Вьетнам и меня с собой возмёшь. Я буду санитаркой. У меня даже повязка с красным крестом есть. Ты будешь буржуинов стрелять, а я раненых перевязывать.

Это была, действительно, счастливая мысль, и над ней стоило подумать. Только сначала надо было испытать, выдержит ли Юлька на войне.

— А ты реветь на войне не будешь?

— Не буду.

— А меня слушаться?

— Буду.

— Дай клятву!

Клятву Егор придумал длинную и торжественную. И кончалась она очень для Юльки страшно: «А если я не выполню обещания, то пусть меня съедят волки!» Но Юлька и эти слова храбро повторила вслед за братом.

Принялись за сборы. Первым делом Егор повесил через плечо на ремне настоящую кобуру с деревянным наганом. Для начала и он сгодится, а потом на войне командир выдаст ему настоящее оружие — винтовку или даже пулемет.

Путь предстоял долгий, поэтому надо было запастись продовольствием. Из сундука вынули зеленый, пахнущий нафталином вещевой солдатский мешок, в него положили лук, пряники и банку консервов — всё, что нашли в доме. Запретные конфеты из буфета Егор долго не соглашался брать, но Юлька его убедила: надо

же было привезти подарки вьетнамским ребятам! Да и раненные от конфет не откажутся.

Взяли и конфеты.

Юлька хотела обуть мамины туфли на высоких каблуках, чтоб казаться повзрослее, но Егор запретил: на высоких каблуках ходят только в театр, а не на войну. Юлька и без каблуков выглядела настоящей санитаркой: на руке — повязка с красным крестом, на голове — косынка, тоже с красным крестом. И даже на белой матерчатой сумочке, которую Юлька повесила через плечо на ленте, тоже был нашит красный крест. Из домашней аптечки достали йод, вату, бинт и таблетки пенициллина. Егор таблетки забраковал: на войне лечат только от ран, а не от какой-то несчастной простуды. Но Юлька твёрдо сказала, что раненные пьют и таблетки, чтобы не было температуры.

Взяли и таблетки и градусник. Не забыли и тёплые куртки — на случай холода, и плащи — на случай дождя.

Пока собирались, солнышко из одного окошка перебежало в другое. Егор разогрел суп и кашу, и они с Юлькой пообедали. Юлька морщилась и давилась — она не терпела каши и всегда из-за неё устраивала концерты за столом. Но это было в прошлом. А теперь они оба были солдатами и шли на войну, а на войне всегда едят похлебку и кашу. Это даже Юлька по телевизору не раз видела. И поэтому она съела всю кашу, до последней крупиночки. Даже ложку облизала.

Егор уж хотел ее похвалить, как вдруг заметил, что на белой сумочке быстро расплывается коричневое пятно.

— Смотри, йод разлила, разиня! — закричал Егор.

Но было уже поздно: пятно увеличилось, и вот уже от него побежала вниз по платью коричневая дорожка.

Пока расстёгивали кармашек и поднимали пузырёк, из него вытекла половина драгоценной жидкости. У Юльки заблестели глаза, но она всё-таки сдержалась и не заплакала.

— Ничего, не расстраивайся,— подбодрил её Егор,— этого добра на войне много, мы его и там раздобудем.

Наконец всё было готово. Ребята присели на дорогу и помолчали — так всегда делали отец с матерью, когда кто-нибудь из них надолго уезжал из дому.

Вдруг глаза у Юльки наполнились слезами.

— Егорка, а мама с папой так и не узнают, куда мы делись? Давай напишем письмо.

Дельный совет!

Егор вырвал из альбома для рисования большой лист и печатными буквами старательно вывел:

ДАРАГИЕ МАМА ПАПА МЫ УЕХАЛИ НА ВАЙНУ
НЕБЕСПОКОТЕС МЫ С ЮЛЕЙ ЛЮДИ САМАСТЯТЕЛЬНЫЯ
ХРАБРЫЕ

Любящие ЕГОР ЮЛЯ

Положив письмо на самое видное место посреди стола, Егор и Юлька вышли во двор.

Было жарко и тихо. Им навстречу из-под тенистого куста вынырнули братья Ромка и Сёмка и, как всегда, пристали с расспросами: куда да куда?

— На Кудыкину гору,— отмахнулся от них Егор. Но тут он вспомнил про родителей и поделился с ребятами тайной.

Братья, конечно, начали уговаривать, чтобы их тоже взяли на войну, но Егор отказал наотрез. Не для этого он открывал им свою тайну.

— Если мы с Юлькой долго не вернёмся,— сказал

он,— то вы будете нашим родителям помогать, как родные дети.

Ромка и Сёмка переглянулись.

— Что же, значит, у нас теперь два отца и две матери? И если что, все будут меня бить?

Сёмка не зря беспокоился — он любил задирать младших ребят, и ему за это частенько попадало.

— Не бойся, наши родители не дерутся,— успокоил Егор.

— А конфеты вам родители часто покупают? — поинтересовался Ромка.

— Каждый день.

— Мама конфеты на верхней полке в буфете прячет,— шёпотом выдала Юлька мамин секрет,— но она вовсе не жадная, просто боится, что у нас животы заболят.

— Пусть не боится,— успокоил Ромка,— у нас к сладкому животы привычные.

— Ну ладно, так и быть, позаботимся о ваших родителях,— решил Сёмка,— так и быть, не дадим их в обиду!

Братья проводили Егора и Юльку до ворот и долго с завистью смотрели им вслед.

За углом тихой улочки начинался шумный и людный проспект. По нему взад и вперед бежали машины, тренькали трамваи, гудели троллейбусы, сверкали на солнце спицами лёгкие велосипеды.

Было солнечно и весело, и ничто не напоминало войну.

— А куда же нам идти, чтобы на войну попасть? — спросила Юлька.

— Узнаем! Язык до Киева доведёт.

Егору вдруг показалось, что где-то поют военную песню. Сначала песня была тихая, как дуновение ве-

терка. Потом зазвучала громче и скоро заполнила всю улицу — даже треньканья трамваев и гудков машин не стало слышно.

...Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идёт война народная,
Священная война.

Мимо Егора и Юльки шагали солдаты со вскинутыми на плечо винтовками. Острые штыки сверкали на солнце. Впереди, четко печатая шаг, выступал командир с погонами. Лица у солдат были суровые, торжественные и строгие.

— Егорка, а Егорка,— шепнула Юлька,— давай спросим, куда они идут. Может, на войну?

— Куда же ещё? Ты что, не слышишь? С такой песней только на войну и ходят,— сказал Егор.— Давай так сделаем: я пойду позади колонны, а ты по тротуару. Санитарам в строй нельзя.

Но не тут-то было! Юлька была упрямая. Она сразу сообразила, что по тротуару шагать неинтересно. То ли дело в строю! Обыкновенные девчонки, которые идут по тротуару, будут на неё глазеть и завидовать: ведь она идёт на войну! А может, солдаты и мимо детского сада промаршируют. Посмотрит на неё воспитательница Галина Осиповна и пожалеет: «Ах, зачем я такую храбрую девочку вчера отругала за её грязные руки и за то, что она в тихий час не спит! Знала бы, так позволила бы ей садиться за стол с грязными руками и совсем не спать!»

И Юлька пристроилась рядом с братом. Егор поморщился, но спорить не стал: нельзя же разговаривать

и петь в одно и то же время! И без того трудно поспевать за солдатами — у них шаг широкий, размашистый, не то что у Егора — шагнет раз-другой, а потом вприпрыжку догоняет колонну. А тут ещё вещевого мешок по пояснице бьёт!

То и дело на них поглядывали с тротуара прохожие. Какая-то бабушка помахала рукой и что-то закричала, только за песней не разберёшь что.

Егор и Юлька уже совсем из сил выбились, когда солдаты перестали петь и раздалась команда:

— Взвод! Стой!

Солдаты остановились так резко, что Юлька чуть не ткнулась носом в чей-то котелок. Не успел Егор и глазом моргнуть, как колонна после команды офицера превратилась в длинную-длинную цепочку. В начале цепочки стояли высокие солдаты, а в конце — низкорослые.

Егор быстро сообразил, где его место, и пристроился рядом с последним, маленьким и худеньким солдатом.

— Ты чего тут хулиганишь? — устрашающе выкашивая глаза, сказал солдат-коротышка.

Но тут снова прокатилась команда:

— Направо ррав-ня-а-айсь! Смирно!..

Голова солдата-коротышки резко дёрнулась направо, и разговор сам собой прекратился. Егор тоже подравнялся, хотя ему пришлось равняться не на грудь впереди стоящих, а на живот. Впрочем, животы у солдат тоже хорошо равнялись.

— По порядку номеров ррррасчита-а-айсь! — прогремела новая команда.

— Первый... второй... десятый... восемнадцатый... тридцатый...

Все ближе и ближе голоса считающих. Вот очередь

и до Егора дошла. Набрал он полную грудь воздуха да как гаркнет:

— Тридцать седьмой!

Вроде хорошо, громко и солидно получилось. Но тут же слабенький голос Юльки рядом пискнул:

— Пять!

— Кто там последний — выйди вперед! — сердито крикнул командир.

И Юлька, высоко подняв голову, шагнула вперед. Секунду было тихо, а потом грянул такой смех, что сонные голуби, которые, переваливаясь с боку на бок, гуляли по площади, позабыли и про лень свою, и про жару и разом взлетели вверх. Командир, насупя брови, подошёл к Юльке и строго сказал:

— Ты зачем балуешь?

— Я не балую, я только до пяти считать умею.

— А зачем сюда встала?

— Ни за чем. Мы воевать идём.

Опять загрохотал смех, но командир быстро навёл порядок:

— Отставить смех! — И опять к Юльке: — Ты чья?

— Мамина и папина. И ещё Егоркина. Егорка, ты что прячешься? Испугался?

Пришлось Егору выйти из-за солдата-коротышки. Испугаться он не испугался, а просто понял, что командир попался сердитый и не возьмёт его с Юлькой. Если бы Егор был один, то давно бы убежал, а потом потихоньку крался вслед за колонной. И так дошёл бы до самой войны. А теперь надо выручать глупую Юльку!

Взгляд у командира стальной, осуждающий, от него у Егорки холодные мурашки по спине забегали.

— Кто же, Егор, без разрешения на войну ходит?

— А я не успел спросить разрешения — сначала вышли и пели, а потом строились.

— Война — дело взрослое, серьёзное. На войну только отцы да старшие братья ходят, а детям полагается учиться.

— Я знаю, только моему папе некогда воевать. Он стал варит для пушек, чтоб в буржуинов стрелять. А мама на швейной фабрике. Да вы не думайте, мы с Юлькой люди самостоятельные!

— Вольно! — сказал командир и распустил строй. Вокруг Егора и Юльки кольцом сомкнулась толпа. Солдаты хохочут, Егорку и Юльку тормозят, Егоркин пистолет разглядывают, Юлькину санитарную сумочку щупают. Вроде и командир подобрел, надо ещё раз попросить.

— Возьмите нас, дяденьки!

— Взять-то я бы вас взял, — сказал командир, — да вот беда какая: мы ещё учимся! Чтобы хорошо воевать, надо долго учиться. А сначала обычную детскую школу кончить. Вот такой у нас порядок. И нарушать его нельзя.

— А мы и не нарушим. До школы ещё целый месяц. Можно, я с вами за этот месяц воевать поучусь? — взмолился Егор.

Но командир опять посуровел.

— Нельзя, нельзя! Солдат Горелов, проводите детей до дому!

Солдат Горелов, тот самый коротышка, на которого равнялся Егор, вытянулся перед командиром и лихо отпартовал:

— Есть проводить до дому! — Потом взял Егора и Юльку за руки и повёл по тротуару. — Ну показывайте, баловники, где ваш дом!

Егор соорудил Юлке страшную мину: молчи, мол! — и сладеньким голосом попросил:

— Отпустите нас, дяденька Горелов, мы сами дойдём! Вон тот трёхэтажный и есть наш дом!

Но дяденька Горелов был солдат и точно выполнял распоряжение командира.

— Велено довести до дому — значит, доведу!

На площади опять раскатилось:

— В две шеренги становись! Смирно! Равнение на середину!

Забилось у Егора сердце: только бы солдат не вздумал довести до самой квартиры! Тогда обман сразу откроется. Но дяденька Горелов точно выполнил приказ: проводил ребят до ворот, погрозил для острастки пальцем и повернул обратно.

Егор с Юлькой зашли в чужой, незнакомый двор, постояли немного и, когда шаги солдата затихли, выглянули на улицу.

— Ну что ж мы теперь будем делать? — спросила Юлька. — Куда нас теперь твой язык поведёт?

Навстречу шла толстая-толстая тётенька. Не шла, а плыла. Медленно и неторопливо двигалась она посреди тротуара, как баржа по тихой реке. И такая она ласковая была на вид и добрая, что Юлька набралась духу и спросила:

— Тётенька, скажите, пожалуйста, как нам до Вьетнама добраться?

— Ах вы, мои миленькие! — заулыбалась тётенька. — Такие крошки — и живописью интересуются! Боже, какие развитые пошли дети! А что вы хотите? Двадцатый век! Век космоса, век атома, век великих открытий! Это необыкновенно! Наука, искусство и — дети! Это поистине восхитительно!

Тётенька говорила так, будто выступала с трибуны.

Было непонятно, кому она говорит — Егору или прохожим. Прохожие оглядывались, вежливо улыбались и спешили дальше — каждый по своим делам. Но, главное, было совсем непонятно, что она говорит.

— Двадцатый век, что вы хотите? — спросила тёленька Егора.

Почему тёленька назвала его двадцатым веком, Егор не понял. Пропустив это мимо ушей, он повторил Юлькин вопрос:

— Мы хотим узнать, тёленька, где...

— Понимаю, понимаю. А вы любите рисовать, дети?

— Любим, — вежливо ответила Юлька. — Только у меня люди, собаки и кошки почему-то всегда получают выше домов. А у Егорки самолёты похожи на стрекоз. И немножко на зайцев.

— Это восхитительно! — воскликнула тёленька. — Абстракция и — дети! Двадцатый век, что вы хотите?

— Его зовут Егор, а меня — Юля, — терпеливо объяснила Юлька. — И мы хотим узнать, как...

— Понимаю, понимаю! — Тёленька замахала руками, как вёслами. — Идите, только там — сплошная война! Это ужасно!

— Спасибо, тёленька, нам войну и надо, — поблагодарила Юлька. — А как нам туда пройти?

— Садитесь на двадцатый троллейбус и — прямо до Музея изобразительных искусств. — Тёленька показала остановку, возле которой уже ждали несколько человек. — А может, вас довести?

— Нет, нет! — торопливо отказался Егор.

После неудачного разговора с командиром он опасался взрослых, а эта тёленька и без того была странная: ещё возьмёт да отведёт в милицию.

— Ах, как восхитительно! — в последний раз ска-

зала тётя.— Такие крошки, и такие самостоятельные!

Егор схватил Юльку за руку и потащил к остановке, а вслед им несло:

— Двадцатый век, что вы хотите?

— Егорка, а почему она тебя называет двадцатым веком?

— Не знаю.

Егор толкнул сестру к ступенькам подкатившего троллейбуса — поскорее бы избавиться от странной тётеньки!

Сели рядом с каким-то стариком, который натужно кашлял.

Кондуктор их не трогал — вероятно, решил, что они едут с дедушкой. Всю дорогу Юлька и Егор молчали, боялись пропустить нужную остановку.

Юлька уже начала клевать носом, когда водитель объявил:

— Музей изобразительных искусств.

Музей походил на сказочный дворец. К нему вели бесчисленные ступеньки. Юлька раз двадцать досчитала до пяти, пока добралась до тяжёлой, массивной двери. Такую дверь даже Егору оказалось не под силу открыть. Стали дожидаться взрослых, чтобы вместе с ними войти в этот дворец.

— Егор, а Егор, а что, война и в домах бывает? — спросила Юлька.— Если в этом доме Вьетнам, то должна бы пушка стрелять, а тут тихо.

— Войдём и всё узнаем,— буркнул Егор.— Кто поспешит, тот людей насмешит.

По правде сказать, его тоже одолевали сомнения: а туда ли они попали? Не спутала ли что-нибудь эта странная тётенька? Ведь называла же она Егора двадцатым веком, хотя Юлька ясно ей сказала, как зовут брата.

Но раздумывать было некогда. К дверям подошли пионеры. На груди у них — красные галстуки, за плечами — рюкзаки. Высокий мальчик встал у двери, как милиционер-регулирующий посреди улицы, и, согнув одну руку в локте перед лицом, а другой указывая на дверь, крикнул:

— Семафор открыт! Прошу следовать на станцию назначения!

И загудел, и ногами застучал, как паровоз. Очень похоже! Егору и Юльке этот мальчик сразу понравился. У него всё на лице смеялось: и вздёрнутый нос, и озорные глаза. И даже уши смешно топорщились в стороны и немножко шевелились. Очень весёлые уши!

— Давай пойдём за ним, — шепнул Егор сестре.

— Пойдём, он хороший.

— Кроликов, ты опять паясничаешь? — окликнул сзади сердитый голос. — Смотри, я тебя в поход не возьму!

Кроликов перестал изображать паровоз, соорудил унылую мину и отдал честь по-военному:

— Слушаюсь, товарищ командир Марья Иванна!

«Командиром» оказалась молодая тётя. Хотя голос у неё и был очень строгий, но лицо доброе. А когда она улыбалась, то на щеках и подбородке играли ямочки. Рядом с Марьей Ивановой семенила толстая девочка с такими красными щеками, будто их нарочно намазали краской.

— Прошу вас, Помидора, в замок людоеда. Он вас ждёт не дожждётся на закуску!

— Помолчи, Кролик! — надулась Помидора. — Это не меня, а тебя он ждёт не дожждётся, чтоб полакомиться кроличьим мясом.

— Как не стыдно дразниться! — сказала Юлька По-

мидоре.— У нас в детском саду за дразнилки наказывают!

Но Марья Иванна решила, что Юлька упрекнула весёлого Кроликова, а не краснощёкую Помидору, и ни за что его отчитала:

— Вот, Кроликов, до чего ты дожил — тебя детсадовцы учат. Проходите, дети!

Она подержала тяжёлую дверь, и Егор с Юлькой оказались в огромном зале. От входа бархатные дорожки вели к разным дверям и лестницам. Но Егор и Юлька, как условились, не стали раздумывать, куда идти, а сразу последовали за симпатичным Кроликовым.

В первой же комнате к пионерам подошла закутанная в шаль старушка с указкой в руке и неожиданно звонким голосом начала рассказывать про картины, развешанные по стенам. Ребята обступили её так тесно, что Егор с Юлькой совсем перестали её видеть.

Картины были разные и про разное. Особенно много про войну. На картинах сражались и побеждали храбрые солдаты, умирали старики, женщины и дети. И старушка так увлекательно всё это описывала, что даже говорливый Кроликов заслушался и перестал болтать.

— Ну вот и всё, дорогие дети! Экскурсия окончена, желаю вам доброго пути! — сказала старушка с указкой, когда обошли все картины.

Все хором стали её благодарить, а Кроликов прижал руки к груди и торжественно произнёс:

— После такой экскурсии можно ехать только во Вьетнам! Марья Иванна, вчера вы были нашим классным руководителем, а сегодня мы просим вас стать нашим полководцем! Неужели вы не согласитесь?

— Ох и балагур ты, Вася! — засмеялась Марья Иванна.

А Кроликов зашагал вперёд. Он высоко поднимал свои длинные ноги и мычал под нос какой-то боевой марш.

— Не отставай! — шепнул Егор сестре и ринулся вслед за Кроликовым. — Только молчи, а то опять прогонят. Не видать нам тогда войны как собственных ушей.

У выхода пионеры построились по двое и пошли.

Егор и Юлька плелись следом, делая вид, что не имеют к ним никакого отношения.

Жара уже стала спадать, длинные тени протянулись от домов. Юлька увидела продавщицу с газированной водой и стала выклянчивать хоть один стаканчик. К счастью, в кармане у Егора завалилась копейка от сдачи за хлеб. Юлька выпила полстакана, а остальное отдала брату. Пока пили, пионеры ушли далеко и вдруг один за другим стали пропадать под землёй. Еще минута — и совсем исчезли.

— Ну вот! — в отчаянии закричал Егор. — Где их теперь искать? И всё из-за тебя — не могла потерпеть!

Юлька с перепугу захныкала. Егор подошёл к круглой стеклянной будке, в которой сидел милиционер, и спросил:

— Товарищ милиционер, куда это провалились пионеры?

— Провалились? — удивился милиционер. — Они не провалились, а в метро спустились. Догоняйте!

Егор и Юлька со всех ног бросились в длинный подземный коридор и скоро в самом деле увидели пионеров. Те проходили по одному между узкими деревянными стойками, которые перегораживали зал на две половины. На стойках горели жёлтые надписи: «Идите!» Когда Егор с Юлькой подбежали к проходам, надписи погасли. Егорка первым ринулся в узкий про-

ход, но вдруг из стенок выскочили две железяки и ткнули Егора в бока. Юлька испугалась и закричала:

— Ой, они Егорушку ударили!

— Ага, попались, безбилетники! — улыбнулась круглолицая тётя в фуражке с красным околышем. — А где ваши пятикопеечные монеты?

— А у нас, тётя, нет никаких монет, — испуганно сказала Юлька, — мы сейчас последнюю копейку истратили.

— С кем же вы едете?

— С пионерами. Пропустите! — попросил Егорка. — А то они уедут без нас, и мы тут совсем пропадём.

— Пионеры, а пионеры! — закричала тётя и езмахнула над головой своей фуражкой с красным околышем, чтобы привлечь к себе внимание. Но Егор дёрнул её за руку:

— Пропустите так, а то они будут нас ругать за то, что мы отстали.

— Пожалуйста, — умильным голосом попросила Юлька, — а то они нас побьют.

— Ну так и быть, — сказала тётя и пропустила их через другой проход, в котором не было страшных железяк.

Держась за руки, чтобы не потеряться, Егор и Юлька добрались до выбегающей из-под пола лестницы и, потоптавшись, прыгнули на неё. Сердце у Егора колотилось — ведь он впервые без родителей путешествовал в метро. А о Юльке и говорить нечего. Она вцепилась в рукав брата и даже глаза зажмурила. Лестница вдруг поползла под пол.

— Прыгай сюда! — крикнул Егор и, прыгнув, потянул Юльку на неподвижный пол.

Юлька упала на четвереньки.

Коленки у Юльки саднило, но она не заплакала, от-

ряхнулась и побежала вслед за братом. Слева прогромычал поезд. Может, он уже увёз пионеров? Что тогда делать? Но тут Егор взглянул вправо, увидел красные галстуки, и на сердце у него сразу стало легко.

Остановился поезд, лязгнули тормоза, бесшумно, сами собой раздвинулись двери, и ребята заполнили два соседних вагона.

Егор с Юлькой тоже шмыгнули вслед за Кроликовым и скромно встали в уголке. Только бы их не заметили!

Но не тут-то было!

— Мальчики,— сказала Марья Иванна,— уступите младшим места!

— Не надо, не надо! — стал отнекиваться Егор.— Мы и так постоим!

Кроликов первый вскочил с места и, сделав смешной поклон, пригласил Юльку:

— Прошу вас, принцесса!

— Я не принцесса, я просто девочка,— обиделась Юлька.

Кроликов наморщил лоб.

— Миледи, мы где-то встречались.

— Нет, я тебя совсем не знаю, Кроликов.

Все вокруг засмеялись, а Юлька покраснела — поняла, что попала впросак.

Надо было что-то срочно придумать, и Егор сказал:

— Это тебя кто-то назвал сейчас Кроликовым, вот она и повторила.

— Тогда прошу у принцессы прощения!

Кроликов отступил на шаг и под общий хохот опять смешно и церемонно поклонился.

За окном мелькали серые стены, чёрными змеями бежали длинные толстые провода. Мимо проплыла волшебной красивой, сверкающей огнями станция. В вагон

хлынули пассажиры и отгородили Кроликова от Егора. Юлька посапывала, склонившись на плечо брата, да и он уже стал задремывать, как вдруг протрубил горн.

Егор встрепенулся — пионеры были уже за окном! Он вскочил, но двери перед ними сомкнулись. Красные галстуки замелькали, слились в одно яркое пятно и вот уже совсем пропали. Опять побежали назад однообразные серые стены с чёрными змеями-кабелями.

— Ай, что же, что же делать, мы свою станцию проехали?! — в отчаянии закричал Егор.

Сердобольные пассажиры обступили их, стали успокаивать. Объяснили, что надо сойти на первой же остановке, сесть на обратный поезд и вернуться на прежнюю станцию. Так они и сделали. Подземный поезд быстро домчал их до той станции, где сошли пионеры. А народу на этой станции — как на улице, снуют туда и обратно, да всё бегом, бегом!

Растерялся Егор. Смотрит направо, налево — все спешат, никому до его беды дела нет. Вдруг в толпе он разглядел среди шляп и косынок знакомую фуражку с красным околышем. Все платки и шляпы мимо плывут — одна фуражка никуда не торопится. Бросились Егор с Юлькой к фуражке, а под ней — совсем незнакомое худое лицо.

— Тётя, вы не видели, куда пионеры пошли? — спросил Егор.

— Видела, видела. Они тут всё гудели, а потом к вокзалу подались.

Побежали Егор с Юлькой к бегущей лестнице. Она их мигом наверх подняла.

Над домами небо совсем синее стало, закатилось солнце за крыши. А народу — не протолкнёшься! Где тут пионеров отыскать!

И вдруг вдалеке загудел горн. Тот самый горн, в который дудел Кроликов.

— Это он, Кроликов! Он нам сигналил! — закричала Юлька и залилась счастливым смехом.

Брат и сестра стали пробиваться сквозь толпу, перелезать через чьи-то чемоданы, перепрыгивать через авоськи с фруктами, через мешки и ящики и вдруг чуть не наткнулись на «полководца» Марью Иванну.

— Марья Иван... — обрадовалась Юлька, но Егор вовремя закрыл ей рот ладонью и оттащил в сторону.

— Ребята, слушай мою команду! — закричала Марья Иванна в ладони, сложенные рупором. — Будем садиться в третий и четвёртый вагоны! Посадку проводить организованно. Остановка — Сорок пятый километр! Как только объявят — все на выход!

Колонна ребят была длинная, и Кроликов побежал в дальний её конец, чтобы повторить слова «командира» тем, кто не расслышал.

Пока шла посадка, Егор и Юлька прятались за толстым станционным столбом. Вскоре все места в третьем вагоне были заняты, началась посадка в четвёртый. Как только в вагон вошёл последний пионер, Егор, наученный горьким опытом, втолкнул Юльку на площадку и только после этого перевёл дух: теперь всё в порядке! Потом Егор заглянул в стеклянную дверь — нет ли там Кроликова, Помидоры и других знакомых. Нет, все незнакомые. Можно заходить.

Егор усадил сестру на свободную скамейку в конце вагона — за высокой спинкой сиденья их не так-то легко было заметить.

Электричка тронулась плавно и неслышно, и весь вокзал с его разноголосой толпой и сумятицей медленно поплыл назад. Замелькали огни. Сначала их было много, потом всё меньше и меньше. Вереница домов

вдруг оборвалась, открылся широкий простор полей, а по нему, как ребята в весёлом хороводе, медленно закружились редкие перелески. Из-за далёкого синего леса, будто играя в жмурки, выглянуло и тут же спряталось солнце. Только на озере, прокладывая светлые дорожки, ещё бегали его весёлые лучи. Но вот и они погасли. И сразу в вагон поползли синие тени.

Наступил вечер.

Вдруг в вагон вошли кондуктор и милиционер. У Егора сердце в пятки ушло — ведь у них не было билетов! Но кондуктор только рассеянно взглянул и зашагал в дальний конец вагона.

— Кто у вас тут за старшего?

— Марья Иванна! Она в третьем вагоне! — хором ответили ребята. — У неё билеты на всех!

— Не баловаться у меня! — погрозил пальцем милиционер. — Не то ссажу.

Кондуктор и милиционер прошли в соседний вагон, а Егор, как милиционер, погрозил Юльке:

— Слышала? Чтоб мне не реветь! А то... в милицию отведу.

Мерно стучали-убаюкивали колёса под полом. Полилась весёлая песня.

— До свиданья, мама, не горюй, не грусти, пожелай нам доброго пути!.. — повторяла вслух за пионерами Юлька.

Егору вспомнился дом, и сразу взгрустнулось: что там делают мама с папой? Может быть, прочитали записку и плачут? Юлька тоже приуныла. А тут ещё голодные их носы уловили вкусный запах: ребята ужинали.

— Егор, давай и мы поедим! — предложила Юлька.

Егор достал из рюкзака лук, пряники и консервы и только тут обнаружил, что забыл консервный нож.

Оставались лук и пряники. Егор очистил луковицу и протянул сестре.

— Я не буду! — замотала головой Юлька. — Он горький!

— Зато в нём витаминов много, ты же сама знаешь, мама говорила! — убеждал Егор.

— Он плакучий! — хитрила Юлька. — А ты же мне не разрешаешь плакать.

— Ничего, поплачь немного, только про себя! — разрешил Егор.

Юлька наконец попробовала и скривилась так, будто у неё отчаянно заныл зуб.

— Ты не кривись, а ешь! — шикнул Егорка. — Солдаты всё должны есть — они выносливые.

— Вот и неправда! Солдаты едят похлебку и кашу!

Тогда Егор дал сестре пряник, чтоб сладким заест горькое. Но и это не помогло. Вдобавок ко всему Юлька начала клянчить конфету.

— Как тебе не совестно! — пристыдил сестру Егор. — Ты же знаешь, для кого мы конфеты везём!

— Мы же только по одной конфеточке. И будем долго-долго сосать, пока не прососём до самого варенья!

А запахи становились всё соблазнительнее, даже у Егора потекли слюнки. О Юльке и говорить нечего — она хныкала всё громче.

Егор наконец сдался и сунул сестре конфету. Она тут же сжевала её и опять принялась клянчить.

И Егор решил: он взял банку с консервами и, наказав Юльке сидеть тихо, как мышь, отправился по вагону.

Пионеры развлекались кто как мог: пели, глазели в окна, дрались понарошку на кулачках.

В ближнем купе — «кухне» хозяйничали девочки.

Из большого термоса они наливали горячий чай в пластмассовые стаканчики, нарезали хлеб и колбасу, делали бутерброды и кормили ребят.

Егор подошёл к девочкам и неразборчиво буркнул:
— Откройте мои консервы.

Маленькая проворная девочка с густой длинной чёлкой, которая закрывала её брови, удивлённо уставилась на него. Потом переглянулась с подружкой, и обе начали тоненько хихикать.

«Что я такого смешного сказал? — подумал Егор. — Глупые девчонки!»

Он смутился и не знал, как быть дальше.

— Он не может сам банку открыть! — догадалась девочка с чёлкой. И сразу подобрела — взяла у Егора банку и толкнула под бок соседа.

— Костя, вынь нос из книги и открой консервы. Это мужское дело!

Худой и бледный мальчик в очках, к которому она обратилась, сидел у окна в углу, подобрав под себя ноги, и читал. Его длинный нос ходил по строчкам туда и обратно. Костя так увлёкся чтением, что не расслышал просьбы. Тогда девочка вырвала книгу и ловко вложила ему в руки банку и консервный нож.

— Что ты, Галка, делаешь? — возмутился Костя. — Началось самое интересное! Наши пошли в атаку...

— Ничего, ничего, вот откроешь банку и опять пойдёшь в атаку! — успокоила его Галка, а Егору дала стаканчик, в котором дымился чай. — Попей с нами за компанию!

Рука Егора сама собой потянулась к соблазнительному стакану, а другая — тоже помимо воли! — взяла бутерброд с маслом и колбасой.

Ах, до чего же вкусная была эта еда! Вкуснее всяких пирогов и тортов! Егор хотел приберечь немного

для сестры, но сам не заметил, как съел всё до крошки. А Галка всё подливала и подливала в стакан.

— Представляете,— рассказывал Костя,— и вдруг командира ранили в грудь. Кровь хлынула — не остановишь! А поблизости — ни одного санитаря. Хотя бы самого завалящего! Командир застонал: «Умираю, помогите, помогите!» Знаешь, о таком герое хочется писать необыкновенные стихи! И я уже немного сочинил. Послушай:

Мне помогите, ранен я,
Прощайте, милые друзья!..

Костя так увлёкся, что кричал теперь на весь вагон. Привлечённые его голосом, многие побросали свои занятия и подошли к «кухне».

Тут Юлька протиснулась сквозь толпу и, тряхнув свою санитарную сумку, твёрдо сказала:

— Я перевяжу раненого.

— Юлька, кто тебе разрешил приходить сюда? — закричал Егорка.

— Я не к тебе, а к раненому! А ты бессовестный! Сам ешь, а мне не даёшь... Я вот маме скажу!

Узнав, что Юлька пришла перевязывать раненого из книжки, ребята принялись хохотать. А Юлька заревела.

Галка тут же налила ей чаю в голубой пластмассовый стаканчик и положила на хлеб самый толстый кусок колбасы. Девчонки натащили ей конфет и напихали их в карман фартука. И даже похвалили Юльку:

— Хорошенькая девочка!

— Как тебя зовут?

— Юлия.

— А куда ты едешь?

Егор всё время делал сестре знаки, чтобы она не

проговорила, но Юлька не то от усталости, не то от сытости и всеобщего внимания совсем разомлела. Когда девчонки стали расстёгивать её санитарную сумку, чтобы наложить туда конфет, она строго сказала:

— Вы мою санитарную сумку не трогайте, а то прольёте йод. Чем я тогда буду раны мазать? Вы их лучше положите в Егоркин рюкзак к нашим конфетам, мы всё вместе во Вьетнам и отвезём!

— Так ты тоже во Вьетнам едешь? — Галка так высоко подняла брови, что они совсем спрятались под чёлку.

Все опять засмеялись, а Юлька вынула конфету из рта и надулась:

— Сами тоже на войну едут, а надо мной смеются!

— Что это она такое говорит? — удивилась Галка и переглянулась с Костей, но Костя прижал палец к губам и сказал:

— Т-с-с! Ну, конечно, мы тоже едем на войну! — И к Юльке: — Ты не обращай на них внимания. Они просто так.

— А она и не обращает, — сказал Егор и толкнул сестру в бок.

Юлька ещё больше рассердилась:

— Не дерись, Егорка! Сам же наган взял!

Ребята покатывались со смеху, разглядывая Егоркин деревянный наган, а девчонки тормошили Юльку, гладили её по голове и приговаривали над ней, как над младенцем:

— Какая храбрая! А что же ты не взяла с собой кукол?

Юлька заважничала:

— Куклам на войне делать нечего. Они такие неженки, попадут под дождь и размокнут.

Егор ей глазами и так и сяк — ничего не понимает!
— Вот умница, а как же тебя отец с матерью одну пустили?

«Всё пропало! — подумал Егор. — Сейчас она выдаст тайну, и нас отведут в милицию!»

Тут заскрипела дверь, и в вагон прошли Марья Иванна и милиционер.

— Ну как, ребята, настроение? Поужинали? — спросила Марья Иванна. — Собирайтесь! Ещё три остановки, и мы приехали!

Пионеры окружили своего «полководца», стали что-то спрашивать, а Егор тем временем схватил сестру за руку и потащил к своей скамейке. Юлька не сопротивлялась. Егор бросил рюкзак под скамейку, велел сестре лезть туда, а когда Юлька там угнездилась, забрался под скамейку и сам.

Под скамейкой было пыльно, и хотелось чихать. Со страху Юлька шмыгала носом — вот-вот заревёт! Егорка шепнул ей на ухо, что если она хоть разочек пискнет, то их немедленно отправят в милицию. Юлька затихла, но ещё дрожала. Тогда Егор обнял сестрёнку, положил ей рюкзак под голову, и она немного успокоилась.

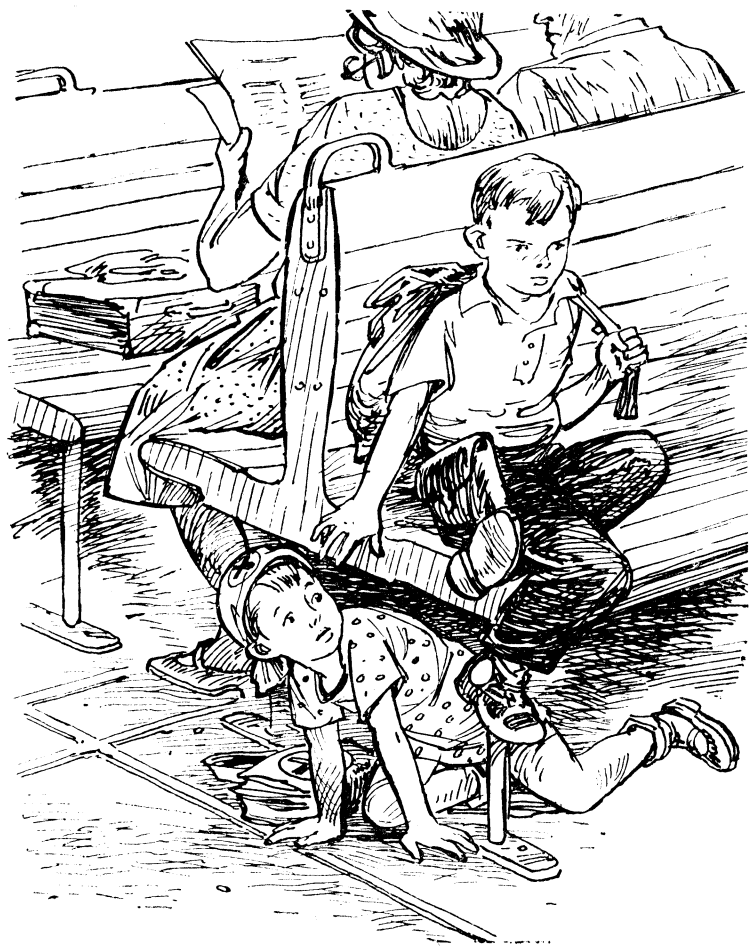
Между тем колёса под полом стучали всё реже и наконец совсем затихли. Голоса ребят сразу стали громче.

— А где же эти ваши интересные знакомые? — услышал Егор.

— Да они только что тут были! — Егор узнал тоненький голос Галки. — Такие смешные! На войну собрались! Ну это они, конечно, понарошку. И оба такие голодные!

— Где же их родители?

— Мы спросили, а тут вы вошли, они и не успели ответить.

— Эй, Егорка, эй, Юля-санитарка! — крикнул Костя и пошёл к Егоркиной скамейке.

Его длинные худые ноги, обутые в резиновые кеды, остановились возле самого носа Егора. И тут, как нарочно, нестерпимо захотелось чихать. Егор зажал нос, затаил дыхание. Ноги потоптались-потоптались, выбили чечётку и шагнули в сторону. Сердце у Егора колотилось — это была страшная минута!

— Видно, сошли на этой остановке, — вздохнула Галка, — а жалко, такие потешные!

Под полом опять скрипнули, словно вздохнули, колёса, несколько раз тяжело повернулись и опять запели свою быструю песню. Сначала в ней не было никакого смысла, но потом сами собой сложились слова:

На-до нам! Во Вьет-нам!
Во Вьет-нам! На-до нам!

Ресницы Юльки сомкнулись, и она заснула. У Егора веки тоже стали тяжелые, будто кто-то натягивал их на глаза. Но он понимал, что спать нельзя ни в коем случае, иначе сойдут пионеры, и уедут они с Юлькой неизвестно куда. И Егор делал героические усилия, чтобы не дать сну одолеть себя: он щипал себя за бока, широко открывал глаза и даже кусал собственный язык. Но сон оказался сильным противником, а тут еще колёса поют-напевают свою песню. И заснул бы Егор, если бы не остановилась вдруг электричка:

— Сорок пятый километр! — громко возвестила Марья Иванна. — Наша остановка! Выходи, ребята, не задерживайся, а то поезд уйдёт обратно.

Поднялся шум, гвалт, в проходе между скамейками зашаркали десятки ног — сон сразу отлетел. Егор дождался, когда из вагона вышел последний пассажир, и принялся расталкивать сестру.

Но не тут-то было!

Не открывая глаз, Юлька захныкала, и Егор оставил её в покое — пионеры через открытое окно могли услышать. Что делать? Вдруг его осенило.

— Юлька,— сказал он ей в самое ухо,— вставай, милиционер!

Юлька сразу открыла глаза и приготовилась реветь, но Егор шепнул, что милиционер прошёл, и сестра успокоилась, только зевала громко и широко. Но тут уж ничего не поделаешь: Егор на собственном опыте знал, что чихать и зевать человеку не запретишь — это не от него зависит.

Тихо выбрались они из вагона и спрятались за спинкой станционной скамьи. И тут же с мягким шипением сами собой задвинулись двери электрички, скрипнули колёса, и поезд стал набирать скорость. В окне пустого вагона мелькнули силуэты кондуктора и милиционера. У Егора сразу отлегло от сердца.

— Егорка, куда мы приехали? — шёпотом спросила Юлька.

— Молчи, сейчас узнаем.

На перроне было пустынно. Пионеры строились в конце платформы, оттуда время от времени доносился строгий голос Марьи Ивановны:

— Всем достать плащи и одеться потеплее — возможна гроза!

Егор тоже выполнил команду — вытащил из рюкзака куртки и плащи, оделся сам и как следует укутал сестру.

Всё вокруг потонуло в непроглядном мраке. Единственная тусклая лампочка на столбе была не в силах справиться с такой темнотой и, раскачиваясь, жалобно мигала. Страшно выл ветер, деревья скрипели и гнулись. В такой темноте можно было идти вслед за пио-

нерами, не боясь, что тебя заметят. Поэтому, как только раздалась команда Марьи Ивановны: «Шагом марш!», Егор и Юлька двинулись вслед за колонной.

Дорога была неровная, кочковатая, Егор то и дело оступался. А тут ещё сестре надо помочь — у неё ноги короче; там, где Егорка делал шаг, она делала два.

— Мужчины, выньте оружие и оберегайте слабых, незащищенных женщин! Мы вступаем в джунгли! Возможно нападение хищников! — раздался из темноты суровый голос Кроликова.

Егор невольно схватился за кобуру, но вспомнил, что наган в ней деревянный, и поднял палку, о которую споткнулся. Палка была толстая и сучковатая, и Егор немного успокоился: с таким оружием он сумеет постоять за сестру!

— Подумаешь, какой мужчина! — насмешливо ответил Кроликову голос Помидоры. — Мы вас ничуть не слабее. Как бы нам тебя, Кролик, не пришлось спасать!

— Конечно, — пропыхтела рядом с Егором Юлька, — мы и сами с усами, пусть Кроликов не зазнаётся!

Егор не стал возражать, хотя ему сейчас ничего бы не стоило высмеять Юльку: всю дорогу хныкала по всяким пустякам, а сейчас храбрится! Знала бы, что они пробираются сквозь непролазные лесные дебри — джунгли, а вокруг кишмя кишат хищники и ядовитые змеи, и где-то, может быть, совсем рядом, враг затаился в засаде, наверное, иначе бы запела! Но Юлька ни о чём не догадывалась. Она не знала, что означают слова «джунгли» и «хищники».

И Егор не стал смеяться над Юлькой — время покажет, кто из них сильнее и храбрее!

Тем временем стало совсем темно. По сторонам чёрными стенами поднимались джунгли. Ветер свистел в вершинах деревьев, кругом слышались подозрительные шорохи — это дикие звери крались по их следам в густой траве.

Вдруг сбоку, почти рядом с Юлькой, угольками зажглись жёлтые глаза. Егор сразу сообразил, что это тигр! Зверь приготовился к прыжку, еще минута — и утащит сестру в свою берлогу. Надо было действовать, и немедленно! Егор нацелился и ткнул палкой туда, где светились глаза хищника.

— Мя-а-а-уу! — рывкнул зверь и умчался в джунгли.

— Как тебе не стыдно, Егор! — возмутилась Юлька. — За что ты обидел бедную киску? Я только что собиралась её погладить: ей и так страшно в темноте, а ты её ударил!

У Егора кулаки прямо-таки чесались поколотить Юльку — спас её от смерти, и вот награда!

— А если бы это был тигр?

— Ай-я-яй! — засмеялась Юлька. — Если уж ты такой бояка, то закрой глаза. Я поведу тебя за ручку.

И Юлька крепко сжала руку брата, будто и на самом деле не он её, а она его вела!

Но Егор и это унижение стерпел молча. Придёт час, Юлька узнает всю правду, раскается и будет просить прощения, а Егор, конечно, великодушно простит её, как настоящий мужчина!

А ветер завывал всё сильнее. Он распахивал полы плащей, трепал волосы, как мочалку, сбивал с ног. Несколько холодных капель упало на лоб.

— Ребята! — крикнула Марья Иванна. — Зажгите фонари! Наденьте капюшоны! Не растягивайтесь!

Ветер отбрасывал слова в сторону, Марье Иванне приходилось бегать вдоль колонны и несколько раз по-

вторять команду. Егор натянул на сестру капюшон, а сам остался с непокрытой головой, чтобы вовремя услышать крадущегося сзади хищника.

— Что-то наши друзья нас не встретили! — сказала Марья Иванна.

«Наверно, враги преградили им путь!» — догадался Егор.

По правде сказать, дорога сквозь джунгли всё больше пугала его. Фонарями ребята освещали дорогу и отпугивали хищников, а у Егора, который не только защищал сестру, но и прикрывал всю колонну сзади, была только палка. Впрочем, одного тигра Егор уже отогнал и очень надеялся на своё оружие.

А тут ещё дождь. С неба капало всё сильнее. Джунгли наполнились каким-то рокотом. Попробуй разбери, что это — шум дождя, рёв зверей или пальба из пулеметов. Наверно, пальба! Неужели друзья не подспеют вовремя?

Вдруг раздался отчаянный крик:

— Ой, больно, больно!

Сердце Егора тревожно забилося. Значит, он не ошибся — буржуины открыли огонь и кого-то уже ранили. Надо спешить на помощь!

— Юлька, на перевязку! — И Егор потащил сестру вперёд, откуда доносились стоны.

Оказывается, ранили Галку. Она сидела на обочине дороги и, болезненно морщась, с помощью карманного фонарика разглядывала нсгу. Юлька, отчаянно работая локтями, с трудом проложила себе дорогу сквозь толпу к раненой.

— Пустите, я скорая помощь!

Галка так удивилась, что и про рану забыла.

— Ты откуда взялась?

— Вот перевяжу твою ногу, тогда и скажу.

Юлька принялась было за дело, но тут подошла Марья Иванна и тоже ахнула:

— Это ещё кто такие?

— Это те самые...— начала объяснять Галка, но Марья Иванна жестом остановила её и строго спросила Егора:

— Как вы сюда попали?

— На электричке.

— Где же вы сидели? — пожал плечами Костя.— А мы-то вас искали-искали, с ног сбились.

— Под скамейкой.

— Ай да зайчишки-трусички, безбилетники! — захохотал Кроликов.

— Никакие мы не зайчишки, не обзывайся, Кроликов! — обиделась Юлька.— Мы тоже солдаты и едем с вами. Ты же сам в музее скомандовал всем на войну ехать. Вот мы и поехали!

— Видишь, Василий, до чего доводят твои выкрутасы! — напустилась на него Марья Иванна. Она ещё долго его ругала, а Кроликов стоял пристыженный, даже его весёлые уши вроде приуныли и обвисли, как лопухи.

Досталось и Егору с Юлькой.

— Как же так? — сокрушалась Марья Иванна.— Собрались и поехали, а маме с папой ни слова. Придётся вас в милицию отправить!

— Мы письмо на столе оставили!

Хитрая Юлька захныкала и добилась своего — Марья Иванна смягчилась:

— Так и быть, в милицию я вас не отправлю. Только одного письма мало, надо написать ещё, а вы, наверно, даже адреса своего не знаете?

— А вот и знаем! — похвасталась Юлька и тут же сказала адрес.

— Тогда всё в порядке, — успокоилась Марья Иванна, записала что-то в блокнот и принялась осматривать Галкину рану.

А потом Юлька помазала порез йодом и перевязала.

— Молодец! — похвалила её Марья Иванна. — Из тебя настоящий врач получится!

— Идут, идут! — закричали вдруг ребята, и Марья Иванна поспешила в голову колонны.

На дороге, освещённые блуждающим светом ручных фонариков, показались две телеги. Егор сразу догадался, что это прибыло боевое подкрепление. Солдаты повыпрыгивали из телег и отдали салют. По внешнему виду они ничем не отличались от советских пионеров, даже галстуки были повязаны одинаково. И по-русски хорошо говорили, но это не удивило Егора — ведь во всех странах школьники учат иностранные языки. Тут Галку и несколько девочек посадили в телегу. Егор, конечно, остался бы с мальчиками, но Марья Иванна сказала, что поручает ему охранять девочек, пришлось тоже забраться в телегу.

Там было настлано мягкое, пахучее сено. Юлька сразу уснула, а девчонки всё шушукались, хихикали и вообще вели себя очень легкомысленно. Где-то вдалеке загрохотали пушки, но ни Галка, ни её подруги не поняли этого и завизжали:

— Ой, гром, гром ударил!

Девочки зарылись в сено. Примолкли. Только Егор не испугался. Он сидел за спиной у возницы, который то и дело погонял лошадей, и крепко сжимал свою палку. Ветер обдувал Егора, дождь мочил, но он свято хранил наказ — охранять девочек, и не смыкал глаз...

И все-таки уснул. Всю ночь Егор воевал с тиграми и буржуинами, которые осаждали телегу. И девчонки, глядя на его израненную грудь, восхищённо шептали;

«Ах какой герой этот Егор!» А Юлька объясняла им: «Это мой родной брат. Он самый отважный человек на свете!»

Проснулся Егор в комнате с широкими окнами. Ослепительно яркое солнце так било в глаза, что не сразу их откроешь. Наконец Егор огляделся. Он лежал на сене посреди комнаты, рядом сладко посапывала во сне Юлька. На стене — карта. Парты сдвинуты к окнам. Значит, это школа!

Дверь скрипнула, и в неё просунулись две рыжие головы. Одна, стриженная, — повыше, а другая, лохматая, — пониже. На Егора с интересом уставились четыре глаза, одинаково чёрных и узких, как зрелые семечки подсолнуха.

— Вы кто такие? — спросил Егор.

Глаза испуганно замигали, и дверь захлопнулась, но тут же распахнулась, и в класс ввалились девчонка и мальчишка, очень похожие друг на друга.

Девчонка споткнулась и упала, а мальчишка — на неё.

От шума проснулась Юлька, захлопала в ладоши и закричала:

— Куча мала! Куча мала!

— Кто вы? — повторил вопрос Егор. — Вьетнамцы?

— Мы не вьетнамцы, мы семёновцы.

— А кто такие семёновцы? — спросила Юлька.

— Семёновцы — это кто живёт у нас, в Семёновском.

— Что-то я не знаю такого города, — призналась Юлька.

— Тю-ю, ты что, с луны свалилась? — удивился мальчишка. — Нас, почитай, весь Советский Союз знает. Наш председатель колхоза даже по радио на весь мир выступал! Мы вас, москвичей, молочком поим и ово-

щами кормим! И ваши пионеры у нас каждое лето гостят. Вот и сейчас приехали картошку копать.

Приуныл Егор: так вот куда они попали — в подмосковный колхоз!

— А как вас зовут? — спросила Юлька.

— Обоих — Подсолнушки, а по отдельности — Колюня и Олюня, — ответила лохматая девочка.

— Подсолнушки — это фамилия?

— Нет, фамилия у нас — Борисовы.

— Что-то уж больно много у вас названий, — наморщила лоб Юлька, — все сразу и не упомнишь!

Колюня и Олюня пожали плечами, но было видно, что им нравятся все их имена-названия, и они ими очень гордятся. Колюня даже засопел от важности.

Это Егору не понравилось, и он решил показать, что и они с Юлькой не лыком шиты.

— А у нас отец — сталевар!

На Колюню это не произвело никакого впечатления.

— А у нас — комбайнер! Комбайн всё умеет! — И Колюня пропел: «Комбайн косит и молотит...» Знаешь такую песню?

Егор эту песню знал, но ему стало не легче, даже показалось, что Колюня чем-то обидел отца.

— Из стали все на свете варят, и твой комбайн тоже! — крикнул он.

— Подумаешь, варят! Вот Олюня тоже умеет варить!

Такого оскорбления Егор уже не мог вынести. Он подскочил к Колюне и надавал ему хороших тумаков. Но и Колюня был не из пугливых. Он так боднул Егора в живот, что тот охнул и заорал благим матом. От испуга Юлька и Олюня тоже заревели. На крик прибежала бабушка, такая старенькая, что лицо её казалось сотканным из морщинок.

— Колюня, Олюня! — набросилась она на внуков. — Да как вам не совестно? Ах вы, гуси лапчатые, пусто-порожние головы, петушинные гребешки, кто же так гостей привечает?

Никогда ещё Егор и Юлька не слышали таких интересных ругательств. Колюня голову опустил, устыдился. Узнала бабушка, из-за чего драка, и опять начала интересно ругаться. На этот раз попало и Егору с Юлькой:

— Ах вы, пороссячи хвосты, нашли из-за чего спорить! Все должности — важные! Вот я — сторожиха, за порядком в школе слежу. А дочь — доярка; без молочка не проживёшь.

— А без одежды, которую моя мама шьёт, тоже не проживёшь, — сказала Юлька.

— Вот и выходит, что зряшный у вас был спор. Пойдёмте-ка, я вас молочком напою.

Бабушка повела ребят в учительскую и дала каждому по кружке молока и по куску пшеничного хлеба с мёдом.

Юлька ела и облизывалась — такого вкусного молока ей ещё не приходилось пить. А бабушка всё подливала в кружку да приговаривала:

— Кушайте на здоровье. Молочко парное, только что от коровки. Сразу сил прибавится, будете мне по хозяйству помогать. Ты, Егор, умеешь хозяйствовать?

— Ещё бы, на мне дома всё хозяйство держится! — с важностью ответил Егор.

— А ты, Юля?

— А я посуду мою, пол подметаю и до пяти считаю.

— Вот и дело, — сказала бабушка. — Егор с Колюней гвозди приколотят, я с Олюней — грядки выполю, а ты цыплят постережёшь, которых мне колхоз пода-

рил. Считай свои пальцы — по пять на каждой руке; сколько пальцев, столько и цыпляют.

Отправился Егор гвозди приколачивать для занавесок. Ведь скоро учебный год начнётся!

Колюня легко вгонял молотком гвоздь в стену, оставалась только шляпка на короткой ножке — как раз столько, сколько надо, чтоб верёвочку для занавески привязать. А у Егора дело не ладилось: то гвоздь в крючок согнётся, то уйдёт в стену по самую шляпку, то молоток вместо гвоздя больно по пальцу ударит. Но Егор не оставлял дела, пока не вбил в стену два гвоздя по всем правилам. Даже Колюня его похвалил. Хотел Егор вбить третий, как вдруг с улицы донёсся дикий рёв. Егор сразу узнал голос сестры и бросился на вырубку.

Из огорода прибежали бабушка с Олюней. Все четверо обступили Юльку, стали её успокаивать. А Юлька плачет-заливается! Может, цыплёнок пропал? Посчитали — ровно десять. Клюют себе пшеничную кашу, не обращают на Юльку никакого внимания. Наконец Юлька сквозь плач выдавила:

— Цыплята никак не считаются! У меня на руках пальцев больше, чем полагается!

Посчитали Юлькины пальцы — нет, всё в порядке, ровно десять. Один к одному!

А Юлька не верит.

— Тогда сама посчитай! — говорит ей бабушка.

Стала Юлька считать:

— Раз, два, три... пять... Раз, два, три... пять...

Вот в чем дело: цифру «четыре» забыла!

Пока во всём разобрались, пока работу закончили, солнце высоко поднялось.

— Снесите-ка молочка старшим ребятам в поле! — сказала бабушка. — Сами попили, надо и о других

позаботиться. Поди умаялись в поле, сердешные! Бидончик с молоком был тяжёлый и оттягивал руку.

Ребята несли его по очереди. Сильно припекало. Колюня сорвал четыре лопуха, они, как зонтики, защищали от солнца. Рожь в поле выросла высокая, выше головы. Колосья шуршали, будто друг с другом разговаривали. А в глубине поля кто-то неумолчно стрекотал.

— Кто это? — спросил Егор.

— Кузнечики. Их тут видимо-невидимо.

И правда, один большой кузнечик выскочил на дорогу, сверкнул на солнце длинными голенастыми ногами и опять ускакал в рожь.

Вдруг стрекот стал громче, громче.

— А что это за кузнечик? — спросила Юлька. — Наверно, он совсем большой, раз так громко стрекочет.

Колюня засмеялся:

— Это не кузнечик, это папкин комбайн.

Вышли они на пригорок и увидели громадную машину. Машина подгибала под себя колосья, вытряхивала мякину, а зерно сыпала в кузов грузовика, который медленно катился по голому полю рядом с громадной машиной.

Это и был комбайн.

— Па-па-а! — хором закричали Подсолнушки.

Комбайнер на рулевой площадке помахал им рукой и тоже что-то крикнул, но за шумом так и не удалось разобрать слов.

— Я уже точно решил: буду, как папа, комбайнером! — сказал Колюня.

— А я сталеваром. И сварю тебе комбайн из самой лучшей стали! — пообещал Егор.

За разговорами не заметили, как пришли к пионерам. Их лица блестели от пота, зато на краю поля выстроились в шеренгу мешки с картофелем.

— А вот и наши солдатушки, brave ребята! — закричал Кроликов, едва завидел Егора с Юлькой. — Давайте-ка к нам на подмогу!

Нахмурился Егор: утром он проспал, потом гвозди приколачивал, теперь будет картошку собирать, а воевать когда же?

— Нам с Юлькой некогда — ехать пора!

— Что ж, поезжайте, — вздохнула Марья Иванна, и весёлые ямочки исчезли с её лица, — только как-то нехорошо получается: колхозные ребята вас встретили, накормили, напоили, спать уложили, а вы им помочь не хотите. Так с друзьями не поступают.

Подумал-подумал Егорка — и правда, нехорошо. За добро добром платят. Стал Егор соревноваться с Подсолнушками — кто больше картошки в свой мешок соберет. Время летело незаметно.

— Стоп! — скомандовала Марья Иванна. — Конец — всей работе венец. Мальчики, собирайте хворост и несите воду из речки! Девочки, чистите рыбу — будем уху варить!

Распрянул Егор спину, — а солнце уже за лес закатилось, на смену дню вечер пришел.

— Что же нам делать? — опечалился Егор. — Как же мы в темноте на станцию пойдём?

— Ночью? Через лес? — переспросил Кроликов и даже плечами передёрнул. — Бр-р-р, страшно! Волки бродят, зубами щёлкают. И особенно они любят детей! Не советую! Переночуйте, а там видно будет. Утро вечера мудренее!

— Давай, Егор, переночуем! — попросила перепу-

ганная Юлька.— Кроликов не обманывает: утро вечера мудренее.

Подумал-подумал Егор — и согласился. А тем временем мальчишки натаскали хворосту и подожгли его. Затрещало, заурчало жадное пламя. Стаи искр взлетели к тёмно-синему небу. Разгорелся костер, да так ярко, что солнце от пламени его зажмурилось и провалилось в лес, как в мягкую постель,— спать до утра.

Зажглись над головой звёзды. Они подмигивали Егору, и ему казалось, что это искорки от костра залетели на небо и тоже разжигают там далёкие пионерские костры.

Вот уже и уха в котле забурлила. Девчонки налили Егору и Юльке по полной миске.

— Ешьте, уха такая, что язык проглотите!

Егор ел да нахваливал, а Юлька свою миску отставила.

— Боишься обжечься? — спросила Галка и подула на уху, но Юлька опять отказалась.

— Я уж лучше посижу голодная, а язык не буду глотать!

Пришлось объяснить, что так говорят про самое вкусное, только тогда она и принялась за еду. После ухи Егор думал, что больше в живот не войдёт ни крошки. Но тут его угостили особой, «пионерской» картошкой, и место в животе для неё сразу нашлось. Ребята пекли такую картошку в золе. Пекли до тех пор, пока она не делалась чёрной, как уголь. Потом прутиками выкатывали они её из костра, разламывали и ели с солью. Румяная корка хрустела и пахивала дымком. Не картошка — объедение!

Ребята перебрасывали её с ладони на ладонь и пели:

Ты, картошка, тошка, тошка, тошка, тошка!
До чего ж ты хороша, ша, ша!

Быть может, от этой волшебной песни картошка стала такой аппетитной?

Юлька заснула на руках у Марьи Ивановны, а Егор с Подсолнушками ещё долго сидели и подбрасывали в пламя ветки. Костёр, как добрый волшебник, преобразил всё вокруг: развеселил ребятам щёки, засветил огоньки в глазах, развеселил даже самых застенчивых. Галка, у которой оказался красивый и звонкий голос, на бис исполняла песни. Кроликов читал басни и очень смешно и похоже изображал зверей, Помидора лихо отплясывала, а Костя читал свои стихи. Особенно хорошо он продекламировал про Вьетнам и про то, как он мечтает поехать в эту далёкую страну, чтобы помочь вьетнамским рабочим и крестьянам бороться за свободу. Костю качали и называли поэтом, а он кланялся на все четыре стороны, как артист, и обещал написать про ребят и про то, как они копали картошку.

У Егора сердце заколотилось от радости: наконец-то он нашёл для себя достойного попутчика! Юлька не в счёт: мала, и глаза у неё всегда на мокром месте.

Это будет настоящий товарищ! Серьёзный, не то что Кроликов, у которого только шуточки на уме. Надо поговорить с Костей наедине, чтобы никто не помешал.

Но Костя, как нарочно, всё время был окружён ребятами — пел, танцевал, дурачился и не думал уединяться.

«Хоть бы опять сунул нос в книгу!» — подумал Егор и, чтобы скорее привлечь к себе внимание Кости, стал вертеть в руках его любимую книгу «Приключения Робинзона Крузо».

Но Костя ничего не замечал. Тогда Егор стал подбрасывать книгу, как мяч, — того и гляди, полетит в костёр! Такое трудно было не заметить.

— Ты, пацан, чего хулиганишь? — возмутился Ко-

стя.— Положь на место, это необыкновенная книга: про то, как великий путешественник прожил несколько лет на необитаемом острове. Клад, а не книга!

— Тогда я её себе возьму,— сказал Егор и побежал к лесу, а для большей уверенности ещё и длинный нос Косте показал.

Дальше всё шло как по маслу: Костя разъярился и погнался за Егором. Егор был вёрткий, и Косте удалось нагнать его уже на самой опушке бора. Сгоряча он не стал слушать объяснений и накостылял как следует. Но Егор всё стерпел — чего не снесёшь ради поставленной цели?

Костя, в общем-то, был парень добрый. Поняв, в чём дело, он даже извинился, но на Егоркино предложение бежать на войну вместе согласился не сразу:

— Дело не простое, обмозговать надо.

— Давай обмозгуем,— согласился Егор.

— Ты географию проходил?

— Нет, но учительница говорила, что в третьем уже расскажет нам про холодные и про жаркие страны.

— Пойдём в школу, там потолкуем.

Костёр позади заманчиво подмигивал, звал к себе. Костя облизнулся даже, когда посмотрел в его сторону,— не то вкусную картошку вспомнил, не то весёлые песни и пляски. Но Егорка топтался рядом с таким нетерпением и столько в его глазах было веры в его, Костин, мужской авторитет, что он махнул рукой и зашагал в темноту.

Пришли они в школу, в ту комнату, где Егор с Юлькой спали. Костя зажёл свет, подвёл Егора к карте.

— Вот это весь мир, все страны, только в сильно уменьшенном виде. А эта звёздочка — наша Москва.

— А где же Семёновское?

— Семёновское на карте даже не обозначено. Оно

под самым боком у Москвы, при городе, поэтому и колхоз называется — пригородный.

— Недалеко же мы с Юлькой уехали! — приуныл Егор.

— Недалеко, — подтвердил Костя. — А вот теперь смотри, где Вьетнам.

Длинный нос Кости, нацеленный вверх на Москву, как указка, спустился в самый низ карты. Чтобы разглядеть Вьетнам, пришлось сесть на корточки.

— Вот сколько стран нужно проехать, сколько морей переплыть, чтобы во Вьетнам попасть. Пешком и за год не дойдёшь. А если бы и дошли, что толку?

— Как что? — возмутился Егор. — Прогнали бы проклятых буржуинов из Вьетнама, и дело с концом.

— А они в другом месте начнут войну, как тогда?

— И оттуда прогоним!

— Чем? Палкой? — усмехнулся Костя.

— Танками, самолётами, пушками...

— А управлять ими умеешь?

Нахмурился Егор, опустил голову, как упрямый бычок.

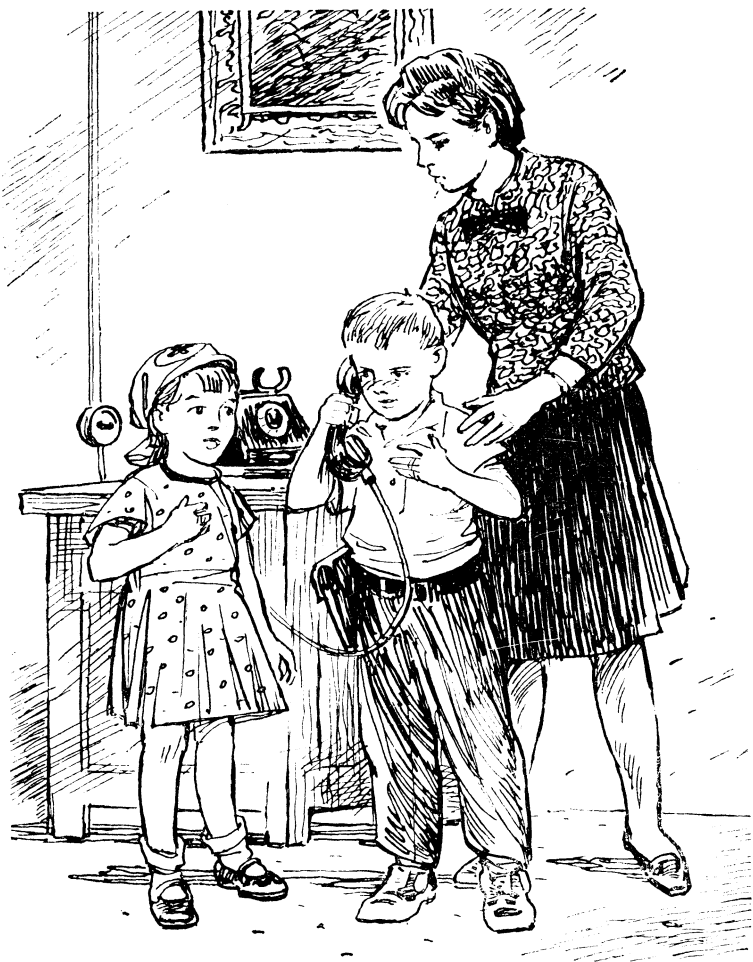
— А ты меня научи, а не смейся!

Нагнулся Костя к самому уху Егора и шепнул, хотя в комнате никого не было:

— В том-то и дело, что я тоже не умею. Это, брат, дело нешуточное, долго надо учиться.

Тут дверь распахнулась — Марья Иванна спящую Юльку на руках принесла. Уложила её в постель, свет потушила и Егору велела ложиться.

— Ладно, утро вечера мудренее, — сказал Костя на прощанье. — Завтра в Мавзолей Ленина поедem. У меня на Красной площади всегда верные мысли приходят в голову. Про Вьетнам я тоже там сочинил. Там мы с тобой всё ещё раз и обмозгуем. Идёт?

Может, и правда, утро вечера мудренее? Прилёг Егор рядом с сестрой, и сразу отлетели от него все заботы. Через несколько минут заглянула Марья Иванна в комнату, а Егор уже посапывает — вот как за день уморился! Так уморился, что утром она с превеликим трудом его растолкала:

— Вставай, вставай, тебя мама по телефону вызывает!

Сон сразу слетел с Егора.

— Мама? А как она узнала, что мы здесь?

— Мама всё узнаёт, — улыбнулась Марья Иванна. — На то она и мама! Беги в учительскую — трубка на столе лежит, а я Юлю разбужу, пусть и она поговорит.

Бросился Егор со всех ног в учительскую, схватил трубку, и вдруг такая робость на него напала — ни слова не может вымолвить.

— Это ты, Егорка? Молчишь? — спросил строгий мамин голос.

— Я-а, — прохныкал Егор.

— Ну молчи, молчи, дома мы с тобой как следует поговорим. А теперь слушай меня внимательно. Я знаю, что Марья Иванна и её ученики очень хорошие люди. Это они мне о вас, паршивцах, телеграфировали. Слушайся их во всё. Понял?

— По-о-ня-ял! — проныл Егор.

— А если не будешь слушаться, — с угрозой сказала мама, — то я тебя всё равно везде, хоть под землей, найду, и тогда мы с тобой так поговорим, что ты света белого не взвидишь!

Тут в учительскую влетела Юлька, вся розовая от сна, с соломинками в волосах и, взяв трубку, затараторила без передышки:

— Мамочка, здравствуй, мы с Егоркой до Вьетнама ещё не доехали! Но ты не беспокойся — доедем! Мы

с Егоркой стали ужас какие самостоятельные! Я научилась считать до десяти, вылечила Галку — это не птичка, а девочка,— ещё я научилась петь новые песни, печь картошку по-пионерски, ещё познакомилась с Подсолнушками... — Тут Юлька замолчала и пожаловалась Егору: — Там вместо мамы гудят автомобили...

— Это значит, что разговор кончился,— объяснила Марья Иванна.— Ничего, не огорчайся. Приедешь домой, всё расскажешь подробно. А сейчас пора завтракать и — в путь-дорогу!

— Ну что, потолковал с матерью? — спросил Костя, когда мрачный Егор сел рядом на траву и получил от Помидоры свою порцию каши с молоком.

— Потолковал! Сказала, что поговорит со мной так, что я света белого не взвижу.

— Надо было тебе с родителями посоветоваться — тайком из дому уходят только трусы.

— Но они бы меня... — буркнул Егор.

— Всё может быть! — согласился Костя.— Но что значит пара тумачков? На войне куда труднее! Да ты не унывай: когда мы с тобой всё обмозгуем, то пойдём к твоим отцу-матери вместе. Будь спокоен! При посторонних все родители стесняются своих детей колотить. Я на собственном опыте знаю. По рукам?

— По рукам!

Колхозные пионеры провожали гостей до самой станции, а Подсолнушки с бабушкой — до околицы.

— Приезжайте парное молочко пить, петушинные вы мои гребешки, буйные головушки! — приговаривала на прощанье сторожиха.

— Спасибо, а вы — к нам в Москву! — хором ответили ребята.

По дороге к станции трубили в горны, били в барабаны. Прохожие оглядывались и говорили:

— Пионеры идут!

Теперь Егор держался ближе к Косте, а Юлька подружилась с Галей и всю дорогу с ней болтала. Костя — и в электричке и в троллейбусе — читал толстую книгу про Робинзона Крузо, и Егор ему не мешал: может, этот необыкновенный человек поможет им обоим!

Выйдя из метро, пионеры с Егором и Юлькой пришли к длинной очереди рядом с кремлевской стеной. Очередь медленно двигалась к Красной площади, все меньше и меньше слышалось смеха и шуток. Костя, наконец, вытащил нос из книги и сказал Егору:

— Смотри, Егор, вокруг тебя живая история. Эти кремлевские стены видели революцию, по этой брусчатке скакала конница Буденного...

Его глаза под стёклами очков заблестели, нос вроде заострился, и вдруг Костя начал декламировать:

История с нами сейчас говорит,
Кремлёвские звезды, кремлёвский гранит...

— Кость, а когда же мы начнём обмозговывать... — перебив его, напомнил Егор про уговор.

— Не мешай! — досадливо отмахнулся Костя.

Замолчал Егор, стал вперёд смотреть — далеко ли до Мавзолея.

Уже недалеко. Красная площадь вокруг пустынна, только голуби воркуют да стучат по брусчатке каблук людей, пришедших свидетельствовать с Лениным. А позади, из сада, всё течёт и течёт людской поток, и нет ему конца.

Вот и Мавзолей. По обеим сторонам дверей часовые замерли в почётном карауле. Шевелит ветерок волосы на обнажённых головах людей. Егор тоже снял свою панамку. Однажды он уже был здесь с отцом. Но и теперь, как и в тот раз, сжалось, забилося его сердце. Подумал:

«Был бы жив дедушка Ильич, не пришлось бы нам с Костей обмозговывать — он бы сразу, что нужно, посоветовал!»

И представил Егор, как бы всё легко устроилось. Сказал бы Ильич отцу с матерью: «Отпустите вы вашего сына! Да побыстрее! Храбрые люди очень нужны на войне!» Мать бы, конечно, заплакала, но стала бы собирать сына в дорогу, а отец бы крикнул, но отправился бы на завод и отлил бы для Егора самую дальнюю пушку...

В Мавзолее играла тихая, торжественная музыка. Костя поднял Юльку на руки, чтобы она хорошо видела дедушку Ленина. Но люди шли не останавливаясь, и Юлька не успела опомниться, как Костя вынес её на площадь и опустил на землю.

— Я хочу обратно! — закапризничала Юлька. — Я ещё на дедушку Ленина не посмотрелась!

— Нельзя, видишь, сколько народу пришло с Ильичём встретиться?

— Но мне ещё надо с ним посоветоваться — куда нам с Егором дальше идти?

— А посоветоваться ты и так можешь...

Марья Иванна присела перед Юлькой на корточки и знакомым жестом отбросила волосы назад. А глаза такие лукавые! Вон и ямочки на щеках. Неужели смеется?

— А как посоветоваться?

— Надо читать книжки, которые написал Ленин. В них на любой вопрос есть ответ.

Задрожали у Юльки губы.

— Я ещё читать не умею.

Марья Иванна ободряюще подмигнула.

— Не горюй, я тебе помогу. Приходи к нам в школу. Для детей у дедушки Ильича есть один волшебный

совет, который он сам всю жизнь исполнял: учиться, учиться и учиться! Тогда любая мечта сбудется, и даже самая главная — прогнать буржуинов из всех стран на свете.

Не поймёт Егор: вроде бы Юльке говорит Марья Иванна, а сама на Егора смотрит...

Скоро все пионеры вышли из Мавзолея и присели отдохнуть на каменную скамью. Мимо серебристых ёлок, замерших, как часовые на посту, всё текла и текла людская река.

Притихли ребята. Костя бормотал свои новые и, наверно, очень хорошие стихи, навеянные легендарной Красной площадью.

— Ну так как, Егор? — спросил Костя, когда кончил декламировать. — Давай теперь обмозгуем, как быть дальше.

— Я уже обмозговал, — сказал Егор. — В школу пойду.

— Да, мы в школу пойдём, — подтвердила Юлька.

— Вот и молодцы! — похвалила Марья Иванна. — Сразу видно, что вы люди самостоятельные!

РАБОТНИЧКИ

КТО ТАКОЙ МИТЯЙ-ПОЧИНЯЙ!

Митяй живет в новом городке на улице Космонавтов. Таких городков теперь много строят вокруг нашей столицы. Дома здесь красивые, с балконами. Комнаты тёплые, светлые, удобные. Когда Митяй первый раз зашёл в новую квартиру, он сразу же стал обстукивать пол и стены своим молотком.

— Что ты, сынок, делаешь? — спросил отец. — Я сам этот дом строил. Всё в порядке, можешь не беспокоиться.

Но Митяй всё стучал, стучал, и скоро из соседней комнаты донёсся его басовитый голосок:

— Папа, иди скорее! Здесь пол починять надо!

Оказывается, одна доска была сырая, потом высохла, погнулась и за скрипела. Отец стал объяснять сыну, что через год-два во всём доме будут заново перестилать полы — так положено. Но Митяй только головой мотал:

— Никуда не годится! Надо сразу крепко делать!

Пришлось отцу согласиться — ведь он сам часто так говорит, чего же обижаться?

— Ну если ты у меня такой строгий, приберй эту половицу, чтоб не скрипела.

Достал отец банку с гвоздями, выбрал один потоньше и протянул сыну, а сам спустился к подъезду за мебелью. Когда отец и мать вернулись обратно, то лишь руками развели: пустая банка валялась в углу, зато на половицах сияли серебряные пуговицы гвоздей. Пол, ещё недавно гладкий и блестящий, стал рябым от ударов молотка. Митяй, потный и весёлый после нелёгкой работы, с гордостью смотрел на родителей:

— Теперь ни одна доска не будет скрипеть. Я сам все починил:

Рассердилась мать, схватилась было за ремень.

— Ах ты, Митяй-Ломай, вот я тебе сейчас покажу!

Обиделся Митяй, надулся, засопел:

— Я не Ломай, я Починяй!

— Ничего, так даже красивее. Вижу, что из сына добрый строитель получится. Молодец Починяй!

— Молодец, молодец! — похвалил себя и Митяй.

А глаза совсем слипаются: устал Митяй, уморился.

— Иди сюда, помогай, сын! — кричит мать из кухни.

— Ты что, мама, не видишь, я с ног валюсь от усталости, — бормочет Митяй — точь-в-точь как отец после работы — и засыпает прямо на полу, подложив под щёку свой любимый молоток.

КАК МИТЯЙ ТАБУРЕТКУ ЧИНИЛ

На другой день Митяй отправился на улицу, потому что в квартире он уже всё починил.

А на улице было шумно и весело. Яркое светило весеннее солнце. Звенела капель, дзинькали, отрываясь от крыш, сосульки, журчали ручьи — казалось, вокруг пели маленькие невидимые колокольчики.

Все двери в доме были гостеприимно распахнуты. Возле подъездов урчали большие сердитые грузовики. Люди осторожно снимали с них столы, стулья, диваны, шкафы, всякую другую мебель и ставили на тротуар. Посмотришь — будто большая квартира прямо под открытым небом. Митяй стал ходить по этой квартире и присматриваться, нельзя ли и здесь что-нибудь починить.

Он трогал рукой столы и стулья — не расшатались ли у них ножки. Дёргал ручки у тумбочек — не отклеились ли. Сегодня Митяю явно не везло: столы стояли прочно, платяной шкаф ослепительно сверкал, и ни одна ручка не выдернулась из тумбочек.

Расстроился Митяй — нет настоящей работы, а он не привык бездельничать. И вдруг между важным шкафом и никелированной кроватью он увидел... табуретку! Обыкновенную кухонную табуретку с перекладинками, на которые так удобно ставить ноги.

Табуретка, видно, немало претерпела в своей жизни. Краска на ней облупилась, перекладинки почернели. Митяй качнул табуретку — она скрипнула, будто пожаловалась. Одна ножка подогнулась внутрь, потому что гвоздь наполовину вылез из гнезда. Ещё немного — и ножка отвалится.

— Сейчас я тебя починю, не бойся, — успокоил Ми-

тый табуретку. Левой рукой он взялся за ее край, а правой размахнулся и...

— Ты что тут делаешь? — прогремело над головой.

Дальше Митяй не слышал — вместо табуретки молоток ударил по пальцу. Митяй вскрикнул и зажмурил глаза. А когда открыл, то сквозь слезы увидел незнакомого дяденьку. Дяденька был чёрный и очень кудрявый. Даже на руках и на груди у него курчавились волосы.

Дяденька присел на корточки, взял Митяеву руку и изо всех сил подул на ушибленный палец — от этого сразу стало легче.

— Терпи, казак, атаманом будешь! — утешил дяденька и крикнул куда-то назад: — Ириха, неси сюда йод и бинт. Да живее! Одна нога здесь, другая — там!

— Сейчас! — быстро отозвался тоненький голосок.

— Ты кто такой будешь? — спросил дяденька.

— Я Митяй-Починяй.

— Кто-кто?

— Починяй.

— Это у тебя фамилия такая?

— Нет, фамилия у меня Федоров. А Починяй — это меня так зовут, потому что я всё починаяю.

Дяденька присвистнул, как мальчишка:

— Что же я тебя сразу не узнал, Митяй-Починяй? Ты такой же рыжий, как отец. И такой же деловой.

Потом посерьёзnel и пожал Митяю здоровую руку.

— Давай знакомиться. Я дядя Коля Токарев. А это моя дочка. Прошу любить и жаловать. Когда она тебя вылечит, приходи к нам табуретку дочинивать. Ну, врачаха, приступай к своим обязанностям.

ИРИХА-ВРАЧИХА

Из-за спины дяди Коли вышла толстененькая чернявая девочка, очень похожая на него, только ещё более курчавая. Ресницы у неё загибались вверх и чёрными лучиками расходились в стороны. От этого лицо казалось удивлённым.

Ириха сняла с плеча сумочку с красным крестом и положила на шаткую табуретку.

— Где, мальчик, твоя рана?

— Никакой у меня раны нет.

— А ты не бойся, я укол делать не буду. Я помажу, немножко пощиплет и пройдёт.— Ириха достала из сумочки пузырьрёк, круглый бумажный свёрток и стеклянную лопаточку.

— Это йод, это бинт, а это мазочка. Давай свой палец и будь мужчиной.

Голос у Ирихи певучий, успокаивающий, совсем как у настоящего врача из детской поликлиники. Митяй даже обиделся. Ему недавно брюки сшили, а она говорит с ним, как с маленьким.

— Я и так мужчина! Не видишь — брюки?

— Это ничего — брюки. Когда моя мама рвёт зуб, она всем своим больным — и в брюках и не в брюках — говорит: «Будьте мужчиной». Так полагается. Я сколько раз была у неё в поликлинике, знаю.

Ириха обмакнула стеклянную палочку-мазочку в йод и помазала вспухший палец.

— Будьте мужчиной! — ещё раз повторила она.

Митяй пренебрежительно скривил губы: неужели эта девчонка думает, что он заплачет? Да никогда в жизни! Митяя даже мать считает мужчиной, и когда зовёт его с отцом обедать, то всегда говорит: «Муж-

чины, к столу, суп стынет!» А тут какая-то пустяковая царапина!

И чтобы доказать, что он настоящий мужчина, Митяй даже улыбнулся, хотя палец ещё ныл. Но Ириха почему-то не обрадовалась, а опечалилась:

— Что же ты не плачешь? Ты плачь, плачь!

— Я никогда не плачу! — строго сказал Митяй.

— Если бы рана была настоящая, ты бы плакал, — разочарованно протянула Ириха. — Значит, твой палец быстро заживет, и мне некого будет лечить. Пожалуйста, поболеи ещё хоть три денька! Ну, пожалуйста!

Голосок у Ирихи был такой жалобный, а глаза такие просящие, что Митяй сразу же согласился.

— Ладно, лечи!

— Давай, я тебя в большую книгу запишу! — Ириха достала из сумочки тетрадь, карандаш и нарисовала какую-то извилистую линию.

— Это вовсе и не буквы! — засмеялся Митяй. — Просто каляка-маляка. Как же ты будешь про меня писать?

Ириха не обиделась.

— Я просто так запомню. А запишу понарошку. Врачи всегда записывают. Ну говори, как твоё имя? Фамилия, отчество?

— Дмитрий Дмитриевич Фёдоров. Только ты меня зови Починяй. Я всё-всё починяю! Ладно?

— Ладно, — кивнула Ириха, — а ты меня зови Врачиха, я всех-всех могу вылечить!

— Ладно, — пообещал и Митяй. Ему всё больше нравилась эта девочка, и он сказал: — Хочешь, я тебе что-нибудь починю?

— А ты и кукольную мебель починяешь? — спросила Ириха. — Понимаешь, мои куклы такие балованные, по постелям прыгают, все сетки продавили.

— Ну, это лёгкая работа! — сказал Митяй и не выдержал — прихвастнул. — Я такую работу одним пальчиком за одну минуту сделаю.

Обрадовалась Ириха, запрыгала, в ладоши захлопала. А про Митяя и говорить нечего. По правде сказать, он боялся, как бы ему не оказаться в новом доме без всякого дела.

И вот такая удача!

ПОЧЕМУ МИШУКУ ЗОВУТ ПОЧЕМУКОЙ

Вдруг откуда-то сверху раздался отчаянный рёв. Ириха-Врачиха вздрогнула:

— Наверно, кто-то заболел!

Со всех ног она бросилась вверх по лестнице, Митяй едва поспевал за ней.

Вот и третий этаж. Оказывается, ревел мальчишка, совсем маленький — лет пяти на вид. И не только ревел, а ещё и стучал кулаком по перилам.

— Ты почему ревёшь? Что у тебя болит? — налетела на него Ириха.

— Я не ревлю, я просто кричу, — возразил мальчишка обыкновенным голосом.

Глаза у него были совсем сухие, словно и не он орал минуту назад. И не только сухие, но какие-то весёлые, озорные, любопытные. Да и сам мальчишка был очень интересный — маленький, худенький и такой весь белёсый, будто его только что мукой обсыпали. Митяю даже захотелось подуть на его ресницы — мучную пыль сдуть.

— А почему ты стучал кулаками? — строго спросила Ириха.

— По перилам...

— Да я не об этом спрашиваю,— перебила его Ириха.— Вот бестолковый! Зачем ты стучал?

— Они меня прогнали гулять, а я не хотел. Мне с ними весело.— И неожиданно обратился к Митяю: — А почему ты такой рыжий?

— А тебе какое дело? — рассердился Митяй.— Почему ты сам такой белый?

— Ага! — обрадовался мальчишка.— Я так и знал, что ты спросишь. Я белый потому, что много молока пью. А почему, ты думаешь, на небе облака плавают? Не знаешь? А я знаю: это дым из заводов идёт, и получают облака. А почему дождь идёт?

Что за странный человек: то ревёт, то вопросы задаёт без передышки. Митяй растерянно пожал плечами и слегка попятился.

— Потому что на небе получается дырка и через неё протекает вода,— одним духом выпалил мальчишка.— А почему гром гремит? Тоже не знаешь?

— Хватит тебе почемукать! — остановила его Ириха.— Распочемукался! Ты лучше скажи, почему тебя из дому прогнали?

Мальчишка сразу приуныл и шмыгнул носом.

— Почему-почему... Потому и прогнали, что Почемука. Люблю спрашивать. А если мне про всё знать охота? Мама говорит, у меня особая детская болезнь, она так и называется — «почемукина». От этой болезни только в школе вылечивают. А в школу меня ещё не возьмут, мне только шесть лет.

— А почему тебя сейчас прогнали? — добрым голосом спросила Ириха.

— Потому что у нас сегодня новоселье. Гости пришли. Я их обо всём спрашивал. А мама говорит: «Мишука, дай ты людям отдохнуть. Иди на двор, поиграй там». А я не пошёл. И она меня прогнала.

Митяю стало жаль Почемуку — разве можно из дому больного человека выгонять?

— Хочешь с нами играть? Я тебе все игрушки почищу.

— Хочу! — закричал Мишука-Почемука, да так оглушительно, что спящая на подоконнике кошка вскочила и в испуге стремглав умчалась на пятый этаж.

— А я тебя от всех болезней вылечу, — пообещала Ириха. Ей нравился этот маленький горластый мальчишка, и, чтобы сделать ему приятное, она добавила: — Я тебе такое лекарство придумаю, что ты быстро вырастешь и тебя вместе с нами в школу примут.

ЗА МНОЙ НУЖЕН ГЛАЗ ДА ГЛАЗ

Митяй-Починяй, Ириха-Врачиха и Мишука-Почемука очень сдружились. Вместе гуляли, вместе играли. Про таких друзей говорят — водой не разольёшь.

По утрам раньше всех встаёт Митяй и сразу после завтрака отправляется будить Ириху.

Перед дверью Ирихиной квартиры Митяй проверяет, в порядке ли у него нос. Для этого Митяй смотрит на кончик носа сначала одним глазом, а потом другим — если смотреть сразу двумя, то ничего не увидишь. Конечно, на самом кончике носа что-то чернеет! Ничего не поделаешь, Митяй человек очень любопытный и суёт нос во все дырки и щели.

Митяй достаёт из кармана платок и старательно стирает пятнышко. Потом стучит в дверь, потому что ещё не достаёт до звонка. Тётя Тоня, Ирихина мать, всегда спрашивает:

— Что там за мышь скребется? — и, отворив дверь, удивляется: — Ах, это ты, Митяй! Здравствуй!

— Здравствуйте,— отвечает Митяй,— я не скребусь, а стучу.

Непонятная эта тётя Тоня. Каждое утро она принимает Митяя за мышь. А потом спрашивает:

— Где это ты с курами клевал?

Но сегодня обошлось без кур, не зря Митяй натёр нос до блеска. К такому носу трудно придраться.

Тётя Тоня насмешница, и хотя Митяй не любит, когда над ним смеются, но на тётю Тоню не сердится. Она хорошая: весёлая, добрая, ватрушками угощает.

— Проходи, проходи,— приглашает тётя Тоня,— пока Ириша завтракает, поиграй в её уголке.

Ириша любит покушать. Пока она завтракает, можно много всяких дел переделать. Поэтому Митяй не спеша отправляется в кукольную квартиру, которая расположена за кроватью. Здесь ему всё знакомо: больные куклы лежат в кроватях, выздоравливающие сидят в креслах. Везде чистота, как в настоящей больнице. Митяй придирчиво осматривает мебель, но все стулья и кровати в полном порядке — Митяй не раз уже их починял. Он даже склеил новую мебель из спичечных коробков. Хорошая получилась мебель, красивая, прочная! И ещё Митяй сделал Ирихе бормашину, точь-в-точь такую, какой её мать больным зубы починяет. Он выпросил у отца рыболовный крючок и привязал его ниткой к ножке Ирихиной кровати. Получилась прекрасная бормашина. Даже тётя Тоня залюбовалась:

— Не бормашина, загляденье!

— Починяй! — кричит из кухни Ириха. — Почини столик для куклы-малютки. Вчера Мишука его сломал.

Митяй принимается за дело, но тут из прихожей доносится громкий и частый стук и нетерпеливый голос:

— Почему долго спите?

Это, конечно, Мишука. Тётя Тоня открывает ему й, как всегда, говорит:

— Здравствуй, Мишука. Первым долгом нужно здороваться, а потом уже спрашивать.

Мишука всегда забывает поздороваться, потому что всякие вопросы не дают ему покоя.

— А почему Ириха еще завтракает?

Никто не отвечает — вопрос этот ненастоящий. Теперь уже все в доме знают, что Мишука задаёт вопросы просто по привычке. Если бы Ириха не завтракала, а лежала в постели или одевалась, Почемука спросил бы: «А почему Ириха ещё не встала? Не умылась? Не оделась?»

Ничего не поделаешь, такой уж он человек.

— Сиди вот здесь! — говорит тётя Тоня и показывает на стул, который ей хорошо виден из кухни.

— Почему здесь? — протестует Мишука. — Я лучше к куклам пойду.

— Нет, нет! — испуганно кричит Ириха из кухни. — Не ходи к моим куклам!

— Почему? — возмущается Мишука.

— Сиди здесь, — успокаивает его тётя Тоня, — и не спрашивай. Сам знаешь — почему.

Мишука тяжело вздыхает: что поделаешь, если ему так хочется знать, что находится внутри у кукол и вообще у всяких игрушек. Однажды Ириха поручила Мишуке сделать операцию своей любимой кукле-мигалке. Конечно, не правдашную: понарошку. А Мишука распорол ей живот, вытащил вату и выковырял прекрасные куклины глаза. Теперь лежит мигалка день и ночь с открытыми глазами — совсем сна лишилась.

— Мишука, не подходи к телевизору! Не тронь радиоприемник, сколько раз тебе говорить! Поставь на

место часы! — то и дело командует тётя Тоня. — Не будешь слушаться, отошлю к бабушке.

Мишука покорно садится на указанный стул и даже руки складывает на коленях. Сидит и молчит. Даже странно становится: Мишука — и вдруг молчит. Вид у него совсем больной, и Митяю жалко приятеля. Ведь если его прогонят, Мишутке придется домовничать с бабушкой, которая очень больна, а поэтому часто раздражается и кричит на внука: «И когда ты в школу пойдёшь, наказание моё? У меня руки до тебя не доходят, а за тобой нужен глаз да глаз!»

— Я больше не буду, — отвечает Мишука тётя Тоне. — Только вы меня не гоните, дома скучно.

— Хочешь этот коробок? — говорит Митяй и протягивает ему спичечный коробок. Пусть ломает, не жалко!

Но Мишуке коробок не нужен.

— Я уже его знаю, он неинтересный, — и вздыхает. — Когда же я в школу пойду?

КАК ИРИХА И МИШУКА ИЗ-ЗА СОЛНЫШКА ЧУТЬ НЕ ПОДРАЛИСЬ

— Пойдёшь, скоро пойдёшь, — утешает его тётя Тоня. — А теперь ступайте, мальчики, на балкон. Вот я со стола уберу и покажу вам школу.

На балконе жарко. Июньское солнце едва выглянуло из-за крыши, а уже припекает вовсю. По небу плывут облачка — белые-белые и кудрявые, как волосы куклы-мигалки.

— А из чего, думаешь, эти облака получаются? — хитро спрашивает Мишука.

— Из дыма, — отвечает Митяй, — ты же сам говорил — из дыма.

— А вот и нет! — торжествует Мишука. — Вовсе не

из дыма. Это тучи — из дыма, а облака — из мыльных пузырей. Когда пускают мыльные пузыри, то они поднимаются в небо, собираются вместе, вот и получаются белые облака.

— Вот придумал! Сколько же мыльных пузырей нужно? Видимо-невидимо!

— А ребят на свете сколько? — спрашивает Мишука и сам отвечает: — И ребят видимо-невидимо, и если каждый хотя бы по пузырьку пустит, знаешь, какие облачища получатся? А чтоб такие — совсем надо мало пузыриков!

— Выдумщик ты! — сердится Митяй, но объяснить, как облака получаются, не может и от этого еще больше сердится.

— Ой, Митяй-Починяй! — Глаза у Мишуки вдруг округлились. — Что это у тебя за пятнышки на лице? Ты, наверно, заболел! Когда я корью болел, тоже был весь в пятнышках.

Испугался Митяй: а вдруг он и вправду заболел? Кому же охота летом валяться в постели? Но тут Митяй увидел своё отражение в оконном стекле и понял, что Мишука смеётся над его веснушками.

— Эх ты, гляди как следует! Это медные гвоздики. Меня папа гвоздиками починил, чтобы кожа не трескалась!

Митяй даже языком прищёлкнул от удовольствия: ловко он про свои веснушки придумал!

Мишуке эта выдумка тоже понравилась:

— Хорошие гвоздики! Ты и меня почини, у меня тоже кожа трескается! — И он погладил пальцем царапину на щеке.

— Пусть тебя кошка починит! — захохотал Митяй. Вчера он сам видел, как соседская кошка оцарапала Почемуку. И за дело: он хотел узнать, почему у неё

хвост торчит трубой, и отогнул хвост вниз, но так ничего и не узнал, только царапину получил.

— А я знаю, а я знаю! Это веснушки! — тоненьким голосом затянула Ириха, которая уже позавтракала и вышла на балкон. — А у кого веснушки, того солнышко любит!

— Тебя, значит, солнышко не любит — у тебя веснушек нет, — недовольно фыркнул Мишука.

У Ирихи, и правда, кожа гладкая, смуглая, без единого пятнышка.

— Нет, любит, нет, любит! — Ириха запрыгала и захлопала в ладоши. — Я загорелая, значит, солнышко меня любит! А тебя не любит — ты белый!

— Вот как поддам! Тогда будешь знать, почему я белый: потому что много молока пью!

Чуть не подрались Ириха с Мишукой.

КАКАЯ ОНА, НАША ШКОЛА!

Вышла на балкон тётя Тоня, строгая, серьёзная, в светлом летнем пальто — на работу собралась.

— А ну догадайтесь, — говорит, — где ваша школа?

Стали ребята вокруг смотреть — со второго этажа далеко видно. Только нет ничего похожего на школу.

Рядом два пятиэтажных дома, в них люди живут. А напротив забор. Длинный, серый, неинтересный. А за забором лес ошетинился, будто перевёрнутая щётка.

— Ну кто из вас самый догадливый?

Молчат ребята, даже Почемука молчит — уж очень трудный вопрос.

— Да вот же она! Перед самыми вашими носами! — смеётся тётя Тоня. — Видите ограду?

— Видим!

— Радуйтесь! Это и есть ваша школа!

Молчат ребята, школу-ограду рассматривают; не нравится им такая школа.

— А почему у нее крыши нет? — спрашивает Почемука. — Как же мы будем учиться под открытым небом? Ведь нас дождь замочит!

— Или мороз заморозит! — качает головой Ириха.

— Или гроза убьет! — басит Митяй.

— Потерпите, будет вам и крыша! — улыбается тётя Тоня и застёгивает пальто на все пуговицы. — Ну, до свиданья. Мне пора!

— А когда она будет? — крикнул ей Митяй вдогонку, да опоздал: дверь хлопнула, застучали по лестнице каблуки — ушла тётя Тоня в поликлинику.

Внизу в подъезде хлопнула дверь, на крыльцо вместе с тётей Тоней вышла и Мишукина мать.

— Мама, ты куда? — кричит Мишука с балкона.

— На работу.

— А где твоя работа?

— В школе, — отвечает мать и машет платком. — До свиданья!

— Почему в школе? В школе не работают, а учатся! — изо всех сил кричит Мишука.

Но мать уже не слышит. Вот она в последний раз взмахнула платком и скрылась за поворотом.

Что это за нехорошая привычка у взрослых — загадку загадают, а отгадку сказать забудут? И уйдут. А ты мучайся, ломай голову — разгадывай!

ЧТО ТАМ, ЗА ОГРАДОЙ!

Тихо в доме — все на работе. Некому ответить на Мишукины «почему».

— Давайте разбудим бабушку и спросим, — предлагает Мишука.

— И не выдумывай! — замахала на него руками Ириха. — Бабушка больная, её нельзя беспокоить. От беспокойства больные ещё сильнее болят.

Ириха врач, ей лучше знать. Когда заходит спор о болезнях, ребята слушаются Ириху.

Может, самим во всём разобраться?

Пошли ребята на улицу. А на улице урчат громадные грузовики. У них в кузовах песок и какой-то серый порошок, мелкий-мелкий, как дорожная пыль. А на других грузовиках трубы и кирпичи, большие плиты — их называют блоками. Грузовики выстроились друг за другом в длинную очередь. Очередь тянется вдоль забора и исчезает за поворотом.

Когда последний грузовик проурчал мимо, ребята, взявшись за руки, перебежали дорогу.

Чох, чох! — ухало что-то за оградой.

— Кто это там чохает? — с беспокойством спросил Почемука.

— Я, когда была в зверинце, — ответила Ириха, — то там тоже кто-то пыхтел. Только я не знаю кто. Было очень много взрослых, и я между их ногами разглядела большие лапы с когтями.

Вдруг за оградой что-то пронзительно завизжало. Ириха вздрогнула и замолчала.

— Не бойся, — успокоил ее Митяй, — в деревне у бабы Кати поросёнок всегда так визжит, когда голодный.

— Нет, это не простой поросёнок, — опасливо прошептала Ириха. — Он дикий. Я его в зверинце видела. Только он визжал потише.

— Значит, их много, может, сто! — сказал Мишука. Ириха поёжилась.

— Пойдёмте лучше домой!

— Не бойся, у меня же молоток есть! — успокоил

её Митяй и вытащил из кармана свой блестящий молоток, с которым никогда не расставался.

Ириха сразу повеселела и перестала проситься домой.

Вот и забор. Издалека он казался низким, а вблизи будто вырос.

— Давайте найдём в заборе щёлочку и посмотрим,— предложил Мишука.

— А вдруг Чох-чих тебе глаз когтями выцарапает? — страшным шёпотом спросила Ириха.

— Не выцарапает. Мы будем в узкую щёлочку смотреть, в неё лапа не пролезет.

Мишука нашёл щёлку да так и прилип к ней.

— Ну говори, что там?

От нетерпения Ириха и Митяй стали дёргать его сзади за штаны.

— Ничего не видно!

Наконец Мишука уступил место. Стали Ириха и Митяй по очереди в щёлку смотреть. И верно: перед глазами одни серые блоки — всё загородили.

Пошли ребята другие щёлки искать. Много щёлок нашли, но так ничего и не увидели. Значит, надо пробраться за ограду. А узнать, что там, по ту сторону, хочется все сильнее. Просто не вмогуту!

ШКОЛА ЕЩЁ МАЛЕНЬКАЯ, ЕЙ НАДО ПОДРАСТИ!

Мимо медленно проехал грузовик с прицепом.

— Дяденька! — как можно вежливее окликнул шофёра Мишука. — Где тут вход? Мы идём, идём и никак не дойдём.

— На стройке не место для баловства,— строго сказал шофёр и затормозил.

— А почему так поросёнок визжит и Чох-чих
вздыхает?

Шофёр усмехнулся:

— Визжит электрическая пила, а ухает «баба», которая вбивает в землю сваи — специальные такие столбы из железобетона.

Вспомнил Митяй свою бабу Катю. Старенькая она.

— Провезите нас, дяденька. У меня молоток есть. Я помогу бабе столбы вколачивать.

Губы шофёра разошлись в улыбке.

— А ты не жалей «бабу», она не живая. Это машину так называют. Эх, была не была! — Шофёр распахнул дверцу кабины. — Садись, детвора. Довезу до ворот, а там сами шагайте. На стройке начальник строгий.

Забрались ребята в жаркую, пахнущую бензином кабину. Рывкнул грузовик и медленно покатил. Вот и ворота. А в воротах строгий сторож стоит, покрикивает:

— Куда едешь? Глядеть надо!

Уговор есть уговор — сошли ребята с грузовика, дальше придётся самим пробираться. Теперь сторожа видно лишь наполовину. Между колес широко расставлены его сапоги. Большие, серые от пыли. А над сапогами — брюки, тоже серые, не разберёшь, из какого материала сшиты. Совсем запылили грузовики сторожа. И чем больше он на них кричит, тем сильнее они урчат — сердятся.

Совсем заробела Ириха:

— Пошли домой, а то еще побьёт.

— Не побьёт, — прошептал Мишука. — Мы спрячемся за колёсами, он нас и не разглядит.

Но сторож оказался глазастым.

— Стой! — закричал он грозно. — Вы куда, сорванцы?

Машина враз взяла с места, колёса промелькнули

мимо, и ребята оказались лицом к лицу со сторожем. На нём была пятнистая серая рубаха, а на голове — носовой платок, концы которого были связаны над ушами и потешно топорщились в стороны. Может быть, поэтому сторож показался ребятам не очень страшным. И лицо смешное — полосатое. Это капельки пота проложили дорожки.

— А ну, шагайте сюда! — сторож поманил ребят, стащил с головы платок — и она вдруг заискрилась на солнце. Ветер взъерошил рыжие волосы, будто костер раздул. Потом сторож вытер лицо и словно маску снял: вместо грязных полосок на лице проступили знакомые веснушки.

— Дядя Дима! — в один голос закричали Ириха и Мишука.

— Папа! — ахнул Митяй. — Неужели это ты?

— Я, — подтвердил дядя Дима. — А вот кто вам позволил сюда прийти?

— Мы сами. Это же наша школа, вот мы и пришли, — протараторил Мишука.

— Школу еще не построили. Вот когда построим, тогда милости просим. А сейчас здесь не учатся, а работают.

— Значит, это не школа, а завод?

— Школа, только маленькая. Ей ещё надо подрасти, — засмеялся дядя Дима. — Вот подрастёт, тогда и приходите учиться.

КАКИЕ НАРЯДЫ РАЗДАВАЛ ДЯДЯ ДИМА

— А почему школа растёт? Разве она живая?

— Кто это тут почемукает? — спросил тоненький голос за спиной у ребят. — Уж не мой ли сын? Ну, конечно! Мишука, что ты здесь делаешь?

Почемукина мать, тётя Люба, остановилась в воротах. Маленькая, сын ей по плечо. Брови сдвинулись в одну стрелку. Из-под стрелки строго смотрят глаза, сияние, как лёд на речке.

Очень серьёзная мать у Мишуки.

— Ничего не делаю,— виновато пробормотал он,— просто разговариваю с дяденькой сторожем.

— Это почему же ты меня в сторожа определил? — спросил дядя Дима.

— Потому что сторожа всегда у ворот или у дверей стоят и никого без пропуска не пропускают.

В это время где-то на стройке зазвенел колокольчик, и к воротам потянулись люди. Одни уходили, а другие садились в тени у забора, развёртывали узелки с едой, неторопливо закусывали. Подошёл к воротам и дядя Коля, отец Ирихи, в комбинезоне, в рубашке с засученными рукавами.

— Что это ты хозяев в дом не пускаешь?

Приободрились ребята — выходит, они хозяева!

— Тут им не место. Упадёт что на голову, тогда уже поздно жалеть.

— Сейчас обеденный перерыв. Пусть походят, посмотрят, что к чему. Потом лучше школу будут беречь. Разрешите, командир!

Весёлый дядя Коля подмигнул ребятам: не робейте, мол, своего добивайтесь!

И правда, сдался в конце концов дядя Дима.

— Ладно, подождите минутку. Вот только наряды раздам.

Сел Мишука в сторонке — готов ждать хоть сто минут, так всё здесь интересно. А Митяй совсем загордился, от отца ни на шаг не отходит. Ещё бы, кому не лестно быть сыном командира стройки. Даже Ириха с него глаз не сводит. Только ей интересно другое —

очень хочется ей посмотреть, какие наряды будет раздавать дядя Дима. Ириха знает толк в нарядах, немало она перешила их для своих кукол.

— Пап, а пап,— шепчет она отцу,— пойди скажи дяде Диме, чтобы он себе один чистый оставил, а грязный в прачечную отдаст.

— Эх ты, выдумщица! — смеётся отец. — На языке строителей наряд — это задание. А дядя Дима — про-раб, вроде командир на стройке. Даст он тебе наряд-задание, и ты должен его в срок выполнить. Ведь стройка у нас срочная — к первому сентября в эту школу придут учиться ребята. Поэтому и дисциплина у нас строгая, как у военных.

КОМАНДИРЫ НЕ ТОЛЬКО КОМАНДУЮТ

— А почему дядя Дима ворота сторожил? — спрашивает Мишука. — Ведь командиры только командуют.

— Плох тот командир, который только командует.

Мишука недоверчиво шмыгает носом: наверно, смеётся дядя Коля! Да нет, вроде не смеётся.

— Представь себе,— говорит дядя Коля,— на фронте во время боя пулемёт вышел из строя, а пулемётчики ранены. Тут уж командиру не до команд. И пулемёт надо самому наладить, и бой вести. Иначе какой же он командир?

Верно. Хоть и живёт Мишука в мирное время, но не раз глядел фильмы о войне. Страшно! Пули свистят, мины взрываются, самолеты бомбы бросают. Воздух гудит, земля дрожит! Идут солдаты в бой, а командиры всегда впереди.

Выходит, и у Митяя такой отец! Столпились вокруг него строители, слушают задания, головой кивают: правильно, мол, командир, командуешь!

Завидно Мишуке — нет у него отца, только бабушка да мать. И та маленькая, худенькая.

— Пап, а ты почему не командир? — спрашивает Ириха отца.

Хохочет дядя Коля, ерошит дочкины кудри.

— Почему не командир? И я командир. Целой бригадой команду. А ну, хлопцы, не пора ли за дело? — кричит он.

И сразу в ответ откликаются несколько голосов. Люди встают, натягивают брезентовые рукавицы — к работе готовятся. Берёт и дядя Коля свои рукавицы, хлопает их друг о друга — пыль взлетает облаком.

— А у меня папа тоже был командир. Он летал в небе, а потом разбился, — говорит Мишука и отворачивается, потому что в носу начинает пощипывать. А это не к добру: могут закапать слезы.

— Знаю, знаю. Твой отец был всем командирам командир. — Мишука чувствует на голове руку дяди Коли. Рука большая, а лёгкая, как у матери. И гладит щекотно, так что невольно хочется рассмеяться. — Но и мама у тебя не хуже. А знаешь ли ты, Мишука, кто на стройке твоя мать?

— Кто?

— Крановщица. Самый, можно сказать, важный человек. Богатырь.

Веселеет Мишука — и от ласковой большой руки, и от похвальных слов про маму. Да только не очень-то верит: какой же она богатырь? Шутит дядя Коля.

ДВЕ ШКОЛЫ

Теперь рядом с домом растут сразу две школы. Одну строят Митяй, Ириха и Мишука, а другую — их родители. И хотя у ребят школа размером поменьше, но в

остальном ничем не отличается от той, настоящей, что с каждым днем все выше и выше поднимается за оградой. С тех пор как ребята побывали на стройке, они стали настоящими строителями.

Митяй вбивает в землю палки-сваи. Правда, палки не железобетонные, а деревянные, но тоже очень крепкие. Хороший получится фундамент. Долго на нем школа простоит.

— Чох-чих,— говорит Митяй, чтобы больше походить на «бабу», потому что его молоток стучит тук-тук, а не чох-чих, как надо.

— Ириха, скоро у тебя будет готов бетон? — кричит Мишука.— Живей поворачивайся. Надо школу обязательно к первому сентября построить, а то твоим кукам негде будет учиться.

— Сейчас! — отвечает Ириха. Теперь она уже не врач, а строитель. Своих кукол Ириха срочно вылечила, они отдыхают, сил набираются. С первого сентября Ириха решила всех отдать в школу. Пора им ума-разума набираться.

Бетон делают из песка, мелких камешков, серой дорожной пыли. Ириха сидит в песочнице и месит бетон руками, совсем как тесто.

— Долго ты ещё будешь возиться? Мне скоро бетон понадобится! — кричит Мишука.

Он бродит по всему двору, разыскивает кирпичи и камни для стройки. Сначала ребята решили класть школу из кубиков с картинками. Они очень похожи на блоки, из которых строят настоящую школу. Но дома узнали об этой затее и спрятали кубики. Приходится самим разыскивать кирпичи. Когда Мишука находит несколько хороших камней, он превращается в грузовик: урча, подруливает к стройке, разгружает их возле Митяя. Камней набралась целая куча. Мишуке

не терпится складывать стены, вот он и кричит на Ириху.

А Ириха уже устала. Тяжёлая это работа — замешивать бетон.

— Починяй кончил! Починяй — герой труда! — говорит довольный Митяй. — Все сваи вколотил. Чох-чих! — вздыхает он последний раз и вытирает пот со лба. — А теперь я буду командиром стройки!

Обидно Ирихе. Мишука был сначала грузовиком — возил блоки, а теперь станет каменщиком — будет класть стены. Починяй был «бабой» — вколачивал сваи, а теперь будет начальником. Надо и ей профессию переменить!

— Что же ты за командир? — говорит Ириха Митяю. — Командир должен всё знать, а ты бетон месить не умеешь. Давай-ка поработай на моём месте, поучись. Я буду командиром!

ИРИХА МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ

Рассердились мальчишки. Митяй покраснел, и лицо у него стало такое же рыжее, как волосы, а веснушки пропали. А Мишука, наоборот, так побледнел, будто его сметаной намазали.

— Женщины командирами не бывают, — заявил Митяй. — Ты забыла, кто на стройке самый главный начальник? Мой папа. А здесь я буду начальником. Я, Починяй, всё делать умею.

— Если тебе надоело месить бетон, — надув губы, сказал Мишука, — то иди домой и лечи своих кукол!

До слёз довели Ириху. Катятся из её глаз блестящие горошины, и вытереть нельзя — руки в бетоне. А по щекам уж ручьи бегут.

— Не хочу я быть врачом! Я буду крановщицей! Крановщица самый важный человек на стройке. Богатырь!

Переглянулись мальчишки и давай хохотать. Мишука смеётся тоненько, даже повизгивает, и Митяй от него не отстаёт: гогочет, за живот схватился.

— А что вы без воды на стройке сделаете? — кипятится Ириха. — Вот закрою кран, тогда узнаете! Ни рук помыть, ни воды попить, ни бетон замесить!

Вдруг какая-то сила оторвала Мишуку от земли, и он взлетел на воздух. Это мать незаметно подошла сзади и подбросила сына вверх.

— Ой, мама! — обрадовался Мишука. — Ты уже кончила работу!

— Обеденный перерыв! — сказала мать улыбаясь. — Пошли есть пироги. Что это вас так развеселило? И почему у тебя, Иринка, лицо будто кисточкой разрисовали?

— Это от пота, — объясняет Ириха. Не хочет признаться, что плакала. — Очень я устала бетон месить. Вспотела.

— Что же вы её, мужчины, не сменили? — пристыдила мальчишек тётя Люба. — На стройке нельзя так. У нас, строителей, есть закон: один за всех, все за одного.

— А мы её уже сменили! — захохотал Митяй. — Она у нас теперь крановщица!

— Настоящая работа! — похвалила тётя Люба. — Значит, мы с тобой, Иринка, сегодня вместе заступаем на смену. Выходит, у нас с тобой праздник!

Притих Мишука: какой такой праздник? И что случилось с матерью? С тех пор, как погиб отец, глаза у неё печальные, холодные, а сейчас расцвели, как васильки.

— Сегодня, ребята, я краном управлять в первый раз буду. Видите мой кран?

Повернулась Ириха к забору, а школу едва видно — второй этаж только начали строить. Зато высоко поднялась над забором вышка, вся из железных решёток, а на самом верху вышки такая же решётчатая перекладина, похожая на стрелу. Один конец стрелы короче, с тяжёлым грузом для равновесия, другой — длиннее, со шнуром на конце.

— Какой же это кран? — удивилась Ириха. — Вовсе это и не кран. Это вроде весов.

Засмеялись опять мальчишки, а хуже всего, что тётя Люба с ними заодно, от смеха даже голову назад запрокинула. Давно ребята не видели её такой весёлой.

— Так и быть, приходите после обеда на стройку! Сегодня я там главная, договорюсь, чтоб вас пропустили. Поучишься, Ириха, как на кране работать. Ведь ты крановщица!

И МАЛЕНЬКИЕ МАМЫ МОГУТ БЫТЬ БОГАТЫРЯМИ

Очень аппетитный обед сегодня бабушка приготовила — лапшу с курицей и пирожки с повидлом. В другое время Мишука уписывал бы за обе щёки, а сейчас сидит за столом как на иголках: скорее бы увидеть, как мать краном командует.

Наконец мать встала из-за стола и вместе с сыном отправилась на стройку. Спустились по лестнице, а у подъезда уже Ириха и Митяй ждут их не дождутся.

На стройке и правда было торжественно, как в праздник. Тёте Любе жали руку, желали «ни пуха ни пера», букет полевых ромашек поднесли.

Помахала тётя Люба букетом и стала подниматься по отвесной железной лестнице, всё выше, выше. Вот

уже и лица не разглядеть, только концы головного платка трепещут на ветру да букет ярким пятном мелькает между решёток. Один цветок выпал, долго летел, пока не упал перед Мишукой. Страшно ему стало.

— Мама, держись крепче! — закричал он в тревоге.

Мать такая маленькая, легкая, кажется — дунет ветер и сбросит на землю.

Дядя Коля погладил Мишуку по голове:

— Не бойся, твоя мать сильная, цепкая, не свалится.

А Ириха о другом беспокоится: не проглядеть бы, откуда вода из этого большущего крана польётся — сверху или снизу. Если сверху, то дождь получится — всех замочит. Вот бы хорошо! Уж очень пыльно на стройке, промыть бы тут всё как следует.

Водит глазами Ириха вверх — вниз, вверх — вниз, как бы чего не прозевать!

Тётя Люба почти до самой стрелы добралась. Там железный домик висит, стеклянными окошками сверкает. Очень похож на скворечник и еще — немного — на кабину самолета.

Вдруг длинный конец стрелы прочертил в воздухе дугу и наклонился. На стальных канатах, как паук на паутинке, спустился вниз большой крюк. Рабочие нацепили на него целую плиту с окнами и балконными дверями. Потом стрела плавно поднялась, а вместе с нею и плита. Она медленно поплыла над блоками, над бетономешалкой, над головами людей. Мишука даже дыхание затаил. Вот так мама! Выходит, она и в самом деле богатырь! Значит, не шутил дядя Коля. Каменщики на стене глаз с крана не сводят, кричат непонятные таинственные слова: «Вира!», «Майна!», руками размахивают, как милиционер на дорожном перекрёстке, показывают, куда плиту ставить. И плита по-

слушно — то вверх, то вниз, то немного в сторону — передвигается в воздухе. И опускается точно на указанное место.

Загляделась Ириха на всё это. Чудеса, да и только! А о главном забыла. Где же вода? Не может же кран без воды работать. На то он и кран, чтобы из него вода текла... А может быть, она уже текла? Неужели Ириха проморгала самое главное?

— Вы не видели, куда вода утекла? — дёрнула она дядю Диму за рукав.

Дядя Дима с трудом отвёл глаза от крана.

— Какая вода?

— Которую тётя Люба из крана выпускала.

Услышали мальчишки и давай хохотать.

— Эх ты, Врачиха! Это кран не водяной, а подъёмный! Сильный, как слон! Кого тётя Люба захочет, того он и перенесет.

Подняли Ириху на смех при всём народе, чуть до слёз не довели. Хорошо еще, дядя Дима их приструнил, Ирихе сказал:

— Смотри повнимательнее, раз крановщицей решила стать. Красивая профессия.

— Очень красивая! — согласился Мишука.

Стеклянная кабина купается в голубых лучах, блестит на солнце, как ракета, вокруг только птицы летают. И кажется Мишуке, что ещё минута — и полетит эта ракета в небо.

ИРИХА УПРАВЛЯЕТ КРАНОМ

Не по дням, а по часам растёт школа. Месяц назад только кран махал над забором могучей железной рукой да сверкал стеклянной кабиной, будто гигантским глазом подмигивал. А сегодня школа глядит через за-

бор окнами четвёртого этажа. Работа кипит всюду. Да и у ребят дела неплохи, трудятся не покладая рук. Ириха стала крановщицей, Мишука — такелажником, а Митяй — монтажником.

Зорко следит Ириха за тем, как работает кран, повторяет его движения. Вот взлетела вверх стрела, описала дугу в воздухе и опустилась за новым блоком. Ириха не зеваёт: опускает руку-стрелу, и Мишука-такелажник вкладывает в неё блок-кашечек.

— Вира! — кричит Мишука, а это на строительном языке означает — поднимай вверх.

Плывёт по воздуху огромный блок, крепко держит его кран в своей могучей руке. Плывёт по воздуху и Ирихина рука с камнем.

— Майна! — сигналил Митяй-монтажник, а это значит — опусти.

— Майна!.. Вира!.. — то и дело доносятся голоса со стройки. И вот уже блок прочно встал на своё место.

— Вира!.. Майна!.. — сердито кричит Митяй: не нравится ему, как Ириха опускает блок на стену.

Ириха послушно передвигает камень. Но на Митяя сегодня не угодишь.

— Ты что зеваешь? — кричит он. — Я тебе говорю «майна», а ты поднимаешь! Какая же ты крановщица: «виру» от «майны» не отличишь!

— А ты что-нибудь одно кричи — или «вира», или «майна», — обижается Ириха.

Спорят Ириха с Митяем, а работа стоит.

— Перестаньте! — совестит их Мишука. — Моя мама уже блок подняла, а вы ссоритесь. Так мы никогда школу не построим.

Утихомирились спорщики, за дело взялись. Солнце печёт всё сильнее, даже сквозь панамку припекает. Уже

и есть захотелось. Скоро на стройке зазвенит колокольчик на обеденный перерыв.

— Мишу-у-ка! — протяжно зовёт с балкона бабушка. — Куда ты запропастился? Наказанье моё! Иди обедать.

— Я маму дождусь! — изо всех сил кричит Мишука: бабушка глуховата.

— Иди, горе моё! Смотри, матери нажалуюсь! — грозит бабушка.

Вот и тётя Тоня идёт из поликлиники. Значит, не ошиблась бабушка — пора обедать.

КАК МИШУКА СТРОИТЕЛЯМ ПОМОГАЛ

Разошлись ребята по квартирам. А за окном визжат лебедки, машет железной рукой кран — полным ходом идет работа.

Ириха ещё обедала, когда Мишука застучал в дверь.

— Что это ты так стучишь? Сломаешь дверь, кто чинить будет?

— Починяй починит, — скороговоркой ответил Мишука и позвал Ириху. — Собирайся скорее! Мне бабушка велела маме обед отнести. Сегодня у них перерыв короткий, домой приходите некогда, — и Мишука показал узелок, от которого очень вкусно пахло.

— Ай-я-яй! — расстроилась тётя Тоня. — Совсем заматались люди! А что делать: лето на исходе, учебный год на носу. — И тоже пошла обед собирать для Ирихиного отца.

Тут и Митяй явился с судком в руках — и его снарядили на стройку.

— Давай, давай, Ириха, быстрее! Что ты никак не наешься! — торопят мальчики.

А Ириха никак не может от каши оторваться — уж

больно вкусна рисовая каша с молоком! Любит Ириха покушать, оттого и кругленькая. А тут ещё мать уговаривает:

— Ешь медленнее. Горячее не глотай — обожжешься.

Но вот и Ириха из-за стола поднялась. Схватил Мишука свой узелок, бросился к двери, чуть судок Митяя не опрокинул.

— Стой, Мишука, поспешишь — людей насмешишь! — кричит ему вслед тётя Тоня.

Мишукина бабушка тоже выглядывает из дверей, поучает внука:

— Не мельтеши, Михаил! Тише едешь — дальше будешь!

После этих советов и напутствий шагают ребята к стройке медленно и торжественно, как на параде. Митяй несёт судок на отлёте: как бы не разлить! Ириха держит авоську с кастрюлей перед собой на расстоянии, чтобы не обжечься. Только Мишука прижимает свой узелок к груди: от него так вкусно пахнет, а Мишука, как всегда, торопился и не успел поесть.

Зашли ребята в ворота, а на стройке тихо, будто вымерло. Только голубь воркует, видно, по ошибке сюда залетел.

Ириха чуть не заплакала от огорчения:

— Опоздали! Наверно, в столовую ушли.

— Дольше бы ела! — напустился на неё Мишука. — Говорил я тебе!

— А кого мне слушаться — тебя или маму? Мне мама велела есть.

Расшумелись ребята, один другого обвиняет. Даже голубь перестал ворковать — прислушивался, о чём спор.

— Вот наконец и наши кормильцы!

Оглянулись ребята, а в пролёте окна тётя Люба платочком машет. Забеспокоилась Ириха:

— А где мой папа?

— Здесь, целый и невредимый, только голодный как волк.

Заторопилась Ириха к подъезду, споткнулась, чуть суп не разлила. Спасибо Митяю — удержал, да ещё сказал:

— Не торопись. Тише едешь — дальше будешь.

Совсем как Почемукина бабушка. Уж таким Митяй уродился — взрослых слушает, всё у них перенимает, поэтому и знает больше.

Тётя Люба навстречу выбежала, помогла ребятам забраться по крутому настилу на первый этаж.

Здесь было прохладно. Рабочие сидели на ящиках и закусывали. В пролётах окон свободно гулял ветерок.

Ириха постелила на ящик газету, сняла с кастрюли крышку.

— Ох как пахнет соблазнительно! — покрутил носом дядя Коля.

— Твой любимый, с фрикадельками! — сказала Ириха и покраснела, будто не суп, а её похвалили.

Почемука тоже развернул свой узелок, а там жареные пирожки с капустой. Такие пахучие, что от одного запаха голова кружится.

— Ну и молодцы! Знаете вы с бабушкой, что мне по вкусу! — обрадовалась тётя Люба.

Митяй составил вместе два ящика и застелил их платком. Это стол. Рядом поставил ящичек поменьше — это стул. Потом разобрал судок — получились три кастрюльки. В первой суп, во второй — каша, а в третьей — кисель.

— После такого пира я и вторую смену без передышки работать смогу! — смеётся дядя Дима.

С аппетитом обедают строители: кто хорошо работает, тот и ест хорошо. Глядя на них, и сытому есть захочется. А о голодном и говорить нечего. Глотает Мишука слюнки — и откуда их столько взялось? Только успевай глотать.

— Что это ты, сынок, облизываешься? — спросила тётя Люба.

— Это я так. Это от ветра. У меня от него всегда слюнки текут, — придумал Мишука и отвернулся, чтобы не видеть соблазнительных пирожков.

Ириха не выдержала, прыснула: поделом тебе, Мишука! Не надо торопиться!

— Ох, ну и наелся! Больше не могу! — вздохнул дядя Дима. — Ну-ка помогайте, ребята!

Замотали головами Митяй с Ирихой — оба основательно дома заправились.

— И я уже сыт. Куда же мне деть эту куриную ножку? — сказал дядя Коля и почему-то посмотрел на Мишуку.

— Пирожки — пальчики оближешь! — похвалилась тётя Люба. — Но вот этот последний пирожок я уже съесть не в силах!

И тоже посмотрела на сына.

Хочет Мишука головой помотать, как Ириха и Митяй, да не получается. Совсем непослушная стала голова, еле-еле ворочается. И язык не слушается. Вместо «я не хочу» чуть не сказал «очень хочу!». Беда, да и только!

Встал дядя Дима из-за стола-ящика, усадил Мишуку на стул-ящик.

— Выручай, Мишука! Строители всегда выручают друг друга!

А дядя Коля положил перед Мишукой удивительно вкусную куриную ножку.

— Помогай, друг!

Хорошо помог Мишука — в один миг забелело дно в кастрюльке с супом, куриная ножка превратилась в гладкую косточку, а пирожок моментально растаял во рту, как сахарный петушок.

— Молодец! Настоящий помощник! — смеются рабочие.

СОКОЛ, А БЕЗ КРЫЛЬЕВ, ЛЕС, А БЕЗ ДЕРЕВЬЕВ

Вот и звонок залился: кончился обеденный перерыв. Поднялась тётя Люба в стеклянную кабину, разошлись по своим рабочим местам строители.

— Папа, можно мы школу посмотрим? — спросил Митяй.

— Некогда сейчас, сынок, по стройке гулять. Посмотрели в прошлый раз — и хватит.

Вдохнула Ириха, засопел Митяй, шмыгнул носом Мишука — очень хочется по школе пройтись. Ведь в прошлый раз школы почти не было, а сейчас она вон какая вымахала — в четыре этажа! Пожалел дядя Коля ребят, заступился:

— Пусть со мной идут — посмотрят, как моя комплексная работает.

Обрадовались ребята, побежали за ним. Крупно шагает Ирихин отец, торопится, видно, к своей комплексной машине. Еле поспевают ребята.

— Осторожно, осторожно! — то и дело предупреждает дядя Коля.

Почемука идёт вслед. Не хочется ему под ноги смотреть — хочется спрашивать. Что это за машина такая — комплексная? И как она работает? Видно, очень интересная машина. И кто этой машиной управляет? И по-

чему она работает не на улице, как кран? Значит, она не очень большая, если в доме уместается?

— Дядя Коля, а что это такое — комплексная?

— Потерпи, Мишук, сейчас сам увидишь.

— Хорошо, я потерплю, — соглашается Мишука и вздыхает: ничего не поделаешь, взрослые «почемукиной болезнью» не болеют, вот и не понять им, как это трудно — не задавать вопросов.

Всё выше и выше поднимаются ребята по лестнице: вот и четвёртый этаж. Здесь ещё нет перил — того и гляди, вниз полетишь. На лестничной площадке сложены доски, стоят ящики с раствором, чаны с красками. Поднял Мишука голову, а сквозь потолок небо голубеет, солнышко любопытно заглядывает, лучами-пальцами стены прощупывает, будто проверяет, всё ли в порядке. Покачал Митяй головой:

— Дядя Коля, почему у вас крыша дырявая? Дождик пойдёт, учеников замочит. Надо починить!

— А это ещё не крыша! — смеётся дядя Коля. — Наверху пятый этаж строят. Потом крышу настелим.

Зашел дядя Коля в просторный зал с высоким потолком, ребят пригласил.

— Вот она, моя комплексная! — говорит. — Прошу любить и жаловать!

Смотрят ребята во все глаза — где же она, эта комплексная?

Возле стен из простых, необструганных досок сколочены полки, каждая полка — в рост человека. Две девушки в платочках, повязанных до самых бровей, набирают раствор из ящика на плоские деревянные подносы, подают наверх рабочим. Раствор растекается по подносу, словно густая геркулесовая каша — вот-вот через край польётся. Но рабочие быстро подбирают его маленькими треугольными лопаточками и бросают

на стену. Залюбовались ребята ловкой работой, только Мишука ходит по залу, во все углы нос сует — комплексную машину ищет.

— Мальчик, не подходи близко к лесам. Упадёт сокол — расшибёт тебе голову. Будешь потом реветь.

Совсем растерялся Мишука — какие такие леса, какой такой сокол? И почему сокол упадёт на его голову? Ведь лес от школы далеко, хотя его и видно из окна. А сокол не страшен — пусть падает! Мишука быстро его поймает. Только вот где клетку раздобыть?

— Дядя Коля, можно мне вот этот пустой ящик взять?

— А для чего он тебе?

— Для сокола. Как только он упадёт мне на голову, я его цап-царап — и в ящик! А потом в клетку пересажу.

Смеётся Ирихин отец, ерошит светлые Мишукины волосы, хитро щурит глаза-угольки:

— Ну, если ты такой выдумщик, то отгадай загадку: «Сокол, а не птица, работает, а без рук, летает, а без крыльев».

Вздыхает Мишука, сопит Митяй, кричит Ириха — никак не отгадывается трудная загадка.

— А вот вам и отгадка! — Дядя Коля поднял плоский деревянный поднос с пола, положил на него раствора, подал рабочему.

Рабочий подхватил поднос, передал его выше — тому рабочему, что под самым потолком стоял. Ещё немного — и полетел поднос-сокол из рук в руки вниз — за новой порцией раствора. И верно: сокол, а не птица, летает, а без крыльев, работает, а без рук. Только где же леса без деревьев, в которых этот сокол живет?

Пригляделся Мишука и сам отгадал. Леса без деревьев — это те самые полки, с которых рабочие стены

штукатурят. За этими полками и столбиками, которые их держат, стен, как за лесом, не разглядишь.

Ирихе леса явно не нравятся — без них здесь было бы куда просторней и красивей.

— А эти леса так и будут здесь стоять, когда ребята в школу учиться придут?

— Не бойся, они в школе и на всякой стройке — временные гости. Как только стены оштукатурят и покрасят, так их сразу и уберут.

Пока дядя Коля объяснял это дочке и Митяю, Мишука полез на леса по доске, на которой вместо ступенек были планочки приколочены. Надо же было ему, наконец, отыскать комплексную машину!

— Эй, ты куда, пострел? — сердито закричал на него дяденька с усами, такими седыми, будто он их в раствор обмакнул. — А ну марш обратно! Здесь нельзя баловать.

— А я и не балую-ю! — захныкал Мишука. — Я машину ищущу-у-у! Ком-плек-снущу-ю-ю!

Старается Мишука, трёт сухие глаза, со стороны и впрямь кажется — вконец разобиделся парень. Митяй с Ирихой только посмеиваются — они уже давно знают эту Почемукину хитрость, а взрослые и не догадываются. Вот и дядя Коля попался на удочку:

— Не ругай его, дядя Егор. Моя вина: обещал объяснить про нашу комплексную, да забыл.

Посадил дядя Коля Мишуку на одно колено, дочку и Митяя — на другое, стал объяснять. Оказывается, комплексная — это вовсе и не машина, а люди: седой дядя Егор, его товарищи-строители, две девушки, которые подают им соколы с раствором. А все вместе они — бригада. Сегодня все в бригаде — штукатуры: покрывают стены школьного зала штукатуркой, чтобы они были ровными и не пропускали зимой тепло. А по-

том станут малярами — будут стены красить, паркетчиками — застелят пол паркетом. Вставят в окна стёкла — превратятся в стекольщиков. Это и значит работать комплексно — всё делать от начала и до конца.

МАСТЕР И МАСТЕРОК

— И я тоже комплексная, — похвасталась Ириха, — я и врачом работаю и крановщицей.

— И я! И я комплексный! — в один голос закричали Митяй и Мишука.

Девушки у растворного ящика прыснули со смеху. Надул губы Митяй: не любит он, когда над ним смеются.

— Чего смеётесь? Я всё починять умею.

— Правда, правда! Он всё-всё починяет. Его так и зовут: Митяй-Починяй, — подтвердила Ириха, — а меня — Врачихой, а вас как?

— А нас Олями.

— Обоих?

— Обоих.

Девушки смеются. Сверкают белые зубы, сверкают глаза под платочками. Под одним карие, под другим синие. Смеются, а про дело не забывают.

— Оля, раствор! — командует чей-то голос с лесов, и кареглазая Оля проворно поднимает над головой сокол с раствором.

— Оля, тёрку! — требует другой штукатур, и синеглазая Оля ловко забрасывает на подмост гладкую доску, которой разравнивают раствор, чтобы стена была ровной, гладкой.

Разобиделся Митяй — не верят Оли, что он Починяй. Покраснел, пыхтит, как паровоз, ещё немножко — и пар от него пойдёт. Хочется ему что-нибудь такое де-

вушкам сказать, чтоб не смеялись. Да только что сказать?

— Вы не комплексные, а я комплексный! — наконец выпаливает он. — Я дома всё перечинил, Ирихе мебель починил, табуретку починил... Вот...

Сразу на душе стало легче.

— Молодец, молодец, что и говорить! — похвалила кареглазая Оля, но смеяться не перестала, а синеглазая Оля хоть смеяться и перестала, но не похвалила, а даже отругала:

— А ты поменьше хвастайся, побольше учись. У нас в бригаде настоящие мастера, как на подбор. Вот мы с Олей строительную школу кончили, а всё ещё ученицы — здесь, на стройке, учимся. Смотри, как ловко дядя Егор справляется!

Стал Митяй смотреть. И правда — ловко. У дяди Егора раствор с лопаточки ляпается точно туда, где его не хватает, ровным-ровным слоем покрывает стену. Засмотрелся Митяй на дядю Егора: легко и красиво у него всё получается, как у жонглёров в цирке. Захотелось Митяю встать на его место, чтобы так же летали в его руках лопаточка с раствором, сокол и тёрка.

«Совсем лёгкая работа! — подумал Митяй. — Вот бы кто взял мсня в помощники, я бы тогда всем показал...»

И бывает же такое: дядя Егор словно угадал его мысли и крикнул:

— А где мой мастерок?!

Смекнул Митяй: дядя Егор мастер, а его помощник — мальчишка вроде Митяя, потому его мастерком и кличут. Наверно, вышел куда-то, а дело не ждёт — нужна дяде Егору подмога! Неужели Митяй не справится? Пусть Оли-насмешницы посмотрят и убедятся, что он никакой не хвастун, а самый настоящий масте-

рок на все руки! Сорвался Митяй с места, вихрем пронёсся мимо Оль, взлетел на леса:

— Я здесь, дядя Егор! Чего вам?

— Давай, давай мастерок! Не знаю уж, как и обронил! — дядя Егор не глядя протянул к нему руку с раскрытой ладонью. Смутился Митяй, никак не поймёт, чего дяде Егору надо. Осмотрелся кругом — ничего под ногами, кроме обломка кирпича, не валяется. Поднял Митяй кирпич и вложил в протянутую ладонь.

— Да ты что, парень? Мастерок мне, а не кирпич... Не понимаешь, так не лезь под руки. Оля, подай мастерок!

Снизу протянулась рука со знакомой треугольной лопаточкой — так вот что такое мастерок!

Тихонько спустился Митяй с лесов, на Оль взглянуть боится — опять засмеют. Встал позади Ирихи, затаился. Не слышно смеху, только голоса сверху, как команда:

— Оля, раствор!

— Тёрку!

— Сокол!

Кипит работа — до смеха ли Олям? Наверно, забыли про Митяя. И вдруг кареглазая спрашивает:

— А где же тот мальчик, Починяй?

— Куда же он делся? — забеспокоилась и синеглазая Оля.

— Я здесь! — пробасил Митяй. Очень он обрадовался, что Оли его Починяем назвали.

— Иди сюда, помоги! — говорит синеглазая Оля, а кареглазая протягивает ему мастерок и сокол, а на соколе — немножечко раствора лежит.

— Поди в тот угол, подмажь. Видишь, там штукатурка отвалилась.

Митяй придирчиво заглянул в глаза Олям — не смеются ли? Нет, нахмурились даже. Повеселел Митяй,

взял сокол, прижал краем к груди, как делает это дядя Егор. Только что это он такой тяжёлый и неудобный? Зачерпнул Митяй раствора на мастерок, ляпнул на стену, а раствор во все стороны разлетелся, на стене лишь капельки прилипли, зато Ирихино платье и Мишукины штаны на славу проштукатурились.

— Эх ты, недотёпа! — захныкала Ириха.

— Мазила! — протянул Мишука.

— Лиха беда начало! — подмигнула кареглазая Оля.

— Научишься! Не всё сразу, — подбодрила синеглазая Оля.

КАК МИТЯЙ НАСТОЯЩИМ ДЕЛОМ ЗАНЯЛСЯ

Расхотелось Митяю быть штукатуром. Решил он поискать другую работу. Огляделся вокруг — все делом заняты. Ирихин отец на леса залез — штукатурит. Оли раствор подают, а Ириха с Мишукой в углу пыхтят — мастерком учатся работать. Взял Митяй свой молоток, выскользнул за дверь, спустился на второй этаж, заглянул в двери просторных комнат. Это и есть классы, в которых ребята станут учиться. Здесь сладко пахнет свежей краской. Тихо, нарядно, торжественно.

А в коридоре шум. Одни рабочие мажут пол тягучей черной смолой, другие быстро укладывают светлые гладкие планки — паркет. Красивый узор получается, вроде ёлочки. Походил Митяй вокруг рабочих — не найдётся ли здесь для него дела? Глаз у него зоркий — быстро разглядел неполадку: одна планка выше других поднялась.

— Дядя, можно я эту паркетинку приколочу? — попросил Митяй.

Вдруг сзади как завизжит что-то!

— С дороги, с дороги! — раздался голос.

Оглянулся Митяй — прямо на него катит машина, похожая на большой электрополотёр, а от машины мелкая стружка летит. Толкает перед собой машину сердитый дяденька. Отскочил Митяй, прогудела мимо машина. Поискал Митяй глазами неровную планку, а её уже нет. Обстругала пол ловкая машина, все планки сравняла.

Заглянул Митяй в чан, потрогал полуостывшую смолу, а она сразу прилипла к рукам, как липучка для мух.

— Смотри, приклеится нос к битуму, потом не отдерёшь. У нас один такой любопытный без носа ушёл!

Митяй невольно за нос схватился, а он чуть к пальцу не приклеился.

— Что, на месте? — хохочут паркетчики. — Считай, тебе повезло!

Стал Митяй нос платком тереть, да не тут-то было — битум будто прирос к коже. Испугался Митяй, чуть не заревел — неужели на всю жизнь нос чёрным останется?

Пожалели его паркетчики, почистили нос соляркой, которой машинное масло и всякие липучки отмывают. Заблестел нос, как начищенная пуговица.

После этого происшествия Митяй всякий интерес к паркетному делу потерял.

Спустился он на первый этаж, пошёл по длинному коридору. На приставной лестнице под самым потолком электромонтер провода прилаживает. Увидел Митяя, закричал:

— Отойди, отойди, мальчик, током ударит!

Отскочил Митяй — с током шутить нельзя. Однажды захотелось посмотреть, что у розетки внутри и почему

лампочка загорается, когда штепсель в розетку втыкают. Отвинтил розетку, дотронулся до голой проволоки, а его как тряхнет!

Обошёл Митяй электромонтёра, дальше побрёл. С пятого этажа голоса долетают, команда: «Вира!», «Майна!» — там крышу настилают. А здесь тихо. Гулко разносятся голоса и шаги в пустынном коридоре, только электромонтёры свое дело заканчивают. Понурился Митяй — нет для него и здесь подходящей работы.

И вдруг из конца коридора донеслось весёлое: тук-тук, тук-тук!

Будто дятел в лесу стучит. Обрадовался Митяй, помчался на знакомый звук, влетел в распахнутые двери и — остановился. Такого просторного зала, таких широких окон он ещё не видел ни на одном этаже. В простенках леса поднимаются до самого потолка. На лесах рабочие стены красят. Макают резиновые валики в ведра с краской и катают эти валики по стене. Одна зелёная дорожка набегает на другую, и вот уже слились они в сплошное ровное зелёное поле.

Загляделся Митяй — вот бы ему тоже стену покрасить! — да сейчас не до этого: любимая работа рядом. Побежал Митяй в угол, откуда стук доносился. Смотрит — матрос доски приколачивает. Настоящий матрос, в бескозырке, на околыше надпись. Хотел Митяй прочесть, да две первые буквы незнакомые. Зато следующие четыре легко прочёл и даже шёпотом повторил:

— Бе-да. Беда.

Пригляделся Митяй — а пол вокруг гладкий, хорошо настелен — доска к доске. Зачем в него лишние гвозди вгонять? Не утерпел — спросил:

— Дядя матрос, вы что делаете?

Поднял матрос голову. Глаза зелёные, как морская

вода, и в крапинку, совсем как Митяев веснушчатый нос. Очень занятные глаза!

— Гвозди топлю!

Усмехнулся Митяй — кто же гвозди топит? Гвозди приколачивают.

— Это физкультурный зал,— сказал моряк и несколькими ударами так вогнал гвоздь в доску, что даже шляпки не стало видно.— Здесь ребята будут бегать, прыгать, играть в баскетбол, в волейбол. Если не утопить — гвозди из гнёзд вылезут. Ребята будут спотыкаться, носы и коленки разбивать. А мы гвозди утопим, шпаклевкой замажем, краской покроем. Будут носы и коленки в целости и сохранности.

— Дядя матрос, давайте я вам помогу! — попросил Митяй.— Я тоже топить умею.

— Помоги! — согласился матрос.— Только вот задача: лишнего молотка у меня нет.

— У меня есть! — обрадовался Митяй и вынул из кармана свой молоток. А чтобы матрос не раздумал, облюбовал один гвоздь, нацелился и с трёх ударов ловко утопил его.

— О, да мы, оказывается, товарищи по профессии! — похвалил матрос Митяя и протянул ему руку: — Тогда давай знакомиться! Читать умеешь?

— Умею! Нас в детском саду научили.

— Тогда читай: мое имя на бескозырке написано!

— Бе-да! Беда! — по складам прочитал Митяй знакомые буквы.

— Сам ты беда бедовая! — сказал матрос и небольно щёлкнул Митяя по носу.— Не «беда», а «Победа»!

— Победа! — повторил Митяй и засмеялся.— Это не ваше имя, это так корабль называют, на котором вы служите! Я знаю!

— Правильно. Только не служу, а служил. Но зовут

меня все-таки тоже Победа, потому что мое имя римское — Виктор по-русски значит «Победа».

Задумался Митяй: как ему лучше назваться? Дмитрий — неплохо. Только полное имя всегда с отчеством называют. А Митяй звучит несолидно, вроде чего-то не хватает.

— А я Починяй. Я всё починаю, вот меня и зовут Починяй.

— Хорошее имя! — одобрил Победа.

И они опять взялись за работу.

Тук-тук! — стучит молоток Победы.

Тук-тук! — поддакивает молоток Починяя, будто хочет сказать: «Хорошо работаем! Очень хорошо!»

КАК ИРИХА-ВРАЧИХА ЧЕЛОВЕКА ОТ СМЕРТИ СПАСЛА

— Ой-ё-ёй! — вдруг закричал Победа и за палец схватился. — Вот что значит во время работы ляссы точить! Ишь какую занозу под ноготь вогнал!

Бросил Митяй свой молоток, спросил виноватым голосом:

— Больно? — Ведь это он дядю Победу от дела отвлек.

— Больно не больно, а неприятно: если занозу не вытащить, рука распухнет, придётся лечиться.

Засопел Митяй. Последнее это дело — лечиться. Сиди дома, принимай лекарства, на улицу и носа не высовывай. Митяй по себе это знает.

— Эй, девушки-красавицы! — крикнул дядя Победа. — Кто из вас самый ловкий! Спасайте человека от смерти!

Спустились девушки-маляры с лесов, ахают, охают, а помочь не могут: руки у них грязные, ни йоду, ни бинтов нет.

— Заражение крови может получиться, если заноза гнилая.

— В больницу бы тебе, к врачу!

Обрадовался Митяй — про Ириху-Врачиху вспомнил.

— Дядя Победа, потерпите минуточку, сейчас вас обязательно спасут! — завопил вдруг Митяй и пулей вылетел из зала.

Не передохнув, он поднялся на четвёртый этаж, распахнул дверь и крикнул:

— Ириха, беги, на первом этаже человека ранило!

Митяй думал, что все всполошатся, а уж Ириха — всех больше. Да не тут-то было! На лесах никто даже и не взглянул в сторону Митяя, а Ириха, заляпанная раствором, оглянулась и спросила:

— Где ты пропадал? Я, видишь, как здорово штукатурую!

— Вот бессердечная!

— Чего ты там шепчешь? — спросила Ириха.

— На первом этаже раненый! — чутьчку отдышавшись, пропищал Митяй.

— Что же ты до сих пор молчал? — Ириха бросила мастерок и — в дверь. — Папа, я к больному!

Митяй с Мишукой за ней — нельзя оставлять товарища в такой ответственный момент!

Бежит Ириха-Врачиха, а на боку у нее сумочка с красным крестом прыгает — с этой сумочкой Ириха никогда не расстанется, как Митяй-Починяй — со своим молотком.

Мишука первым примчался в зал и сразу закричал:

— Расступитесь! Скорая помощь приехала! Врач идет!

Расступились маляры, озираются: где же врач? Никому и невдомек, что про Ириху речь. А она времени не теряет — расстегнула сумочку, расстелила на табу-

ретке марлю, разложила на ней своё медицинское хозяйство: пузырёк с йодом, бинт, вату, мазочку.

— Где больной? — спрашивает.

— Я больной, — сказал дядя Победа и палец с занозой протянул.

Осмотрела Ириха палец, нахмурилась, сказала по-маминому:

— Очень трудный случай. Придётся удалить. Мне нужна вода. И ещё иголка. И ещё спички.

— Шла бы ты, девочка, домой! — вздохнула тетенька маляр. — Здесь не до игрушек.

— Вы не думайте, тётенька, я умею. У меня мама врач, она меня лечить научила. Вон спросите Митяя, я тоже его лечила.

— Лечила, лечила! — подтвердил Митяй. — Она правильно лечит.

— Пусть лечит! — сказал дядя Победа и протянул Ирихе спички.

Поверила тётенька маляр, принесла воды в ковшике, полила Ирихе на руки. И иголку дала.

Зажгла Ириха спичку, прокалила на огне иголку да ещё йодом протёрла — всех вредных микробов убила. Сказала докторским, строгим голосом:

— Отвернитесь, больной. Если будет больно — кричите. Не стесняйтесь. Только не дёргайтесь, мне не мешайте.

Смеётся дядя Победа, не отворачивается.

— Что вы, товарищ врач! Я матрос, мне не к лицу кричать.

Тут прибежал Мишука.

— А почему вы из флота ушли? Почему на стройке рабстаете? Почему вас Победой зовут? — набросился он на больного.

Всё выпросил Почемука. И про броненосец «Побе-

да», на котором тот служил, и про строительный техникум, который только что кончил вместе с Олями, и про то, что со временем будет работать прорабом — начальником стройки.

— Почему же вы не командуете, как дядя Дима? Почему гвозди приколачиваете?

— Иначе нельзя! — смеётся дядя Победа. — Что же это за командир корабля, который матросскую службу нести не может? Что же это за командир стройки, который гвоздя приколотить не сумеет?

— Я тоже прорабом буду! — говорит Митяй. — Я уже починять умею. И гвозди топить.

— Умеешь, умеешь! — соглашается дядя Победа и улыбается, будто и не у него занозу вытаскивают.

Подходящее у человека имя!

— Всё! — вдруг сказала Ириха. — Смотрите, больной, свою занозу!

Заноза оказалась длинной и красной от йода. Победа с уважением вертел её в пальцах.

— Ну и Ириха! Ну и врача! Человека, можно сказать, от смерти спасла! Вот спасибо! Вот выручила!

— Пожалуйста! Пожалуйста! — скромно отвечает Ириха и собирает своё медицинское хозяйство в санитарную сумочку. — Только смотрите — два часа после операции ничего есть нельзя.

— Садитесь, товарищ врача! — сказал Мишука, когда они втроём вышли на улицу. — Вот «Скорая помощь»! Она повезёт вас к больному.

Никакой «Скорой помощи» у подъезда не было: Мишука её придумал. Но Митяй не удивился бы, если сейчас и вправду к ним подкатила «Скорая помощь» и увезла Ириху к больному — такая она была сейчас важная, настоящий доктор!

Мальчики проводили Ириху до самой квартиры и

в знак уважения к её врачебному таланту в четыре ноги постучали в дверь.

Тётя Тоня сразу же набросилась на Ириху с упрёками:

— Как не стыдно! Бродит неизвестно где! Я с ног сбилась — ищущу!

От Ирихиной важности вмиг и следа не осталось.

— Мама, я человека от смерти спасла! — робко оправдывалась она.

— Правда, правда, спасла! — горячо подтвердил Мишука. — А то бы он умер от заражения крови!

— Честное-пречестное слово — спасла! — поклялся и Митяй. — Не ругайте Ириху!

— Ну уж если спасла!.. — тётя Тоня улыбнулась и больше не ругала дочку. У кого же хватит духу ругать человека за то, что он больного от смерти спас?

ШКОЛА БУДЕТ СДАВАТЬ ЭКЗАМЕН

Однажды утром Мишука проснулся и потянул воздух носом: пахло любимыми мамиными духами. Мать стояла у зеркала в шёлковом голубом платье и праздничных туфлях-лодочках и красиво укладывала волосы.

Удивился Мишука: сегодня не воскресенье, а мамин комбинезон висит на вешалке. Взглянул на часы: половина девятого. Уже полчаса мама должна работать на стройке.

Тик, да не так, тик, да не так! — укоризненно отстукивают часы на стене.

— Мама, сегодня Первомай? — спросил Мишука.

— Нет, Первомай был весной.

— Значит, октябрьские праздники?

— Нет, до осени еще далеко.

— Может, День авиации?

— Нет, сынок.

Лопнуло у Мишуки терпение:

— Почему же ты тогда, мама, на работу не идёшь?

— Потому что сегодня очень важный день: сегодня мы, строители, школу сдаём.

— Куда сдаёте? В починку? В ремонт? В металлолом? Зачем же сдавать такую красивую, совсем новёхонькую школу в починку?

Вместе с бабушкой Мишука не раз сдавал стоптанные туфли в починку, приёмник — в ремонт, а заржавленный керогаз и прохудившееся ведро — в металлолом. Но ведь это были совсем старые вещи!

— Не беспокойся: не в починку, не в ремонт и не в металлолом. Приёмочной комиссии.

— А что такое приёмочная комиссия?

— Это очень знающие люди — архитекторы, инженеры, пожарники. Будут проверять, всё ли сделано, как надо, нет ли каких неполадок. Словом, будет сегодня школа вроде как экзамен сдавать!

Вот это новость: школа будет сдавать экзамен! Мишука знал, что экзамены сдают старшие школьники, а вот о том, что школа тоже сдаёт экзамен, слышал впервые.

— Мамочка, миленькая, хорошенькая, самая лучшая! — взмолился Мишука. — Возьми меня на экзамен. Я у тебя за спиной спрячусь, меня никто и не заметит! Возьми, пожалуйста!

— Возьми его, а то он тут покоя не даст мне своими почемуками! — попросила и бабушка. — А мне сегодня не до него, совсем спина разболелась. Видать, к несчастью.

— Возьми, мамочка, а то бабушке будет плохо! — подтвердил Мишука.

— Ну и хитрец ты у меня! — засмеялась мать. — Ладно, собирайся. Да быстрее, не то школа без нас экзамен сдаст.

Никогда ещё Мишука не одевался так быстро и так аккуратно. Лицо и руки отмыл до блеска, даже сам повязал на груди ненавистный бант — белый, в горошину. Только бы мама не передумала!

Вышел Мишука из дому гордый, торжественный. Глядь, а по лестнице спускаются Ириха и Митяй со своими отцами, и тоже все важные! У Ирихи бант на голове, а на Митяе — новая ученическая форма.

— Эй, Ириха! — крикнул Мишука. — А я в школу иду. Школа будет экзамен сдавать!

— Подумаешь! — протянула Ириха. — А я иду к школе на день рождения! Видишь, какая нарядная?

— Мама, что же у школы — экзамен или день рождения? — спросил Мишука.

Смеётся мать:

— И экзамен, и день рождения.

КАК БЫ ШКОЛА ОТ ДОЖДЕЙ НЕ РАЗМОКЛА!

Митяй новой ученической формой очень гордится — то берет поправит, то куртку одернёт. И говорит так важно:

— Мы с папой будем школу сдавать комиссии.

Мишука стащил с себя малышей гороховый бант и потихоньку спрятал в карман. А чтобы Митяй не больно-то задавался, сказал:

— И неправда, и неправда! Это моя мама школу сдаёт, а вовсе не ты!

— А вот и я тоже! — Митяй ещё выше задрал свой веснушчатый нос. — Я весь пол в физкультурном зале перечинил!

— И я тоже сдаю! — качнула бантом Ириха. — Я целый угол на четвёртом этаже заштукатурила.

— А я разве не штукатурил? — закричал Мишука.

— Вместе строили, вместе и сдавать будем, — вмешался дядя Коля. — О чём спор?

И верно — ни о чём. Да и некогда спорить — вот она, школа! Вошли ребята в ворота и глазам своим не верят: уж не волшебник ли здесь побывал? Мусор убран, пыль сдута, да ещё цветы насажены там, где недавно горами громоздились блоки. Асфальтированная дорожка бежит от ворот до подъезда.

Запрокинул Мишука голову — ну и высота! Дома вокруг, как и школа, пятиэтажные, а куда ниже ростом.

Маленькое пухлое облачко зацепилось за антенну на школьной крыше — стоит неподвижно, никак не отцепится.

— Надо было пониже крышу сделать, — сказал Мишука. — Облака вон за неё цепляются. Будет на крышу всё время дождик лить, что тогда делать? Промокнет школа, будет у всех учеников насморк.

— Ох ты, горе мое! — вздохнула тётя Люба. — Вечно ты что-нибудь выдумаешь! Облако и не думало цепляться. Просто день тихий, вот оно и остановилось над школой. Это только кажется, будто оно близко, а на самом деле очень далеко. Если школу даже в сто этажей построить, все равно до него не достать. Радуйся, что школа высокая: больше в ней света, простора, воздуха — в таком доме и учиться веселей.

— Ясно, веселей! — солидно поддакнул Митяй. — Выше всегда лучше. Мишука маленький, вот ему всё маленькое и нравится. Он ещё в детсад пойдёт.

Приуныл Мишука: до школы еще целый год расти.

— И неправда! Мне школа нравится. Просто я боялся, что она размокнет,

В подъезде школы собралось много народу. Разбежались у ребят глаза — неужели всё это приёмочная комиссия? Одни по праздничному нарядные, другие в комбинезонах. Увидел Мишука матроса — обрадовался:

— Дядя Победа, вы тоже школу сдавать пришли? А почему вы как на работу оделись?

— А потому, что, если комиссия какой изъян найдёт, мы его тут же исправим. Починяй, ты свой молоток не забыл?

— Не забыл,— гудит Митяй солидным, отцовским баском.

— Товарищи родители, сегодня по учебным вопросам я не принимаю,— громко объявила полная тётя и выразительно посмотрела на ребят.— Заходите завтра.

Никогда ещё Мишука не видел таких строгих тёть: и глаза строгие, и лицо, и платье в мелкую синюю полосочку, и даже причёска строгая — волосок к волоску. Заробел Мишука, на всякий случай за мать спрятался.

— А мы не по учебным вопросам, а по строительным, товарищ директор школы,— сказал дядя Дима и вытолкнул вперёд заробевшего сына.— Это ваш будущий ученик, Вера Ивановна, а пока что, можно сказать, строитель.

— Верно, верно! Этот пацан вместе со мной гвозди топил,— подтвердил Победа.— А вот эта девочка, Ириха, меня, можно сказать, от смерти спасла.

Осмелел Мишука, выглянул из-за матери — может, и за него кто словечко замолвит?

— Выходи, выходи, герой труда! — подбодрил его дядя Егор.— Могу поручиться, что сей отрок штука-турил на совесть!

— На пятёрку! — в один голос подтвердили обе Оли.

— Ах вот оно что! — уважительно протянула Вера Ивановна и сразу подобрела лицом. — Выходит, вы сегодня самые главные. Раз школу строили — значит, вам её сдавать. Раз будете в ней учиться — значит, вам её и принимать. Ведь вы хозяева школы! Идите, хозяева, впереди и всё примечайте. Договорились?

— Договорились! — закричали ребята.

Так и поднялись на пятый этаж — впереди Мишука, Митяй и Ириха, а позади — приёмочная комиссия.

КАК МИТЯЙ СО СВОИМ МОЛОТКОМ РАССТАЛСЯ

Идёт Мишука, головой вертит — как бы не проглядеть какую неполадку. Но как ни глядит — ничего не выглядит. Блестит паркет начищенный, сверкают ручки дверей, бесшумно отстукивают время большие электрические часы на стенах. Звенят ключи в скважинах, одна за другой гостеприимно распахиваются двери классов. А за дверями поблескивают масляной краской стены и парты — зелёные, синие, голубые, жёлтые. Сияют натёртые до зеркального блеска оконные стёкла. Даже чёрная доска сверкает, будто ее только что почистили ваксой. Потянулся к ней Мишука, а рука и до середины доски не достала. Как же будут первоклассники на такой доске писать?

— Тётя директор, а тётя директор! — закричал Мишука. — Смотрите, как высоко доску повесили! Ребятам не дотянуться.

Вера Ивановна только руками развела:

— Молодцы! Деловое замечание. Только здесь будут учиться старшеклассники, вот доска и висит вы-

соко. А на первом этаже доски висят ниже — для первоклассников.

— Ух, и строгая у нас приёмочная комиссия! — покрутил головой дядя Дима.

— Ничего не поделаешь, на то она и приёмочная! — сказала Вера Ивановна.

Мишуке захотелось поскорее попасть в класс для первоклассников, но комиссия направилась в школьную мастерскую. Пришлось потерпеть — ведь Вера Ивановна велела всё проверить.

В мастерской парт не было, только вдоль стен тянулись полки для инструментов да из-под пола торчали толстые провода в резиновой обмотке — здесь поставят станки, как на настоящих заводах. И ребята будут детали вытачивать, доски строгать. Только всё это ещё впереди, а пока есть лишь голые полки да провода. Ходит дядя Егор меж полок, сокрушается:

— Что же это за мастерская — без станков да без инструмента?

— Верно, — соглашается дядя Дима, — мастерская без инструмента что мастер без рук.

— Есть, есть инструмент! — раздался за его спиной взволнованный голос.

Обернулись все — и верно!

Лежит на нижней полке молоток. Маленький, блестящий, но уже не новенький. Видно, что побывал не раз в работе: ручка обтёрлась и залоснилась.

— А не жалко, сынок, молотка? — спросил отец.

— Не жалко. — И Митяй в доказательство своих слов первым вышел из мастерской.

А молоток остался. Маленький, блестящий, с потёртой ручкой. И в мастерской сразу стало веселее: любой человек теперь мог сказать, что это не просто комната с полками, а мастерская.

МИШУКА ВЫБИРАЕТ СЕБЕ МЕСТО

— А ну-ка, зайди сюда! — Вера Ивановна распахнула дверь.

Мишука увидел комнату с маленькими голубыми партами. Доска была низко подвешена и блестела. Мишука не удержался, схватил мел с желобка и быстро нарисовал человечка, приговаривая волшебные слова:

— Точка, точка, два крючочка, носик, ротик, оборотик, палка, палка, огуречик, вот и вышел человечек.

Эти слова всегда помогают рисовать. Вот и сейчас помогли — улыбается Вера Ивановна, значит, и ей рисунок понравился.

— Ты, мальчуган, в какой класс записан? — спрашивает.

— Он ни в какой, ему ещё только шесть лет, — затараторил Митяй. — А я в первый «А» записан. — И он опять с гордостью оглядел свою новую форму.

— И я тоже в первый «А», — заявила Ириха.

— Вот это и есть первый «А», — сказала Вера Ивановна и подмигнула помрачневшему Мишуке.

Ушла Вера Ивановна, а Митяю с Ирихой так понравилось в своём классе, что они и про приёмочную комиссию забыли, и про свои обязанности. Облюбовали себе парты в первом ряду, сидят, хохочут. Потом Ириха встала возле учительского стола, откинула волосы назад и стала их назад приглаживать, волосок к волоску, как у Веры Ивановны.

— Митяй-Починяй, иди к доске, — строго пропичала она. — Сейчас я буду тебя учить.

— Нет, это я тебя буду учить! — возразил Митяй. Они заспорили, а про Мишуку забыли.

А он выбрал себе парту у окна, достал из кармана карандаш, помусолил грифель, чтоб лучше писал, и

приготовился выводить буквы на парте, да пожалел: уж больно она чистая да блестящая, видно, очень малыши старались — красили.

Вдруг видит — на полу у окна тетрадный листок бежит. Кто-то обронил. Взял Мишука листок, сел снова за парту и стал писать. А так как читать и писать он научился сам, с помощью кубиков, то он, конечно, не знал, как надо правильно писать буквы. Поэтому у него и получилось вот что:

СТА ПАЧТА МАГ

Потом подумал, полюбовался на свою работу и подписался:

ПАЧЭ МУ ЯА

Очень старался Мишука, даже язык высунул, совсем лиловый стал от химического карандаша! Закончит Мишука букву и языком прищёлкнет — вроде как похвалит самого себя за усердие. Потом собрал Мишука все крошки из кармана, размял их пальцами и прилепил бумажку к откидной крышке парты.

Пусть все знают, чья это парта!

СЕГОДНЯ ВСЁ НЕ КАК ВСЕГДА!

Утром Митяй, как всегда, зашел за Ирихой.

Нет, не как всегда! Как всегда, он заходил за ней играть, а сегодня — чтобы в школу идти. Сегодня — первое сентября!

Хотел Митяй постучать в дверь ногой, да раздумал. Не годится школьнику ногой стучать. Взял он половую щётку, которая стояла у соседнего порога, черенком щётки дотянулся до электрического звонка и нажал

на кнопку. Дверь немедленно открылась, и тётя Тоня, по-праздничному нарядная, впустила Митяя в переднюю.

— Ах, Митяй, ты стал совсем взрослый! — всплеснула она руками. — И как тебе школьная форма идёт!

Вчера ещё Митяй стучался в эту дверь, и тётя Тоня, как всегда, удивлялась: «Ах, это ты, Митяй? А я думала, мышь!» Но это было вчера. А сегодня... сегодня всё не как всегда!

Даже Ириха на себя не похожа — уже позавтракала.

— Мама! — сказала Ириха. — Ты нас сегодня не провожай. Школа рядом, и мы сами уже знаем, в каком классе будем учиться.

— Да и вообще мы всё знаем, — для пущей важности сказал Митяй. — Ведь мы сами эту школу строили.

— Да, да, — согласилась тётя Тоня. — Вы теперь совсем взрослые. Идите, а я на вас с балкона посмотрю.

И Митяй с Ирихой пошли — не как всегда помчались сломя голову, — а медленно и с достоинством зашагали в школу. Ириха несла большой — выше головы — букет цветов. Такой большой, что белый бант в её волосах казался бабочкой — вот отдохнёт немного бабочка, вспорхнёт с цветов и улетит. А так как обе руки у Ирихи были заняты букетом, то Митяю пришлось нести сразу два портфеля — её и свой. Время от времени Митяй встряхивал портфелями, чтобы послушать, как приятно гремят в них пеналы, карандаши, счётные палочки и буквари.

Оглянулся Митяй, а на балконах его мать и тётя Тоня стоят, платочками машут. И на других балконах тоже люди стоят, хотя платочками и не машут. Но все, конечно, рады за них с Ирихой, и на балкон вышли специально, чтобы на них посмотреть. На кого же ещё

сегодня смотреть? Ведь всё вокруг — как всегда, только они с Ирихой не как всегда. Они стали взрослыми.

А Мишука ещё малыш. Он даже на балкон не вышел. Не хочет друзей в школу проводить. Наверно, обиделся.

— Жалко Почемуку,— вздохнул Митяй.— Сидит сейчас дома и плачет.

— Жалко,— вздохнула Ириха.— Да ничего не поделаешь. Надо было раньше думать и пораньше родиться.

— Конечно, надо было раньше,— согласился Митяй.

— Давай позовём его,— предложила Ириха и закричала: — Почемука, Почемука!

Долго они кричали, даже охрипли от крика.

— Смотрите, опоздаете! — предупредила их тётя Тоня.— Спит ваш Почемука, а вы теперь школьники, вам надо спешить.

Так и не вышел на балкон Мишука-Почемука.

КАКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА С КОРОНОЙ, ТА И НАША!

У распахнутых ворот стояла тётенька с красной повязкой на рукаве и на каждого школьника шипела:

— Ш-ш-ш! Митинг идет!

И чем старше и выше был школьник, тем грознее шипела.

— Ш-ш-ш! Совсем за лето про дисциплину забыли!

— Здравствуйте, нянечка! — ласково здоровались старшеклассники и дарили сердитой нянечке цветы.

На Ириху с Митяем нянечка шипеть не стала, только спросила:

— Первоклассники? В какой класс записаны?

— В первый «А».

— А почему опоздали?

Хотела Ириха объяснить, как они звали товарища и как он не вышел, да заробела.

— Ладно, на первый раз прощается, — сказала нянечка. — Идите к Нине Павловне, она и есть ваша учительница. Высокая такая, с прической вроде короны. Да не шумите — митинг идет, школу открывают.

Удивились ребята: чего только не делают со школой! Сначала она была маленькой — из-за ограды не разглядишь. Вокруг нее хлопотали люди и машины — старались, чтоб она родилась быстрее. Когда она подросла, пришлось поставить кран, чтоб до стен дотянуться. Потом ее стали украшать и наряжать — чистить, красить, строгать и мыть, пока она не заблестела на солнце всеми своими окнами. Наконец, строители сняли свои запыленные комбинезоны, надели праздничные костюмы и пошли сдавать новую школу приёмочной комиссии. И комиссия поставила школе самую высокую оценку — пятёрку. В тот день строители праздновали день рождения школы, потому что школа уже перестала быть стройкой и начала готовиться к учебному году.

И вот сегодня её открывают. Интересно, как это её открывать будут?

— Смотри, смотри, Ириха! — зашептал Митяй. — Дядя Егор говорит!

Дядя Егор, в белой праздничной рубаше, отчего его борода стала вроде чуть темней, стоял на верхней ступеньке. Позади него, между перилами лестницы, алела ленточка — дорогу в школу закрыла.

— ...Мы старались строить как можно лучше, чтоб вам, ребята, здесь было тепло, уютно и весело. И чтоб учились вы только на пятёрки. И я от имени строителей прошу беречь школу...

Переглянулись Митяй с Ирихой — они ведь тоже строители, значит, и от их имени дядя Егор говорит.

— Ой, Митяй! — вдруг всполошилась Ириха. — А как же нашу учительницу зовут?

Наморщил Митяй лоб — нет, тоже не помнит! Заслушался дядю Егора, а про дело и забыл!

— Ничего, мы её по короне найдём! — сказала Ириха. — Смотри, у какой учительницы корона на голове, та, значит, и наша!

Идут Митяй с Ирихой, на головы учительницам смотрят, а на ноги наступают — некогда им вниз смотреть.

— Простите, простите! — то и дело извиняется Ириха. — Мы тётю с короной ищем, вы не видели такой?

Очень трудно найти свою учительницу — попробуй разгляди снизу, есть или нет у кого на голове корона. Нельзя же всех людей просить, чтобы они головы наклоняли!

Совсем расстроились Митяй с Ирихой: все ребята парами стоят, а они бродят как неприкаянные. Все на них сердито поглядывают.

КАК ШКОЛУ ОТКРЫВАЛИ

— А как зовут вашу учительницу?

— Мы не помним. Нам только сказали, что у неё причёска как корона.

— Нина Павловна, вас тут ищут!

Оглянулись Митяй с Ирихой, а позади высокая учительница стоит.

— Вы из первого класса «А»? — спросила Нина Павловна. — Тогда ступайте в конец шеренги, — и тут

же отвернулась, потому что директор Вера Ивановна позвала:

— Первый «А»!

Повела Нина Павловна своих ребят к подъезду — будто фея к сказочному дворцу. Корона на голове сияет, серёжки на солнце переливаются. Грянул оркестр — золотые трубы блеснули на солнце. В такт музыке закивали головками маргаритки в руках Ирихи.

Тук-тук-тук! — весело стучит Митяево сердце. Вот уже и мраморные ступеньки.

Тум-тум-тум! — отбивает такт шагам беспокойный пенал в портфеле.

Не вытерпел Митяй, подошёл к Вере Ивановне и дёрнул ее за рукав:

— А когда же школу открывать будем?

— Прозевал — уже открыли!

И верно: ленточка уже не одна — на две части её перерезали, открылась дорога к школе.

Опечалился Митяй: школу он строил, а открыли её другие.

— Подержи-ка букет! — попросила Ириха.

Взял Митяй у неё из рук букет, портфели на ступеньку поставил, а Ириха открыла свою санитарную сумочку, достала из неё маленькие ножницы и отрезала от ленты три кусочка — себе, Митяю и Мишке.

Теперь всё в порядке — они тоже открыли школу!

КУСАЧАЯ ПАРТА

— Не отставать! — Нина Павловна посмотрела на Митяя и погрозила пальцем. — А то опять потеряетесь!

— Не беспокойтесь! Ни за что не потеряемся! — пообещала Ириха.

— Мы эту школу как свои пять пальцев знаем! — подтвердил Митяй.

Многие ребята впереди стали оборачиваться. Они смотрели и улыбались, как будто Митяй с Ирихой говорили что-то очень смешное.

— Не верите? Не верите? — рассердился Митяй. — Вот глядите!

Он обогнал колонну, обогнал Нину Павловну, пробежал к первому классу «А» и распахнул дверь настежь: заходите, пожалуйста!

Удивилась Нина Павловна, покачала головой, перестали смеяться и ребята. А один, самый маленький, мальчик, заикаясь от волнения, сказал:

— И очень плохо, что ты под ленточку залазил без разрешения. Тебе попадет... Будешь знать, как залазить без спроса. — И тут же спрятался за чью-то спину.

— А мы и не залазили. Мы ещё до ленточки в школе были. Я с моим папой эту школу строил. И Ириха тоже.

— И я! — неизвестно откуда пискнул тоненький голосок.

Митяй подумал, что это маленький.

— Эй, Мальчик с пальчик, что это ты врёшь?

— Я не вру. Я вообще ничего не говорю, — откликнулся Мальчик с пальчик и ничуть не удивился: видно, его и раньше так называли.

— А кто же это сказал? — спросила Ириха.

Все только плечами пожимали да переглядывались.

— То-то! — протянул Митяй. — Были только я, Ириха-Врачиха и Мишука. Но вы его не знаете.

В это время Нина Павловна отобрала самых маленьких ростом и посадила их за первые парты. Ириха оказалась на том самом месте, которое сама же и облюбовала, а место Митяя занял Мальчик с пальчик. Митяй

вздыхнул, но промолчал и стал терпеливо дожидаться своей очереди.

Наконец Нина Павловна обратилась к нему:

— А ты садись у окна, вон за ту парту.

Подошел Митяй к своему месту, огляделся. Шумит за окном берёзка, воробьи по асфальту скачут. Хорошее место! Вдруг видит Митяй — к крышке парты приклеен листок, а по нему во все стороны каракули расползлись. И кто это посмел его парту портить? Сорвал Митяй листочек и стал усаживаться, да как вдруг подскочит! Ногу будто оса ужалила!

— Ой-ой! — взвыл Митяй. — Оса!

— Оса, оса! — понеслось по классу. Девочки завизжали и захныкали.

КАК ПОЧЕМУКА САМ СЕБЯ ОБМАНУЛ

Нина Павловна подошла к парте и вытащила из-под неё — кого бы вы думали? — Мишуку!

У него был очень смущённый вид.

— Ай-я-яй! — покачала Нина Павловна своей короной. — Откуда ты такой явился?

— Я из дому явился, — запинаясь, объяснил Мишука. — А чего он на чужое место сел? Ведь я же объявление приклеил, что это место моё. Митяй, отдай моё объявление!

Митяй расправил скомканное объявление и протянул приятелю. Он был так удивлен, что не стал ни спорить, ни ругаться. Даже начал оправдываться:

— Откуда же я знал, что это твоё объявление? Я же не умею читать.

Взяла учительница листок, поморщилась:

— И ведёшь ты себя, мальчик, плохо, и пишешь не лучше. Смотри, какие у тебя буквы: стоят задом напе-

рёд, скачут, одна на другую наползают. Такие же не дисциплинированные, как сам писака.

— Это ничего! — сказал Мишука. — Только вы меня возьмите учиться, и я сразу буду дисциплинированным. И буквы тоже будут дисциплинированные. Честное слово!

— Возьмите его, пожалуйста! — в один голос сказали Митяй и Ириха.

— Возьмите! — попросили и другие ребята.

— А сколько тебе лет?

Опустил Мишука голову.

— Шесть.

— Нельзя, — вздохнула Нина Павловна. — Я просто не имею права тебя взять. А может, твоя мама будет против? Иди-ка сейчас к директору, тебя отведут домой, а мне пора вести урок.

Вывела Нина Павловна Мишуку в коридор, показала, как пройти в кабинет директора. Пошёл он по коридору, и так горько ему стало! Везде ребята сидят за партами, учатся, только он никому не нужен. Захныкал Мишука. Сначала тихо, а когда подошёл к кабинету директора, заревел громко, на весь коридор, и даже лицо закрыл ладонями. Дома Мишука всегда хныкал, когда ему нужно было от матери или бабушки чего-нибудь добиться.

Дверь неожиданно открылась, и вышла директор Вера Ивановна, такая строгая, что Мишука сразу примок.

— Ты чего ревёшь, школьникам заниматься мешаешь?

— Я не реву, я просто кричу.

Мишука все-таки был очень правдивый человек, и если даже кого-нибудь обманывал, то потом всё равно признавался.

— Нет, ревёшь.— Вера Ивановна вынула платок и вытерла ему лицо.

И платок сразу стал мокрый: значит, Мишука и вправду плакал.

Выходит, на этот раз он сам себя обманул: хотел заплакать понарошку, а вышло по-правдашному.

Уж очень горько было Мишуке, что не дают ему учиться!

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК И ЕГО БЕЗОБРАЗНАЯ ЁЛОЧКА

— Ну, пойдём ко мне в кабинет, расскажешь о своём горе. Если смогу — помогу,— сказала Вера Ивановна и ввела Мишуку в кабинет. Там она усадила его в прохладное кожаное кресло, а сама села за большой письменный стол напротив.— Теперь рассказывай.

И Мишука всё рассказал. И про «Почемукину болезнь», которая не даёт покоя ни самому Мишуке, ни его больной бабушке. И про мать, которая теперь строит больницу и вечером не может отвечать на «почемуки», потому что после работы очень устаёт. И про отца, который всегда отвечал на «почемуки», но потом погиб при испытании самолёта. И главное, про то, как хочется Мишуке учиться.

Всё рассказал и замолчал. Ждёт, как решится его судьба. Вроде бы хорошо должна решиться, потому что совсем доброе лицо стало у Веры Ивановны. Будто и не она отчитывала Мишуку в коридоре.

— Ладно, попроси завтра свою маму зайти ко мне, а сейчас пойдём.

Вера Ивановна взяла Мишуку за руку и повела обратно по длинному коридору, прямо к первому классу «А».

А возле первого класса «А» стоял Мальчик с паль-

чик и колупал ногтем стену. Он так увлёкся этим занятием, что не заметил, как к нему подошли.

— Ты что здесь делаешь? — спросила Вера Ивановна таким холодным голосом, что даже у Мишуки мороз по спине прошёл.

Мальчик с пальчик поднял покрасневшие глаза.

— Меня... меня прогнали. Я ёлочку на парте нарисовал.

— Ты что же, не слышал, о чём дядя Егор говорил? — рассердился Мишука и стал ругать Мальчика с пальчик самыми страшными ругательными словами, какими только его ругали за всю его жизнь: — Ах ты, лентяй, плакса, лежебока, сладкоежка, грязнуля, завирала, чистюля, горе моё, наказание моё!

А когда все известные ругательные слова были сказаны, Мишука немного успокоился и спросил Веру Ивановну:

— Можно, я ему дам как следует?

— Не надо, дружок! Этот человек просто ещё не знает, с каким трудом люди строили школу. Видишь, его только что прогнали за ёлочку, а он уже стенку портит. Такому глупому мальчишке надо объяснить, потому что он ещё никогда не работал. А ты работал, вот и растолкуй ему. По-хорошему.

— Я растолкую, — пообещал Почемука. — Я ему по-всякому растолкую! — и показал Мальчику с пальчик кулак.

— Стой, мальчик, здесь! — ледяным голосом приказала Вера Ивановна Мальчику с пальчик, а потом очень ласково пригласила Мишуку: — А ты заходи.

В классе Вера Ивановна подошла к Нине Павловне и что-то ей шепнула. Нина Павловна закивала головой и сказала Мишук:

— Садись здесь.

Сел он за пустую парту и сразу увидел противную-препротивную ёлочку: значит, здесь и сидел Мальчик с пальчик. Ёлочка была нарисована на блестящей голубой крышке и сразу бросалась в глаза.

«Вот я какая безобразная, а тебе всё равно приходится на меня смотреть!» — словно бы издевалась ёлочка.

Открыл Мишука пенал, достал резинку и начал стирать нахальную ёлочку. К счастью, Мальчик с пальчик рисовал простым карандашом, и скоро ей пришел конец.

КАК МИШУКА ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ ПОЧЕМОКОЙ

Когда от ёлочки не осталось и следа, Мишука поднял голову и смутился. Веры Ивановны в классе уже не было, а ребята во все глаза смотрели на Мишуку. И Нина Павловна тоже.

— Ну, мальчик, ты будешь учиться в нашем классе. Встань и расскажи с себе. Мы тут уже все перезнакомились, только про тебя ничего не знаем. Говори, не стесняйся.

— Я буду космонавтом! — сразу выпалил Мишука.

— О, это очень трудная профессия! — улыбнулась Нина Павловна. — А ты не объяснишь нам, почему именно ты решил стать космонавтом?

Мишуке не пришлось размышлять над ответом: он уже всё давно обдумал и даже с матерью обсудил.

— Я хочу быть, как папа. Если бы он был жив, то полетел бы на Луну. А теперь я полечу.

Осмотрелся Мишука — все ли ему верят? Очень ему хотелось, чтобы поверили. И для большей убедительности добавил:

— А потом, я живу на улице Космонавтов, на ко-

торой не живёт на самом деле ни один космонавт. Вот я и буду первым на улице космонавтом.

— Я вижу, ты серьёзно обдумал свою будущую профессию,— сказала Нина Павловна.— Только вот одно забыл: сказать, как тебя зовут.

— Почемука.

— Почемука? — переспросила учительница.

— Правда, правда, он Почемука! — затараторила Ириха.— Он обо всём спрашивает, вот его и назвали Почемука.

— А как твои имя и фамилия?

— Мишука Токарев.

— Так вот, Миша, забудь, что тебя звали Почемукой,— ласково сказала Нина Павловна,— потому что, пока ты будешь учиться в школе, учителя ответят тебе на все твои вопросы. Ты узнаешь много нового про землю, про небо, про солнце и луну, про нашу страну, про её лучших сыновей и дочерей. А когда кончишь учиться, то будешь сам задавать вопросы и сам на них отвечать. Такие люди и становятся космонавтами, учеными или испытателями, каким был твой отец.

Подошла Нина Павловна к двери и сказала повелительно:

— Заходи, Женя Руденко. Садись на последнюю парту.

— Я больше не буду! — занял Мальчик с пальчик, а у самого глаза радостные: кому же интересно за дверью стоять?

— Итак, мы начинаем наш первый урок,— торжественно сказала Нина Павловна, но тут звонкой трелью раскатился по коридорам звонок. И сразу школа загудела от ребячьих голосов.

— Ну ничего, начнём наш первый урок после перемены,— улыбнулась Нина Павловна и кивнула своей

золотой, сверкающей на солнце короной.— А сейчас побегайте.

И Мишука вместе с Ирихой и Митяем побежали на пятый этаж — посмотреть на угол, который они вместе штукатурили. А потом спустились вниз, в физкультурный зал, где Митяй топил гвозди. А потом — во двор, где старшеклассники играли в волейбол, а девочки скакали через верёвочку. Ириха сразу же стала крутить верёвку, а Митяй пробрался к окнам мастерской — узнать, на месте ли его молоток и завезли ли уже в мастерскую станки.

Только Мишука никуда не побежал, он стоял и смотрел, как летает мяч через сетку из рук в руки. И ещё думал о том, как придёт после уроков домой и задаст матери старую-престарую загадку, которую Мишука с отцом задавали матери, когда она была сердитая: «Кто на свете самый добрый и самый строгий?»

«Ну я,— скажет мать отгадку и сразу пойдёт.— Чего тебе нужно, хитрец?»

И Мишука попросит купить ему школьную форму. Ведь теперь он не Почемука, а Миша Токарев, ученик первого класса «А». И мама, конечно, обрадуется и тут же пойдёт покупать форму.

Тут опять затрезвонил звонок, и Мишука побежал в свой класс.

На свой первый в жизни урок.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕТОПИСЬ НАШЕГО ДВОРА	5
Глава 1. Волшебные очки и мыльные пузыри	7
Глава 2. Четверо «за бортом»	11
Глава 3. Мое мнение об управдоме и вообще об именах и фамилиях	13
Глава 4. Наш двор и наш сад	15
Глава 5. Зелёный домик	22
Глава 6. Что мы будем делать?	26
Глава 7. Как я стал летописцем	29
Глава 8. Без девчонок не обойтись . .	33
Глава 9. Дуся завоёвывает симпатии .	37
Глава 10. Наши неудачи	43
Глава 11. Ссора разгорается в пожар . .	51
Глава 12. Нашего полку прибыло	54
Глава 13. О том, как трудно в детском возрасте быть жизнерадост- ным	58
Глава 14. Мы готовимся к полёту в кос- мос	64
Глава 15. История с ужом	70
Глава 16. Петька попал в осаду	76
Глава 17. Петька исчез	83
Глава 18. Шпионы	86
Глава 19. Я чуть-чуть не прославился!	90
Глава 20. «Бармалей»	97
Глава 21. Что такое ДОСО?	102
Глава 22. Как можно себя увековечить	106
Глава 23. Что такое сильный человек?	109
Глава 24. Воюют не только на войне . .	111
Глава 25. Есть ещё белые пятна!	116
Глава 26. Мы уничтожаем Димкино белое пятно	120
Глава 27. Как я стал козлом отпущения	121
Глава 28. О зелёном концерте, зелёной речи и о всякой всячине зе- леного цвета	130
Глава 29. Какую кашу заварил Василёк	137

Глава 30. Как я предугадывал события	141
Глава 31. Я смотрю в будущее	146
САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ	157
РАБОТНИЧКИ	219
Кто такой Митяй-Починяй?	221
Как Митяй табуретку чинил	223
Ириха-Врачиха	225
Почему Мишуку зовут Почемукой	227
За мной нужен глаз да глаз	229
Как Ириха и Мишука из-за солнышка чуть не подрались	232
Какая она, наша школа?	234
Что там, за оградой?	235
Школа ещё маленькая, ей надо подрасти!	238
Какие наряды раздавал дядя Дима	240
Командиры не только командуют	242
Две школы	243
Ириха меняет профессию	245
И маленькие мамы могут быть богатырями	247
Ириха управляет краном	249
Как Мишука строителям помогал	251
Сокол, а без крыльев, лес, а без деревьев	255
Мастер и мастерок	259
Как Митяй настоящим делом занялся	262
Как Ириха-Врачиха человека от смерти спасла	267
Школа будет сдавать экзамен	271
Как бы школа от дождей не размокла!	273
Хозяева	275
Как Митяй со своим молотком расстался	276
Мишука выбирает себе место	278
Сегодня всё не как всегда!	279
Какая чительница с короной, та и наша!	281
Как школу открывали	284
Кусачая парта	285
Как Почемука сам себя обманул	287
Мальчик с пальчик и его безобразная ёлочка	289
Как Мишука перестал быть Почемукой	291

Фомина Марта Петровна

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

М. «Московский рабочий». 1969.
296 с Р₂

Редактор Б. Орлов

Художественный редактор А. Игнатьева

Художник А. Леонов

Технический редактор Л. Маракасова

Корректор Л. Шандарина

Издательство «Московский рабочий»,
Москва, пр. Владимирова, 6.

Л43247. Подписано к печати 8/V 1969 г. Формат
бумаги 70 × 108¹/₃₂. Бум. л. 4,62. Печ. л. 12,95.
Уч.-изд. л. 12,06. Тираж 55 000. Тем. план
1969 г. № 289. Цена 49 коп. Зак. 2064.

Типография «Красный Пролетарий».
Москва. Краснопролетарская, 16.